



ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Верников А. В., Курьшева А. А.

Показное потребление в долг (на примере легковых автомобилей)

Крэри Дж. 24/7. Поздний капитализм и цели сна

Макаров Е. С., Тихомиров Д. А.

Проблема определения сущности денег в современной экономической социологии: между государством и доверием

Fényes H., Mohácsi M., Pusztai G.

Types and Predictors of Career Consciousness among Higher Education Students

**Экономическая
социология**
Т. 22. № 5
Ноябрь 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru



**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 22. No 5.
November 2021

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Экономическая
социология
Т. 22. № 5.
Ноябрь 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года



НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Университет Бостона (США)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Университет Аризоны (США)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Лундский университет (Швеция)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

- HSE University
- Vadim Radaev



Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE University (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE University (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE University (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE University (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

А. В. Верников, А. А. Курьшева

Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей..... 11

Новые переводы

Дж. Крэри

24/7. Поздний капитализм и цели сна..... 39

Расширение границ

Н. А. Волкова

Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника..... 54

Дебютные работы

А. В. Гришанина, А. И. Нарская, П. С. Смирнова

Качественный донор: критерии отбора доноров гамет
в российском поле вспомогательных репродуктивных технологий 83

Профессиональные обзоры

Е. С. Макаров, Д. А. Тихомиров

Проблема определения сущности денег в современной
экономической социологии: между государством и доверием..... 108

Новые книги

Л. В. Богомазова

Цифровая лихорадка: в поисках баланса между профессиональной
и рыночной логиками в веб-журналистике

Рецензия на книгу: *Christin A. 2020. Metrics at Work: Journalism
and the Contested Meaning of Algorithms*. Princeton: Princeton University Press. 256 p..... 137

Тексты на английском языке

New Texts

H. Fényes, M. Mohácsi, G. Pusztai

Types and Predictors of Career Consciousness among Higher Education Students..... 151

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

New Texts

Andrei Vernikov, Anna Kurysheva

Precedence and Conspicuousness in Car Consumption..... 11

New Translations

Jonathan Crary

24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep (an excerpt)..... 39

Beyond Borders

Nataliya Volkova

Land Use Regulations: Legally Fluid Technology 54

Debut Studies

Anastasia Grishanina, Alexandra Narskaya, Polina Smirnova

High-Quality Donor: Criteria for the Selection of Gamete Donors
in the Russian Field of Assisted Reproductive Technologies 83

Professional Reviews

Egor Makarov, Dmitry Tikhomirov

The Problem of Defining the Essence of Money in Contemporary Economic Sociology:
Between the State and Trust..... 108

New Books

Liudmila Bogomazova

“Digital Rush”: In Search of Balance between Professional and Market Logics
in Web Journalism

Book Review: Christin A. (2020) *Metrics at Work: Journalism and the Contested
Meaning of Algorithms*, Princeton: Princeton University Press. 256 p..... 137

Texts in English

New Texts

Hajnalka Fényes, Márta Mohácsi, Gabriella Pusztai

Types and Predictors of Career Consciousness among Higher Education Students..... 151

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Уважаемые читатели!

Конец года сопровождается очередной волной пандемии коронавируса, надежды на лучшее пока не оправдываются, ограничения не снимаются, многие студенты вновь перешли к онлайн-обучению. Но это не мешает выходу нового номера нашего журнала.

Тексты на русском языке

В рубрике «**Новые тексты**» публикуется статья д. э. н. *А. В. Верникова* (ведущий научный сотрудник Института экономики РАН) и к. э. н. *А. А. Курышевой* (старший научный сотрудник Южного федерального университета) «Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей». Цель исследования — проанализировать практики потребительского и заёмного поведения на примере покупки легковых автомобилей в кредит в Ростовской области. Используются материалы и статистические данные за 2002–2020 гг. из широкого набора источников (Банк России, Росстат, Национальное бюро кредитных историй, ГИБДД и др.). Эмпирические результаты показывают, что произошло опривычивание опережающего потребления, в том числе покупки автомобилей в долг в показных «статусных» целях. Делается вывод, что концепции опережающего и показного потребления сохраняют актуальность и помогают объяснить ряд эмпирических проявлений финансиализации на уровне домашних хозяйств.

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с главой из книги профессора *Джонатана Крэри* (Колумбийский университет в Нью-Йорке) «24/7. Поздний капитализм и цели сна» (М.: Изд. дом ВШЭ, 2021; готовится к изданию). Джонатан Крэри исследует некоторые из разрушительных последствий непрерывных и расширяющихся процессов, характерных для капитализма XXI века, когда рынок непрестанно работает в режиме 24/7, подталкивая нас к постоянной активности и подтачивая многие формы общественного и политического самовыражения. Журнал публикует первую главу из книги, в которой автор обсуждает причины эрозии сна и обозначает роль в этом современного капитализма. Перевод с английского *Андрея Васильева*. Фрагмент книги публикуется с согласия Издательского дома НИУ ВШЭ.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья *Н. А. Волковой* (аспирантка РАНХиГС) «Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника». Согласно гипотезе представленного исследования, городское право действует не как нормативный или политический инструмент, а как «неустойчивая техника» (термин М. де Лаэт и А. Мол), которая объединяет пучок нормативных стилей. В качестве примера неустойчивой техники права в статье рассмотрен локальный документ российского городского регулирования — Правила землепользования и застройки (ПЗЗ). Материал исследования был собран весной 2021 г. в двух российских региональных городах, названных в тексте «город-фронт» и «город-завод».

А. В. Гришанина (агентство Getbrand), *А. И. Нарская* (корпорация «Яндекс») и *П. С. Смирнова* (корпорация «Яндекс») в рубрике «**Дебютные работы**» предлагают исследование «Качественный донор: критерии отбора доноров гамет в российском поле вспомогательных репродуктивных технологий». Исследование отвечает на вопрос, можно ли говорить о попытке родителей повлиять на «качество» ребёнка в поле вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) через механизм выбора донора га-

мет. Цель работы — выяснить, как распределяются возможности контроля «качества» ребёнка между медиками и бесплодными парами, а также понять, какие социальные основания скрываются за используемыми критериями выбора донора гамет. Эмпирическим объектом выступают представители репродуктивных центров и банки репродуктивных тканей Москвы. Всего собрано 15 полуформализованных интервью. Сделан вывод о том, что потенциальные родители включены в поле ВРТ как акторы, подчинённые в своих действиях медицинским центрам.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» публикуется работа *Е. С. Макарова* и канд. соц. н. *Д. А. Тихомирова* (оба — с кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова) «Проблема определения сущности денег в современной экономической социологии: между государством и доверием». В фокусе внимания авторов обзора находится дискуссия о сущности денег. В обзоре рассматриваются теоретические решения Н. Додда и Дж. Ингэма, при этом основное внимание уделяется идеям классиков в данной области — работам Дж. М. Кейнса и Г. Зиммеля. Основной тезис обзора заключается в том, что метафора денег как идеи связана с выделением меры стоимости в качестве главной функции денег, в то время как товарной метафоре соответствует выделение функции средства обмена в качестве ключевой.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на книгу американского социолога французского происхождения *Энжел Кристин* «Метрики на работе: журналистика и спорное значение алгоритмов» (*Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*. Princeton: Princeton University Press, 2020). Книга посвящена особенностям функционирования веб-изданий в эпоху погони за трафиком. Цель книги — показать, каким образом внедрение алгоритмов в работу медиаорганизаций отражается на профессиональной идентичности журналистов и их рабочих практиках. Рецензируемая монография базируется на сравнительном исследовании двух веб-изданий 2011–2015 гг. — американского и французского. Для достижения поставленной цели автор применяет смешанную методологию, в основе которой наблюдение и полуструктурированные интервью с сотрудниками медиаорганизаций. Опираясь на богатый эмпирический материал, автор книги ставит под сомнение утверждение о том, что метрики способствуют стиранию различий между национальными СМИ стран мира. Рецензия подготовлена *Л. В. Богомазовой* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

Тексты на английском языке

Д-р *Хайнака Фенеш*, д-р *Марта Мохачи* и профессор *Габриэлла Пуштаи* (все — сотрудники гуманитарного факультета Дебреценского университета, Венгрия) представляют свое исследование «Types and Predictors of Career Consciousness among Higher Education Students» («Типы и предикторы карьерного сознания среди университетских студентов»). Авторы исследуют карьерные представления университетских студентов и факторы, влияющие на эти представления. Данные были собраны в ходе опроса, проведённого в пяти странах Центральной и Восточной Европы ($N = 2199$). Анализ методом главных компонент позволил выделить два типа карьерного сознания. Первый включает карьерные мотивы на входе в университет, второй охватывает карьерно-ориентированные представления и действия, осуществляемые в ходе обучения. Результаты кластерного и регрессионного анализа подтвердили существование этих двух различных студенческих типов. Далее различное влияние на эти два типа оказывают социально-демографические параметры и области образования.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

By the end of this year, we will be facing the next wave of the COVID-19 pandemic, but we do anticipate a better future. The barriers are still in place, and many students have returned to online education once again. However, this does not affect the publication of a new issue of our journal.

Texts in Russian

Dr. *Andrei Vernikov* (senior research fellow, Institute of Economics, RAS) and Dr. *Anna Kurysheva* (senior researcher, Southern Federal University) present their paper “Precedence and Conspicuousness in Car Consumption.” The aim of the study is to review the institutions of consumer behavior and borrowing behavior, which have taken root due to consumer lending, in the case of auto loans in the Rostov region of Russia. The authors rely on material and statistical data for 2002–2020 from a variety of sources, including the Central Bank of Russia, Rosstat, credit bureaus, traffic police, etc. The empirical results show a habitualization of the precedence of consumption (a term used by Baudrillard), including debt-driven ostentatious consumption. The authors conclude that the concepts of precedence of consumption and ostentatious consumption remain valuable instruments in enabling us to interpret a number of empirical effects of financialization at the household level.

We publish a translation of a chapter from Prof. *Jonathan Crary's* (Columbia University, New York) book *24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep*. The book explores some of the ruinous consequences of the expanding non-stop processes of twenty-first-century capitalism. The marketplace now operates around the clock, pushing us into constant activity and eroding forms of community and political expression, damaging the fabric of everyday life. The journal will publish the first chapter, which engages in a discussion of the reasons for sleep erosion and its connection to the dynamics of modern capitalism. The chapter was translated by *Andrey Vasiliev* and published with kind permission from the HSE University Publishing House.

Nataliya Volkova (Ph.D. student in sociology, RANEPA) presents a paper “Land Use Regulations: Legal Fluid Technology.” According to the hypothesis of this study, urban law does not act as a normative or political tool but as an “unstable technique” (a term used by de Laet and Mol) that unites a range of normative styles. In exemplifying the unstable technique of law, the article considers a local document of Russian urban regulation—Rules of Land Use and Development (PZZ). The research material was collected in the spring of 2021 in two Russian regional cities named in the text: Frontier City and Factory City.

Egor Makarov and Dr. *Dmitry Tikhomirov* (both from the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics) present an analytical review in “The Problem of Defining the Essence of Money in Contemporary Economic Sociology: Between State and Trust.” The article considers the problem of defining the essence of money and presents two approaches to defining this essence instantiated through Ingham and Dodd. Considerable attention is paid to classic works in the field by Simmel and Keynes. The main assertion of the article is that the metaphor of money as an idea corresponds to the proposition that the basic function of money is the measure of value (money of account) or store of value. This assertion contradicts the neoclassical model, which suggests that the commodity metaphor of money and its unit of exchange function are crucial.

Anastasia Grishanina (Getbrand), *Alexandra Narskaya*, and *Polina Smirnova* (all from Yandex) present their study “High-Quality Donor: Criteria for the Selection of Gamete Donors in the Russian Field of Assisted Reproductive Technologies.” The study addresses the following question: can we talk about the attempt by parents to influence the “quality” of their child in the field of assisted reproductive technologies (ARTs) through the mechanism of choosing gamete donors? The aim of this work is to explore how the possibilities of controlling the “quality” of a child are distributed between doctors and infertile couples as well as the hidden social grounds behind the criteria for selecting a donor. The focus of the study is on the representatives of reproductive centers and sperm and egg banks in Moscow, with whom fifteen semi-structured interviews were conducted. The study concluded that potential parents are included in the ART field as actors whose actions are subordinate to those of medical centers.

Liudmila Bogomazova (Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University) reviews a book written by French-born American sociologist Angèle Christin *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms* (Princeton: Princeton University Press, 2020). The book is devoted to the specificities of the functioning of publications during the traffic-chase era. The main goal is to show how the implementation of algorithms affects the professional identity and working practices of journalists. The book is based on a comparative study of two web publications in the United States and France during the period 2011–2015. The author uses a mixed methodology whose core is comprised of observation and semi-structured interviews with the staff of media organizations. Referring to the broad empirical material, Christin wonders whether metrics can really eradicate distinctions between national mass media in different countries.

Texts in English

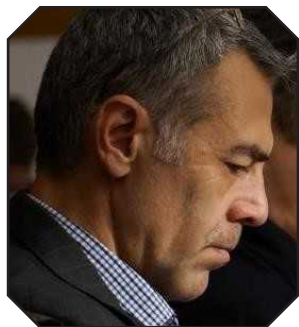
Dr. *Hajnalka Fényes*, Dr. *Márta Mohácsi*, and Professor *Gabriella Pusztai* (all from the Faculty of Humanities, University of Debrecen, Hungary) present their study on “The Types and Predictors of Career Consciousness among Higher Education Students.” The authors examine the career consciousness of higher education students and explore the factors affecting it. To do this, they conducted empirical surveys in five Central and Eastern European countries (N = 2,199). A principal component analysis resulted in two types of career consciousness. The first included career-conscious motives at the point of entry into higher education, and the second comprised career-oriented performance and actions during the course of study. The results of a cluster and regression analysis support the existence of two distinct student groups based on the two types. Furthermore, students’ socio-demographic background and the training field also variously influenced the strength of the two types of career consciousness.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. В. Верников, А. А. Курышева

Показное потребление в долг¹

На примере легковых автомобилей



ВЕРНИКОВ Андрей Владимирович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Email: vernikov@inecon.ru



КУРЫШЕВА Анна Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет. Адрес: 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

Email: anya3562@gmail.com

Нас интересует то, как рост доступности банковских кредитов стимулирует опережающее потребление, о котором писал Ж. Бодрийяр, в том числе покупку позиционных, «статусных» товаров. Цель исследования — проанализировать практики потребительского и заёмного поведения, укоренению которых способствует потребительское кредитование, на примере покупки легковых автомобилей в кредит в Ростовской области. Используются материалы и статистические данные за 2002–2020 гг. из широкого набора источников (Банк России, Росстат, Национальное бюро кредитных историй, ГИБДД и др.). Мы конструируем и рассчитываем метрики, характеризующие долговое поведение домашних хозяйств в сфере автокредитования. Эмпирические результаты показывают, что произошло опривычивание опережающего потребления, в том числе покупки автомобилей в долг в показных «статусных» целях. Кредитные деньги покрывают разрыв между стоимостью доступного автомобиля и желаемого под влиянием социально обусловленных мотивов. Расходы домохозяйств на эти цели растут в абсолютном и относительном выражениях. Мы видим свой вклад в теоретическую литературу в том, что интегрируем элементы нескольких теорий, а именно концепцию опережающего потребления, взятую из социологии, и показного потребления из институциональной теории с концепциями социальной роли банков как кредиторов, социально-экономических последствий финансовализации и др. Кроме того, мы распространяем концепцию показного потребления на практически любые товары в зависимости от мотива, который движет людьми при их покупке, и не ограничиваемся темой покупки товаров класса «люкс» обеспеченными слоями общества, как делают некоторые авторы. Вклад в эмпирическую литературу видится в операционализации упомянутых теоретических конструктов для их измерения на примере фактического материала, относящегося к покупке автомобилей в кредит. Мы делаем вывод, что концепции опережающего и показного потребления сохраняют актуальность и помогают объяснить ряд эмпирических проявлений финансовализации на уровне домашних хозяйств.

Ключевые слова: опережающее потребление; показное потребление; долговое поведение; институциональная теория; кредитование населения; финансовализация.

¹ Авторы благодарны М. Е. Мамонову за помощь в обработке финансовой отчётности российских банков; участникам конференций и семинаров в НИУ ВШЭ, Южном федеральном университете и ИЭОПП СО РАН, а также Е. В. Гончаровой, Н. Н. Губаревой, Н. С. Желноваковой, М. А. Корытцеву, Н. М. Курышевой, Д. Д. Медянцева, Д. В. Моисеевой, В. В. Радаеву, И. В. Розмаинскому, Е. А. Стукаленко, Д. Ю. Тарасенко, Л. А. Шафирову, И. М. Ширяеву, А. В. Шмакову и двум анонимным рецензентам за предложения по улучшению текста.

В брюхе солома, а шапка с заломом.

Русская народная пословица

Введение

Долгое время финансиализация² и в том числе включение домохозяйств в потребление финансовых услуг преподносились как безусловное благо для экономического роста и развития, средство преодоления бедности и неравенства. Официальная повестка, заявляемая международными организациями (Всемирный банк, Фонд капитального развития ООН, Международный валютный фонд и др.), и реализуемые на основе их рекомендаций глобальные практики популяризируют этот дискурс, не говоря уже о потоке статей и монографий, написанных поклонниками финансового капитализма. Вместе с тем ряд относительно недавних публикаций как преимущественно этической [Шенэ 2017; Стиглиц 2019], так и эмпирической направленности [Rajan 2010; Hembruff, Soederberg 2019] акцентируют внимание на противоречивых социально-экономических последствиях финансиализации.

Тема кредитования домохозяйств и его влияния на показатели благосостояния населения, совокупный спрос и экономику в целом находит отражение в дискуссиях о балансе между обоснованным включением и правомерным исключением граждан из сферы кредитования [Meyer 2018], о распространённости недобросовестных или безответственных кредитных практик, хищнического кредитования [Squires 2004], о вовлечении заёмщиков во всё новые циклы заимствования [Hembruff, Soederberg 2019]. Важно, что программы повышения финансовой грамотности лишь способствуют вовлечению граждан в долговые отношения, а не препятствуют этому [Arthur 2012].

Доступность кредитных средств расширяет возможность купить желаемые товары и услуги. Между тем желания и потребности имеют социально конструируемую природу [Veblen 1922]. Обладание вещами позволяет людям проявлять свою социальную идентичность, формировать определённый образ в глазах представителей референтных групп, а также производить впечатление на потенциальных партнёров. Для нашего исследования представляется особенно релевантной проблематика продвижения культуры опережающего потребления [Бодрийяр 2020] доступностью кредитов, расширения потребительского спроса кредиторами и стимулирования ими всё новых потребностей, которые с большой долей вероятности у людей сами собой не возникли бы или, по меньшей мере, не требовали бы немедленного удовлетворения столь настоятельно [Strathern 1992; Бодрийяр 2007]. Значительная часть такого «искусственно поощряемого потребления» носит характер показного, направленного на то, чтобы произвести внешнее впечатление [Veblen 1922]. В немалой степени потребление «напоказ» относится к покупке машин в качестве позиционных, «статусных» товаров.

Суждения об идеях учитывают эмпирические и практические последствия реализации этих идей [Johnson, Onwuegbuzie 2004: 17], поэтому мы связываем этический аспект оценивания последствий финансиализации как нарратива [Epstein 2005; Assa 2012; Sawyer 2013] с конкретным исследовательским вопросом о взаимосвязи между расширением кредитования домашних хозяйств и поощряемыми этим кредитованием институтами, такими как потребительство, опережающее потребление, потребление напоказ и т. д. Продолжая традицию институциональной экономики³ и прежде всего Т. Вебле-

² Под финансиализацией обычно понимают возрастающую роль финансовых мотивов, финансовых рынков и участников финансовой сферы [Epstein 2005]. Речь о развитии финансового капитализма с 1980-х гг. Есть много других определений (см. <https://en.wikipedia.org/wiki/Financialization>), но их главный смысл примерно такой же.

³ Под институциональной экономикой имеется в виду исходная институциональная экономическая теория, то есть работы Т. Веблена, Дж. Коммонса и др., основанные на философии прагматистов [Gruchy 1947]. Для идентификации этого направления мысли дополнительные эпитеты типа «оригинальная» или «старая» избыточны [Расков 2019].

на, в русском переводе названия книги которого есть слово «институция» [Веблен 1984], мы понимаем под институцией опривыченную, взаимно типизированную членами определённого сообщества социально-экономическую практику, в основе которой укоренённые ценности, убеждения и стереотипы. Такое понимание институции согласуется с исследовательской традицией социального конструкционизма [Бергер, Лукман 1995]. О. В. Иншаков закрепил этот важный термин в русскоязычном научном обороте, разграничив понятия «институция» и «институт» [Иншаков 2007]. Цель исследования — проанализировать практики потребительского и заёмного поведения, опривычиванию⁴ которых способствует потребительское кредитование, то есть институций опережающего потребления и потребления напоказ. В качестве иллюстрации мы используем материалы и статистические данные, относящиеся к автокредитованию в Ростовской области, крупном регионе на юге России.

Теоретический контекст

Источники, на которые опирается наше исследование, можно условно разделить на две основные группы: (1) социологическая и социально-экономическая литература, помещающая проблематику потребительского и заёмного поведения в институциональный контекст; (2) работы, посвящённые оценке взаимосвязи между потребительским кредитованием и благосостоянием домохозяйств.

Т. Веблен показал, что потребности, которые прежде рассматривались экономической наукой в качестве априори безграничных, имеют социально конструируемую природу. Развивая прагматическую философию Ч. Пирса, Веблен утверждал, что желания и потребности не могут быть истолкованы лишь исходя из наблюдаемого поведения; нужно интерпретировать лежащие в их основе убеждения и мотивы, а также оценить последствия поведения. Приобретение предметов или оплата услуг часто связаны не с их способностью обслуживать ту или иную потребность саму по себе, а с тем, что факт обладания этими товарами или использования этих услуг позволяет людям отождествлять себя с определённой социальной группой, выглядеть «не хуже других», а даже немного лучше. Эту проблематику Веблен описал, используя выражения «показное потребление»⁵, «статусно ориентированное потребление» и «показное расточительство». Признаком показного потребления служит свойство вещи обслуживать потребность в сочетании с растратой средств, причём при росте цены спрос на эту вещь не снижается, а, напротив, может вырасти. Свои идеи Веблен распространял на людей с разным уровнем доходов, не только на наиболее обеспеченные группы [Veblen 1922].

Практики показного расточительства фактически служат для публичного доказательства платёжеспособности [Радаев 2005]. Информационная функция предметов показного потребления в качестве символов социального статуса связана с соревновательностью в потреблении. Речь идёт об информации о самом себе в контексте восприятия себя другими [Шишкина 2020]. Близок по смыслу и концепт символически нагруженного потребления. Он предполагает, что вещи служат социальными знаками, а их ценность формируется в ходе социальных взаимодействий и определяется смыслами и значениями, разделяемыми людьми [Бодрийяр 2007].

Вещи имеют значение: через обладание ими люди проявляют свою социальную идентичность. Вещи приобретают значимость как выражение образа, с которым люди хотели бы ассоциироваться в глазах

⁴ По аналогии с англ. *habitualization* [Бергер, Лукман 1995: 90]. Мы избегаем перевода этого термина «калькой» с английского (см. <https://voluntary.ru/termin/habitualizacija.html>).

⁵ В своей книге Т. Веблен чаще всего (примерно 200 раз) обозначал такой тип поведения словом *conspicuous*. Среди разных вариантов перевода этого английского термина на русский язык нам больше всего понравилось «показное», тем более что и в российской научной литературе оно тоже встречается [Радина, Шайдакова, Мохнаткина 2013]. Распространившийся у нас термин «демонстративное» был лишь выбором конкретного переводчика; сам же Т. Веблен не использовал словосочетание *demonstrative consumption* [Veblen 1922]. При прочих равных условиях здесь и далее по тексту мы предпочитаем взять русское и более благозвучное слово, даже жертвуя некоторым наукообразием.

своего окружения. Наблюдения Веблена стали основой для концепции позиционных благ [Hirsch 2013], смысл которой — в идее относительной редкости, то есть в том, что таким благом не могут одновременно обладать несколько человек. Становясь общедоступным, оно утрачивает ценность, а пока остаётся редким, его обладатель чувствует свою уникальность. Подобно тому, как построения Веблена распространяются на все общественные классы, идея позиционных благ со временем также стала рассматриваться в контексте разных социальных групп, людей разного уровня достатка. Сами люди могут не рефлексировать этого, но их поведение направляется неосознанной «подгонкой» собственных норм потребления под те, что характерны для окружения. Это и заставляет чувствовать себя «относительно обделённым» при виде более красивых домов или более дорогих автомобилей. Важность социального позиционирования, проявляющегося через относительный уровень потребления, увеличивается по мере роста социального неравенства [Frank 2007].

Преобладающей характеристикой существующих моделей потребления является ложная объективизация значимости товаров [Бодрийяр 2007]. Поддерживается она стимулированием спроса, в том числе популяризацией через рекламу определённых ценностей и стереотипов потребления, в результате чего потребности фактически становятся безграничными, и люди приобретают новые или более дорогие товары уже не потому, что они им действительно необходимы. В случае если кредиторы и другие заинтересованные организации обладают значительной переговорной силой, они могут воздействовать на мотивы, связанные с социальной идентичностью потенциальных заёмщиков, со всёвозрастающим энтузиазмом эксплуатируя распространённые поведенческие стереотипы [Strathern 1992]. По мнению социальных психологов, сексуальная мотивация является одной из самых сильных и заставляет совершать необдуманные траты в стремлении произвести впечатление на партнёра. Показное расточительство, как назвал бы это Веблен, увязывается с более высоким престижем и статусом, которые представляют собой важные элементы системы сексуальных сигналов [Sundie et al. 2011].

На этом фоне доступность кредитов влияет на жизненный цикл обладания вещами. Кредитная экономика порождает этику «опережающего потребления», когда вещи приобретаются людьми, ещё не будучи заработанными [Бодрийяр 2020], что рождает тему влияния долга на благосостояние домохозяйств. Социально-культурные проявления показного потребления в результате насаждения стереотипов потребительства в российском обществе связывают как раз с переходом к рыночной экономике [Ростовцева, Мирошина 2012], а значит, с развитием финансиализации и потребительского кредитования как части этого процесса.

Институциональная природа денег обуславливает социальную значимость банков при осуществлении ими кредитной функции. Банки можно рассматривать как фирмы особого рода; роль их в качестве кредиторов состоит в том, чтобы следить за кредитоспособностью заёмщиков, а также за приемлемым соотношением между уровнем задолженности и просроченными долгами [Лакомски-Лагерр 2020]. Идея функциональной дифференциации кредита Й. Шумпетера предполагает, что разные кредиты играют разную роль в экономике. Производительные кредиты, финансирующие реальную экономику, способствуют экономическому росту, а непроизводительные, поддерживающие инновации в финансовом секторе и стимулирующие потребление, имеют меньше отношения к росту и развитию [Шумпетер 1982].

Среди обуславливаемых социальным влиянием психологических факторов, поддерживающих долговое потребление, есть такие: социальная терпимость по отношению к долгам, одобрение и поощрение использования кредита для финансирования потребностей; социализация за счёт материальных благ как индикатора качества жизни; воспроизведение семьями, в которых к долгам относятся терпимо, долговой модели потребления в следующих поколениях; социальное сравнение (если люди ориентируются на более обеспеченные референтные группы и стараются жить «не хуже других», то они более расположены залезть ради этого в долги); слишком высокие потребительские запросы, несоразмерные

с текущими возможностями и уровнем доходов [Lea, Webley, Walker 1995]. Институциональный подход позволяет предположить, что из-за эмоциональной приверженности и самоидентификации индивиды могут продолжать придерживаться тех образцов поведения, которым следовали ранее, даже когда изменившиеся условия делают это невыгодным или убыточным [Schmid 2004]. При этом организации, которым выгодно существующее положение дел, препятствуют институциональным изменениям, угрожающим разрушить устоявшийся порядок [North 2005: 77].

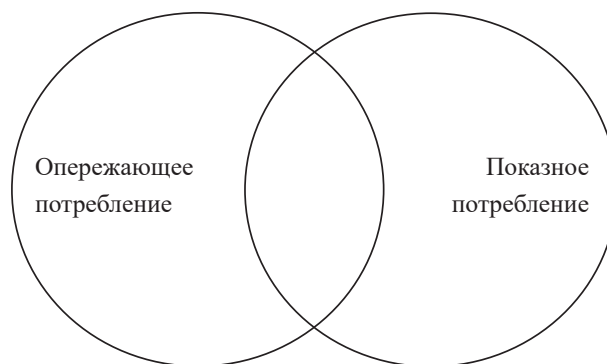
Антропологическая литература акцентирует внимание на моральном аспекте, интегрированном в долговые отношения и тесно связанном с дискуссиями о формировании кредитором ориентиров и приоритетов в потреблении и о принимаемых заёмщиком на себя кредитных обязательствах. Может показаться, что риторика индивидуальной ответственности заёмщика помогает предотвратить неконтролируемый рост долговой нагрузки. Однако существует мнение, что в современном обществе такие установки не ограничивают потребительское кредитование, а лишь подстёгивают его, потому что люди прибегают к заимствованиям в стремлении избежать морального обязательства перед родственниками и знакомыми и рассчитывать только на свои силы в обустройстве собственной жизни [Юдин 2015].

Распространённым нарративом является увязка доступа к финансовым услугам с благосостоянием населения [Green, Kirkpatrick, Murinde 2005]. Утверждается, что отсутствие такого доступа и неиспользование людьми банковских услуг препятствует преодолению бедности и неравенства по доходам, не позволяет малообеспеченным домохозяйствам вкладывать средства в своё образование и открывать своё дело, тем самым замедляя экономический рост [Levine 2005]. Этот нарратив подчёркивает необходимость политики, направленной на расширение охвата населения традиционным банковским кредитованием [Beck, Demirgüç-Kunt, Levine 2007]. Считается, что домохозяйства прибегают к заимствованиям для поддержания привычного уровня потребления, его «сглаживания» [Demirgüç-Kunt, Levine 2009] или снижения уровня отложенного спроса [Ниворожкина 2014].

При этом ряд работ выявляют отрицательную взаимосвязь между расширением кредитования и показателями благосостояния населения. В частности, по мере роста доступности кредитов для малообеспеченных домохозяйств прирост бедности вследствие кредитной нагрузки ускоряется. Например, исследование по материалам 2007–2012 гг. обнаружило, что более 1,5 млн российских домохозяйств оказались фактически бедными вследствие выплат процентов по кредитам, хотя официально таковыми не считались [Ниворожкина 2014].

Ряд источников рассматривают взаимосвязь между показным потреблением, социальным неравенством и долгом домохозяйств. В экономических системах, где основным мотивом служит извлечение прибыли, это достигается главным образом стимулированием потребительского спроса. Рост предложения кредитов и потребления, финансируемого за счёт долга, служит предвестником финансовых кризисов [Kapeller, Schütz 2015].

Между ключевыми для нас в этой статье понятиями «опережающее потребление» и «показное потребление» имеется взаимосвязь. Часть показного потребления приходится на те социальные группы, чьё материальное положение позволяет не обращаться к кредиторам за недостающими ресурсами (собственно, именно об этом писал Т. Веблен). В то же время далеко не во всех случаях покупаемые людьми в кредит товары служат исключительно целям позиционирования, подачи сигнала другим членам сообщества и т. д. Если говорить о покупке автомобилей, то возможны и такие мотивы, как изменение семейного положения и места жительства, индивидуальная трудовая деятельность, проблемы с общественным транспортом и др. Графически взаимосвязь между двумя концептами можно выразить так, как показано на рисунке 1. Интересующая нас проблематика, то есть опережающее (за счёт привлечения банковского кредита) потребление напоказ, относится к зоне пересечения двух множеств.



Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Соотношение между опережающим потреблением и показным потреблением

Методология, данные, гипотезы и показатели

Методологический подход

В соответствии с методологией институционализма мы трактуем статистические тенденции в качестве эмпирического проявления институций, отражающих социальные привычки поведения с лежащими в их основе стереотипами и ценностями [Dewey 1939; Gruchy 1947]. Это исследование сосредоточено на финансовых потоках от банков к домохозяйствам (то есть на структуре и динамике заимствований), а также на показателях доходов и расходов домохозяйств. Мы исходим из того, что анализ этого материала позволит выявить с той или иной степенью аппроксимации, как менялись привычки потребительского и заёмного поведения, сделать предположения о том, какие стереотипы, поддерживаемые финансовыми учреждениями, их сформировали.

Мы сосредоточились на двух эмпирических эффектах — опривычивания долгового поведения среди граждан Ростовской области, то есть укоренения институции опережающего потребления, и показного характера приобретения автомобилей в кредит. В русскоязычной среде для обозначения поведенческой модели, соответствующей институции показного потребления, служат, на наш взгляд, слова «напоказ», «щегольство» [Ростовцева, Мирошина 2012], отражающие стремление создать видимость чего-то, произвести внешнее впечатление, сформировать желаемый образ себя, не соответствующий действительности, «пустить пыль в глаза» в качестве способа социализации. Результаты проинтерпретированы с учётом нарративов, распространённых среди участников отношений по поводу автокредитования.

Продолжая традицию Т. Веблена, мы распространяем концепцию показного потребления на любые категории населения [Veblen 1922: 85; Kapeller, Schütz 2015] и на потребление практически любых товаров, не ограничиваемся темой покупки товаров класса «люкс» слоями общества с высоким доходом, как делают некоторые авторы. Если индикатором опережающего потребления выступает уже сам факт обращения за кредитом, то потребление напоказ рассматривается как один из мотивов, который движет людьми.

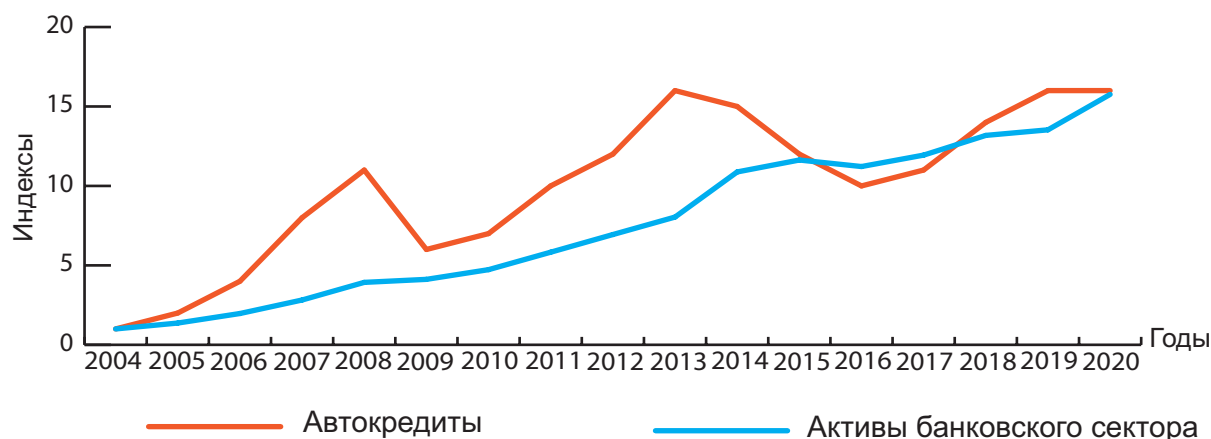
Эмпирическим материалом для нашего исследования послужили данные Банка России о кредитовании физических лиц (2002–2020 гг.), данные Росстата и Ростовстата о доходах и расходах домохозяйств и численности населения за соответствующий период, а также данные ГИБДД о наличии автомобильного транспорта в собственности (2000–2019 гг.) по России в целом и Ростовской области. В качестве источников данных о рынке новых легковых автомобилей и автокредитования использованы отчёты Национального бюро кредитных историй (НБКИ), Банка России и его Южного главного управления, Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ), Аналитического агентства «Автостат», маркетингового

агентства Russian Automotive Market Research (RAMR), компании ЕУ и портала Banki.ru. Более подробная характеристика данных и описательная статистика приводятся в приложении.

Выбор Ростовской области в качестве территории исследования обусловлен аффилиацией одного из авторов, а также наличием эмпирического «задела» по смежной проблематике [Оганесян, Шафиров 2013].

Развитие автокредитования в России и Ростовской области

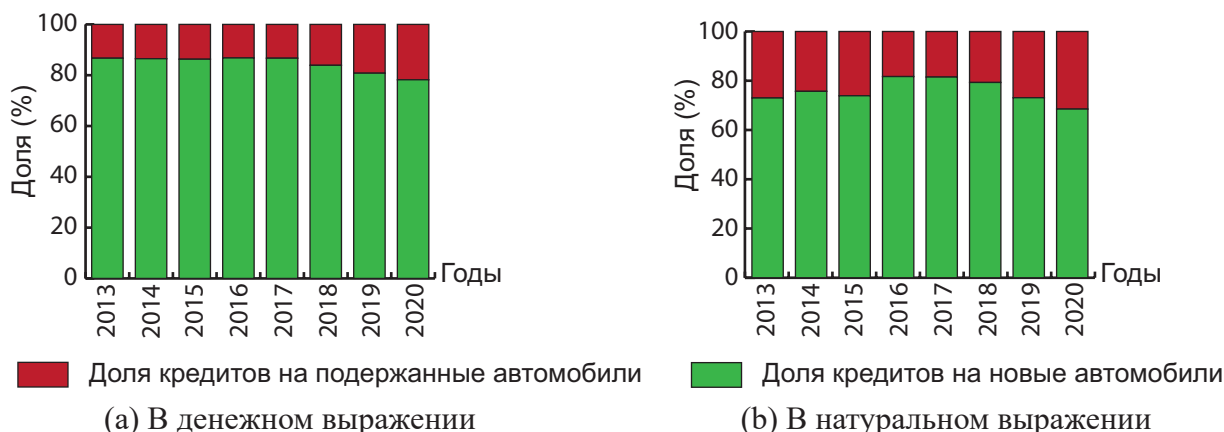
Автокредитование в качестве сегмента целевого кредитования развивалось достаточно интенсивно и чуть быстрее, чем активы банковского сектора в целом, с перерывами на два кризисных периода (см. рис. 2).



Источник: рассчитано по данным Банка России.

Рис. 2. Активы банковского сектора, Россия в целом, индексы (2004 г. = 1)

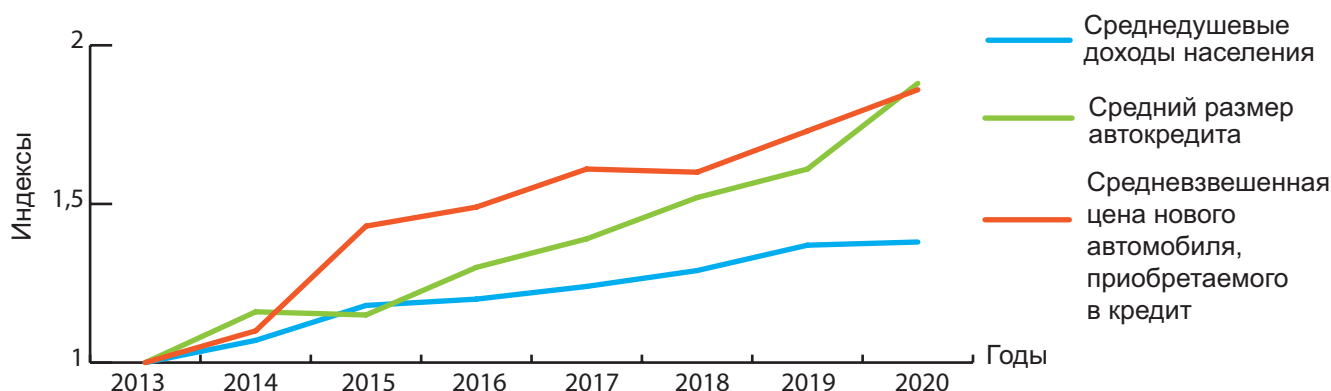
Первоначально за счёт автокредитов приобретались только новые машины; со временем в кредит стали оформляться и подержанные. Мы провели расчёты за 2013–2020 гг. по выборке крупнейших банков, занимающихся автокредитованием (источник: портал Banki.ru), на которые приходилось 66–82% совокупных банковских портфелей автокредитов за период наблюдений. Граждане чаще брали кредит для покупки новых ($\frac{3}{4}$ всех машин, или около 85% в среднем в стоимостном выражении), а не подержанных машин (см. рис. 3), однако доля подержанных неуклонно растёт, что может быть следствием стагнирующих реальных доходов населения.



Источник: рассчитано по данным Banki.ru.

Рис. 3. Соотношение новых и подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж, Россия в целом

Средневзвешенная цена на приобретаемые в кредит новые автомобили (с 2013 г.) и средний размер автокредита (с 2015 г.) росли быстрее доходов населения (см. рис. 4).



Источник: рассчитано по данным Банка России, Росстата, НБКИ, Автостата.

Рис. 4. Цена на новые автомобили, автокредит и доходы населения, Россия в целом, индексы (2013 г. = 1)

Значительную роль в стимулировании кредитных продаж автомобилей сыграли государственные программы поддержки (2009–2011 гг.; 2015–2020 гг.), а также деятельность кэптивных банков, принадлежащих крупным автопроизводителям, доля которых в общем портфеле автокредитов возросла с 15% в 2014 г. до 25% в 2019 г.⁶

Население Ростовской области составляет около 3% численности населения России и четверть от населения Южного федерального округа (ЮФО). Доходы и расходы на душу населения лишь незначительно отстают от среднероссийских значений (см. табл. 1).

Таблица 1

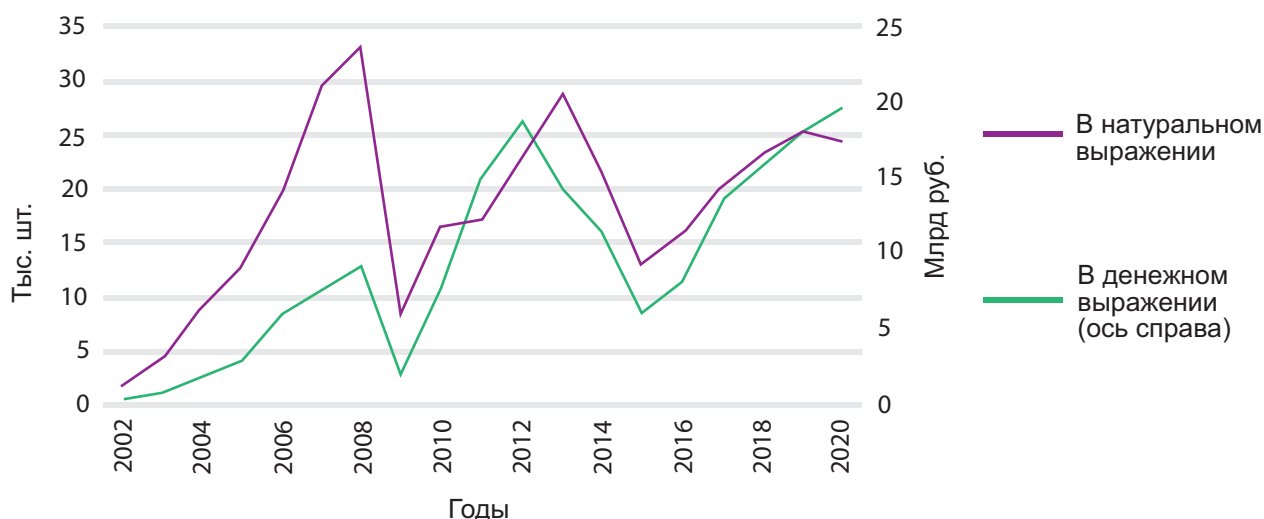
Социально-экономические показатели на душу населения. 2019 г.

Показатель	РФ	Ростовская область
Потребительские расходы	28 470 руб.	26 767 руб.
Среднедушевой доход	35 247 руб.	30 752 руб.
Медианная зарплата	34 335 руб.	27 619 руб.
Валовой региональный продукт (ВРП), годовое значение	646 144 руб.	389 933 руб.
Обеспеченность легковыми автомобилями, на 1000 чел.	315,5 ед.	330,2 ед.

Источник: данные Росстата, Ростовстата, ГИБДД.

Тенденции автокредитования в Ростовской области показывают достаточно интенсивное развитие с 2002 г. Как количество, так и особенно объём полученных гражданами автокредитов после временных спадов возобновляли рост (см. рис. 5).

⁶ См. отчёт компании Ernst & Young: The Russian and CIS Automotive Industry: Current Trends and Outlook. Ernst & Young. 2020. March. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/topics/automotive-and-transportation/ey_auto_survey_30032020_en.pdf?download.



Источник: рассчитано по данным Банка России, Росстата, НБКИ, Автостата.

Рис. 5. Динамика полученных населением автокредитов

По данным Росстата, на начало 2020 г. 33% жителей имели в собственности легковой автомобиль, а область занимала седьмое место среди всех субъектов РФ по количеству зарегистрированных легковых автомобилей. Достаточно высокая обеспеченность населения области легковыми автомобилями означает, что первичная автомобилизация уже произошла. При покупке машины теперь растущую роль начинают играть мотивы, не связанные с автомобилем как техническим средством передвижения, то есть комфорт, престиж и т. д.

Мотивы покупки машин в долг

Для выявления распространённых нарративов, относящихся к мотивам покупки машины в кредит, нами были проведены неструктурированные интервью с владельцами машин. Выборка включала 15 жителей Ростова-на-Дону разных возрастных категорий (мужчины и женщины 23–53 лет); у 11 из них имелся опыт приобретения автомобиля в кредит для личного (некоммерческого) использования в течение последних трёх лет, у остальных четырёх такого опыта не было, но родственники или близкие знакомые оформляли автокредит. Беседы проводились до достижения теоретического насыщения, то есть до тех пор, пока в дискурсах очередных информантов выявлялись новые объяснения интересующих нас мотивов. Нарративы, которые воспроизвели проинтервьюированные, были разбиты нами на две группы⁷:

- рационализация приобретения автомобиля в кредит как привычного поведения, социальной нормы:

Занимать нормально, все сейчас берут кредит;

Мы же живём в кредитной экономике;

Ждать зачем? Можно и сейчас себе позволить;

Если денег не хватает, то кредит — это как раз не страшно;

По-моему, если сейчас в кредит ничего никогда не брал, на тебя косо смотрят;

- мотивы приобретения автомобиля, который не по карману, в кредит (независимо от того, происходила ли покупка первого автомобиля или замена имеющейся машины на очередную):

⁷ В рамках данного исследования сегментация владельцев автомобилей и заёмщиков в зависимости от мотивов, которыми они руководствуются, не проводилась. В связи с этим социальные характеристики респондентов не указаны.

Уже такой возраст, что думаешь: вроде как уже пора, и ты что, один такой, этого не достоин?
Живём один раз;
Зауважают...
Девушек привлекает больше, знакомиться проще;
Ну, как почему? Это круто. А то, что в кредит, ну и что... Тем более что потом перепродать такую очень легко;
Хорошее вложение денег;
Скоро подорожает, постоянно дорожают, точно так же перепродам года через два;
Пора менять уже;
Машине три года, морально устарела;
Новая машина безопаснее;
Базовой комплектации совершенно недостаточно.

Соответствующие нарративы, склоняющие покупателя к оформлению кредита на машину, апеллируют к определённым стереотипам. Так, вполне исправный имеющийся автомобиль продаётся, а новый покупается только потому, что «пора менять» или это «круто», и этим надо кому-то что-то продемонстрировать. Ещё один широко распространённый нарратив транслирует мысль об «инвестиционном» мотиве покупки автомобиля (машина якобы позволяет уберечь деньги от обесценения) или даже о спекулятивном мотиве (успеть купить по старой цене, чтобы потом перепродать с выгодой). Однако обычная серийная машина не может являться средством сохранения стоимости (*store of value*), то есть защитным активом. Даже самые удачные марки нереально перепродать с выгодой, если корректно учесть все расходы владения, упущенную выгоду, движение валютного курса и т. д.

Спрос со стороны частного потребителя на машины часто подогревается «понтами» — желанием выделиться, обратить на себя внимание. Покупка автомобиля классом выше, пусть и подержанного, приносит ощущение причастности к более обеспеченной социальной группе: факт получения кредита под приобретение машины известен мало кому, зато видимость относительно высокого уровня потребления создана. И автопроизводители, и автодилеры отлично понимают эти психологические особенности, умело эксплуатируют их, используя рекламу, а также другие средства. К этой же категории можно отнести распространённый нарратив о том, что автомобиль является неотъемлемым атрибутом успешного молодого человека, в частности, для привлечения женского внимания.

Суждения о практической эффективности предметов способны маскировать статусно ориентированный характер потребления [Радаев 2005]. Свой спрос на пафосные дорогие — статусные — вещи люди могут не рефлексировать, и тем более не признавать открыто. Рационализация такой покупки происходит с помощью сочетания самых разнообразных, часто убедительно выглядящих аргументов. Например, это утверждения о прямой зависимости качества и безопасности машины от её цены со ссылкой на якобы авторитетные «независимые» источники, на самом деле имеющие сильный конфликт интересов. Нередки апелляции к результатам так называемых краш-тестов, экологических и прочих исследований, где рейтинг марки обычно предопределяется лишь размером маркетингового бюджета данного автопроизводителя или дилера. Покупка автомобилей с заведомо завышенными характеристиками, напичканных разнообразными опциями, мотивируется тем, что без этого машина не была бы качественной и безопасной, не выполняла бы своего предназначения (перевозить из точки А в точку Б).

Адресатом апологетического нарратива в пользу взятия кредита на покупку более дорогой машины часто является другой член домохозяйства, прежде всего — жена покупателя, поскольку в семье с низким уровнем среднедушевого дохода семейными финансами чаще распоряжается женщина [Ибрагимова 2012]. Супругу(-е) «продают» убедительно звучащую историю, чтобы избежать осуждения своих

действий, получить согласие на радикальную смену приоритетов семейного бюджета, а порой и на поручительство перед банком. Аргумент о «небезопасности» бюджетных машин действует сильно, хотя при спокойной езде с разрешённой скоростью в городе разница между марками машин нивелируется.

Гипотезы и показатели

Анализ литературы, фактических тенденций автомобилизации в Ростовской области, а также нарративов, полученных в ходе интервью, позволил сформулировать две гипотезы:

Гипотеза 1 (H 1). Иметь долг за покупку машины стало социально приемлемой и одобряемой нормой, то есть институция опережающего потребления автомобилей укоренилась.

Гипотеза 1 (H 2). Рост опережающего потребления связан с показным потреблением.

В качестве индикаторов взаимосвязи между развитием автокредитования и опривычиванием опережающего и показного потребления мы используем как первичные данные, приведённые в приложении, так и сконструированные на их основе показатели (см. табл. 2).

Таблица 2

Сконструированные показатели укоренения опережающего потребления и показного характера потребления в сфере автокредитования

Показатель	Формула расчёта	Источник данных
Финансализация рынка легковых автомобилей	Сумма полученных населением автокредитов / Расходы населения на покупку легковых автомобилей	Банк России, Росстат, Ростовстат, НБКИ, Автостат, RAMR
Доля домохозяйств, вовлечённых в заимствования	Количество полученных населением автокредитов / Численность населения × Средний размер домохозяйства	НБКИ, Автостат, Росстат, Ростовстат
Размер автокредита на новый автомобиль	Сумма полученных населением автокредитов × Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении) / Количество полученных населением автокредитов × Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж (в натуральном выражении)	НБКИ, Автостат
Размер автокредита на поддержанный автомобиль	Сумма полученных населением автокредитов × Доля поддержанных автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении) / Количество полученных населением автокредитов × Доля поддержанных автомобилей в структуре кредитных продаж (в натуральном выражении)	НБКИ, Автостат
Годовой доход домохозяйств	Среднедушевой доход × Численность населения × 12	Росстат, Ростовстат
Годовой доход одного домохозяйства	Среднедушевой доход × Размер домохозяйства × 12	Росстат, Ростовстат

Источник: составлено авторами.

Мы рассчитываем относительные величины, чтобы нейтрализовать влияние инфляции и колебаний курса рубля. Метрики сгруппированы согласно тому, какой аспект интересующего нас явления можно аппроксимировать с их помощью — опривычивание долга, то есть укоренённость институции опережающего потребления, и показной характер потребления.

Оценку *укоренённости институции опережающего потребления* мы проводим через следующие метрики:

- *финансализация рынка легковых автомобилей* служит показателем зависимости рынка легковых автомобилей от заимствований. Его значение также показывает, насколько домохозяйства полагаются при покупке машины на внешний поток денег вместо собственного текущего дохода и формируемых за его счёт сбережений. Косвенно это даёт представление о степени социального одобрения долгового поведения, а также указывает на мотивацию организаций поощрять культуру опережающего потребления и дальше;
- *доля домохозяйств, вовлечённых в заимствование*, рассчитывается как отношение количества полученных в течение года населением автокредитов к количеству домохозяйств, проживающих в регионе. Будучи отнесено накопительным итогом за весь период наблюдений к числу домохозяйств на конец 2020 г., количество полученных кредитов аппроксимирует долю домохозяйств региона, имеющих опыт заимствований по автокредитам, указывает на степень укоренённости модели опережающего потребления среди населения;
- *сумма полученных населением автокредитов и задолженность населения по автокредитам* сопоставлены с *годовым доходом домохозяйств* в виде индексов. Сравнение тенденций изменения показателей даёт основания подтвердить или опровергнуть предположение о связи между ростом доступности кредитов для населения и институцией потребления напоказ. Опережающий рост объёмов заимствований и накопления задолженности по сравнению с доходами отражает стремление граждан потреблять сверх текущих финансовых возможностей, а также указывает на то, что разрыв между фактически доступным и желаемым потреблением всё в большей степени преодолевается за счёт кредита. Учитывая, что автомобили не являются предметом первой необходимости, небезосновательно предположение о социально обусловленной мотивации, описанной нами в предыдущих разделах. Соображения комфорта и престижа заставляют оформлять кредиты на всё большие суммы, что приводит к постепенному привычиванию такой модели поведения.

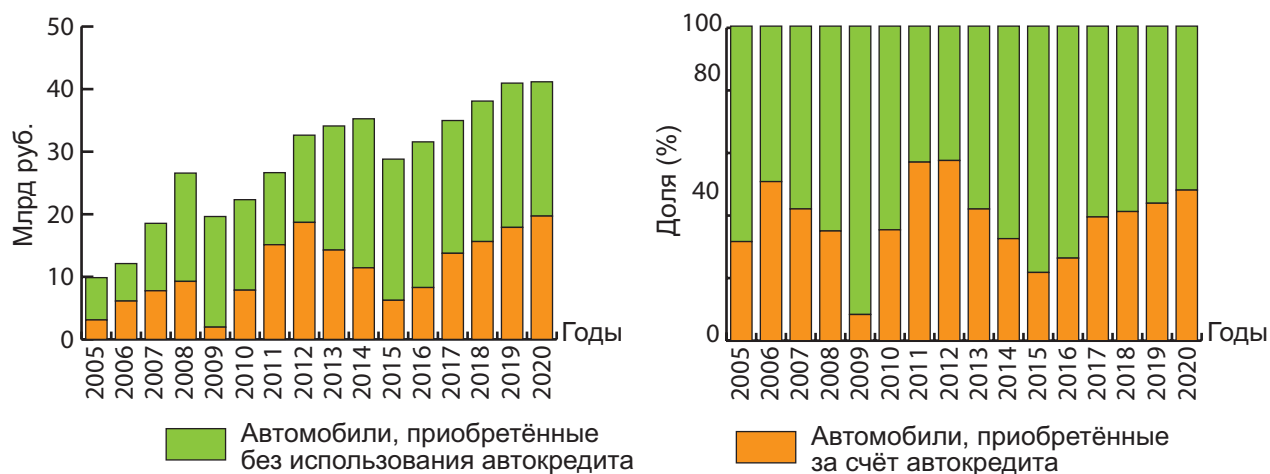
Теоретический конструкт *показного потребления* мы операционализируем следующим образом:

- *индекс цены нового кредитного автомобиля* сопоставлен с изменением *индекса потребительских цен (ИПЦ) на легковые автомобили*. Мы полагаем, что опережающий рост средней цены машины, финансируемой за счёт кредита, не может целиком объясняться лишь такими естественными экономическими причинами, как инфляция или рост курса валюты, и отражает социальные аспекты приобретения автомобилей, о которых говорилось выше;
- *размеры автокредита рассчитаны по отдельности для нового и поддержанного автомобиля*. Их значения, а также *цена нового кредитного автомобиля* сопоставлены с *годовым доходом одного домохозяйства*. Эти показатели представляют собой данные микроуровня. Тенденция к росту размера кредита и цены машины относительно дохода укажет на то, что заёмщики приобретали всё более дорогостоящие «статусные» машины. Это выявит распространённость новой модели поведения и рост потребительских притязаний среди покупателей, даже невзирая на то, что обладание таким автомобилем связано с ростом расходов по обслуживанию долга.

Эмпирические результаты и их обсуждение

Результаты

Ещё 25 лет назад автокредитования в качестве отдельного сегмента потребительского кредитования фактически не существовало. На рисунке 6 показано, что уже с 2005 г. для жителей Ростовской области кредиты превратились в привычный источник финансирования покупки автомобиля. Доля кредитных денег в расходах населения на легковые автомобили была максимальной в периоды, непосредственно предшествовавшие банковским и финансовым кризисам: в 2006 г. она достигла половины розничных продаж автомобилей, в 2011–2012 гг. — уже 60%. Восстановление динамики заимствований (см. рис. 5) и пропорции кредитных машин в общей структуре продаж автомобилей (см. рис. 6) после кризисных периодов говорит о довольно сильном укоренении привычки к заимствованиям. К концу 2020 г. этот показатель составил 47,9%. Наши расчёты не включают полученные гражданами беззалоговые потребительские кредиты, часть которых тоже может быть направлена на покупку машин, то есть в действительности степень финансиализации рынка легковых автомобилей Ростовской области ещё выше. Всего в 2002–2020 гг. жителями Ростовской области было получено в форме автокредитов 180,7 млрд руб., что составило 39,9% расходов граждан на легковые автомобили.



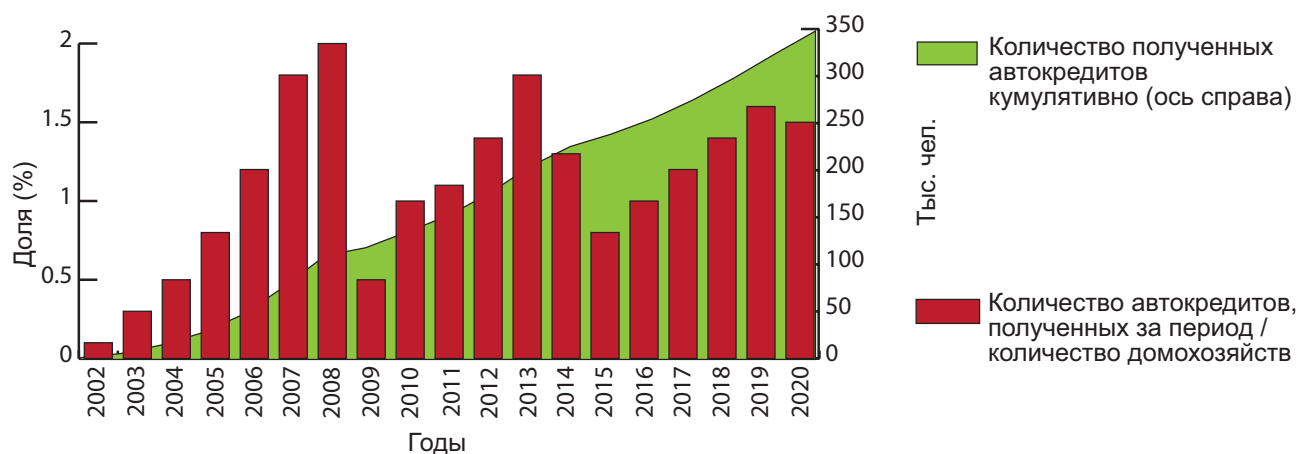
(а) Расходы населения на покупку легковых автомобилей

(б) Структура расходов населения на легковые автомобили

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 6. Финансиализация рынка легковых автомобилей

Вовлечение населения региона в заимствования растёт. Количество выданных автокредитов за 2002–2020 гг. накопительным итогом составило 348 875 ед. (см. рис. 7), то есть 10,1% от числа жителей трудоспособного и старше трудоспособного возраста Ростовской области на 1 января 2021 г.

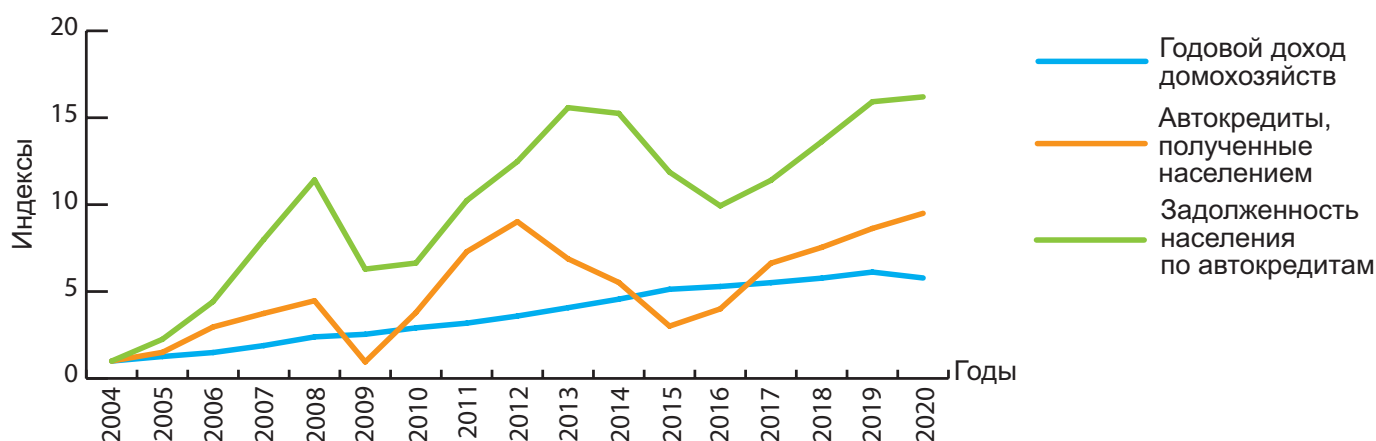


Источник: рассчитано авторами.

Рис. 7. Опыт заимствования домохозяйствами на цели покупки автомобилей в кредит

Количество полученных за период автокредитов мы принимаем за ориентир числа заёмщиков. Количество домохозяйств, имеющих непосредственный личный опыт заимствования для финансирования покупки машины, относительно значения 2002 г. выросло в 2020 г. в 192 раза, а доля домохозяйств области, имеющих опыт заимствований, к концу 2020 г. достигла 21,7% от числа домохозяйств. Здесь возможен двойной счёт, когда члены одного домохозяйства покупают за период наблюдений машину в кредит больше одного раза. Точных данных об этом не имеется из-за отсутствия кредитного регистра. После устранения двойного счёта доля домохозяйств, привлекавших автокредит, несколько снизилась бы — с $\frac{1}{5}$ до, возможно, $\frac{1}{6}$, что тоже немало.

Объём полученных домохозяйствами средств в форме автокредитов и совокупная задолженность домохозяйств по автокредитам перед банками демонстрировали однонаправленные тенденции (см. рис. 8). Это интенсивное развитие автокредитования в периоды, предшествующие кризисам, и устойчивость к финансовым потрясениям, то есть быстрое восстановление после кризисов.



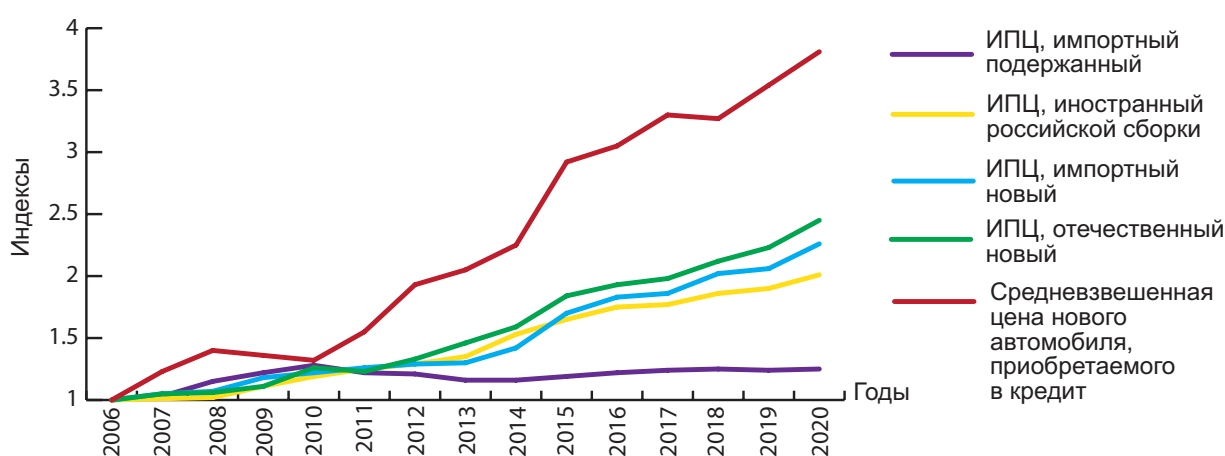
Источник: рассчитано авторами.

Рис. 8. Задолженность по автокредитам, объёмы полученных автокредитов и доходы домохозяйств, индексы (2004 г. = 1)

В то время как годовой доход домохозяйств вырос к концу 2020 г. относительно уровня 2004 г. лишь примерно в 6 раз, объём полученных автокредитов в денежном выражении увеличился почти в 10 раз, а на-

копленная задолженность — в 16 раз. Относительная динамика этих показателей свидетельствует об укоренённости привычки к заимствованиям, то есть к финансированию покупки машины за счёт автокредита. Разрыв между стоимостью машины, обладать которой стремится заёмщик, и стоимостью той, которую он в действительности способен приобрести, ограничившись собственными доходами и не прибегая к заимствованиям, преодолевается с помощью кредита. Особенно заметным этот разрыв становился в периоды, предшествовавшие кризисам. Характерно, что в 2020 г., во время пандемии коронавирусной инфекции, доходы домохозяйств упали, но наряду с увеличением объёма непогашенной задолженности, что можно было бы связать с ростом доли просроченных займов, наблюдалось и увеличение выдачи новых автокредитов.

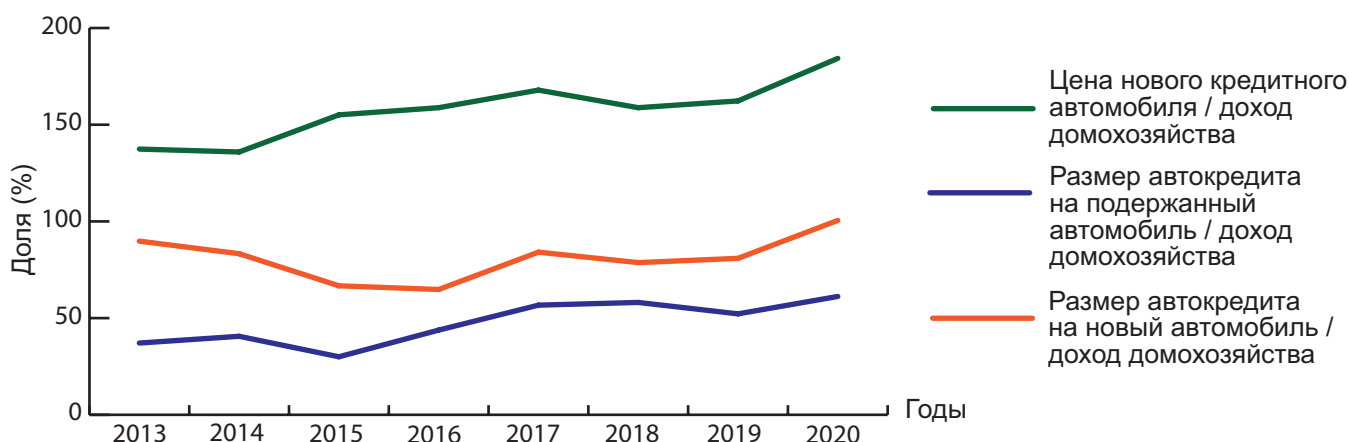
Средневзвешенная цена на новые автомобили, приобретаемые в кредит, на протяжении всего периода интенсивного развития автокредитования росла значительно быстрее средних цен на машины как отечественных, так и иностранных марок, в том числе собираемых на российских заводах (см. рис. 9).



Источник: расчёты авторов.

Рис. 9. Цены на легковые автомобили, индексы (2006 г. = 1)

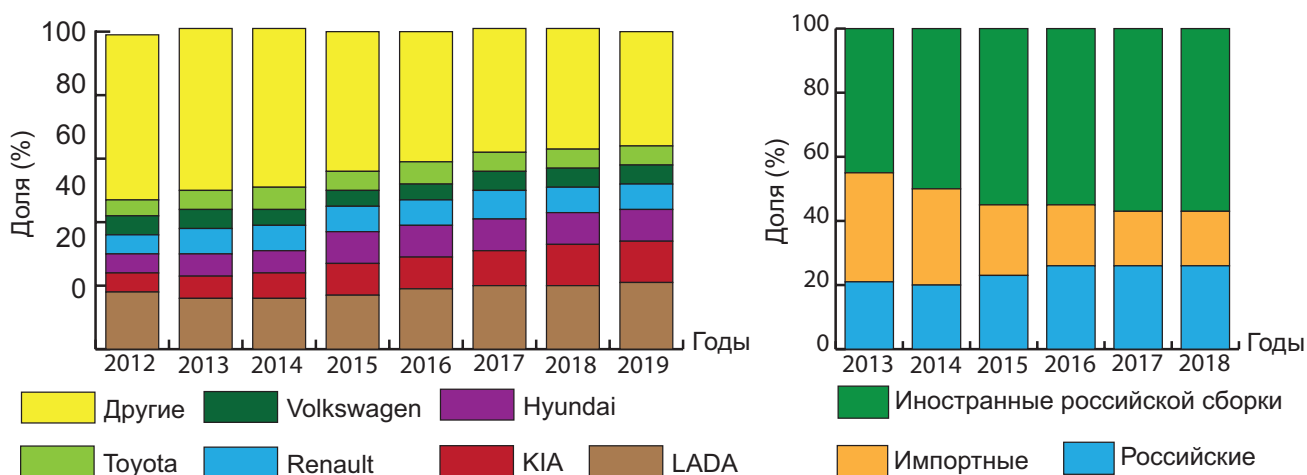
Такие показатели, как цена нового автомобиля, приобретаемого за счёт автокредита, а также средний размер автокредита на новую и подержанную машину, показывают рост относительно уровня дохода отдельного домохозяйства на протяжении последних шести лет (см. рис. 10).



Источник: расчёты авторов.

Рис. 10. Цена нового легкового автомобиля, размер автокредита и годовой доход домохозяйства

Если в общей структуре российского авторыннка лидирует недорогой отечественный автомобиль (см. рис. 11a), то в структуре кредитных продаж — уже более дорогостоящие машины, что видно из сопоставления средних цен (см. рис. 9). Это важный момент, подтверждающий наши предположения. Подобный эффект возник, даже невзирая на массовые правительственные программы стимулирования, часть которых («Первый автомобиль») была задумана как способ расширить сбыт продукции российской автомобильной промышленности. В 2013–2018 гг. в структуре продаж новых автомобилей происходил более интенсивный рост иностранных марок местной сборки (на 12 п. п.), в связи с тем что программы льготного автокредитования, реализуемые государством, были направлены на целевую поддержку этого сегмента (см. рис. 11b). Продажи российских брендов, хотя и являлись также объектом программ автокредитования, выросли за тот же период гораздо меньше — на 5 п. п. Возможно, из-за того, что они воспринимаются покупателями как менее «престижные». Доля импортных иностранных машин, стимулирование которых не предполагалось программами поддержки автокредитования, упала на 17 п. п.



(а) По брендам

(б) В зависимости от страны производства

Источник: данные Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ), Ernst & Young (EY)

Рис. 11. Структура продаж новых легковых автомобилей

Удорожание автомобилей обуславливает тенденцию расширения круга марок, подлежащих налогообложению по повышенной ставке транспортного налога, то есть фактически признаваемых государством как предметы роскоши. Министерство промышленности и торговли в 2021 г. включило в соответствующий список автомобилей⁸ ряд марок и моделей, отсутствовавших в аналогичном перечне предыдущего года (Skoda Kodiaq SportLine, Toyota Fortuner 2.8 Elegance, Citroen SpaceTourer Business Lounge XL, Peugeot Traveller Business VIP Long) и не рассматривавшихся как престижные.

Обсуждение результатов

Приведённые факты о финансировании населением покупки автомобилей за счёт кредитов подтверждают актуальность изучения темы показного потребления в долг для выбранного региона, а также позволяют не без основательности говорить о распространении результатов проведённого исследования на другие регионы или страну в целом.

⁸ См.: Перечень легковых автомобилей средней стоимостью от 3 миллионов рублей, подлежащий применению в очередном налоговом периоде (https://minpromtorg.gov.ru/docs/#!/perechen_legkovykh_avtomobiley_sredney_stoimostyu_ot_3_millionov_rublej_podlezhashhiy_primeneniyu_v_ocherednom_nalogovom_periode_2021_god).

Мы видим в описанных тенденциях указание на то, что автомобили приобретаются населением в значительной степени под воздействием мотивов, связанных с влиянием окружения, со стремлением социализироваться за счёт приобретения новой машины. Это выражается в желании иметь автомобиль не хуже, а желательнее, и немного дороже того, который приобрёл знакомый. Это вполне сопоставимо с наблюдениями и объяснением аналогичных проявлений социальной идентичности в форме относительного социального позиционирования [Frank 2007].

Мы полагаем, что эмпирические данные подтверждают справедливость нашей гипотезы об укоренённости институции опережающего потребления домохозяйств, эмпирически проявляющейся в устойчивой привычке заимствовать у банков деньги на покупку машины (Н 1). Использование чужих денег для этого перестало быть предосудительным и получило общественное одобрение, став частью социальной идентичности.

Воплощённые в устном и письменном народном творчестве традиционные ценностные представления осуждали жизнь в долг, однако за короткий срок произошло изменение поведенческих стереотипов, и мы связываем это с активной ролью банков, равно как и прочих стейкхолдеров автомобильной отрасли. Дискурс, направленный на опривычивание долгового поведения, вытекает из мотива извлечения прибыли там, где драйвером развития экономики постулируется бесконечное расширение потребительского спроса за счёт кредита [Kapeller, Schütz 2015] и без дифференциации целевого назначения этих кредитов [Шумпетер 1982]. В свою очередь, заинтересованные организации препятствуют институциональным изменениям, которые способны нарушить сложившееся положение дел и помешать дальнейшему извлечению прибыли [North 2005].

Интенсивная финансиализация автомобильного рынка, таким образом, тесно связана с влиянием социальных факторов, а именно с одобрением кредита как способа сохранить видимость статуса или повысить его в глазах окружения. Фактически кредит позиционируется как способ преодоления ощущения относительного дискомфорта, который позволяет людям почувствовать себя «не хуже других» через обладание вещами определённой стоимости и потребительских характеристик. Распространённый нарратив, способствующий этому, утверждает необходимость обращения за кредитом для расширения своего потребления и чуть ли не повышения финансовой устойчивости, вместо того чтобы опираться на свой, пусть и скромный, текущий доход. Об этом свидетельствуют тенденции опережающего накопления задолженности и интенсивного использования кредитных денег для финансирования покупки автомобилей в сравнении с ростом доходов домохозяйств (см. рис. 8).

Поскольку именно реализация новых, а не подержанных автомобилей является драйвером кредитных продаж (см. рис. 3), небезосновательно предположить, что стимулирование институции показного потребления («раскручивание потребления напоказ») происходит в большей степени в сегменте новых автомобилей.

Строго говоря, уже сам факт обращения за кредитом на новую машину при вполне исправной имеющейся свидетельствует о том, что люди не избегают возможности заимствования для этой цели, и это превратилось в массовую, социально одобряемую черту поведения.

Аналогично сам факт применения при сделке схемы «трейд-ин» может также рассматриваться как один из критериев показного потребления: предполагается, что у покупателя уже есть своя машина, причём относительно «молодая» и находящаяся в хорошем состоянии, исправная, иначе дилер не принял бы её в частичную оплату новой машины. Эту машину вполне можно было бы эксплуатировать дальше. По данным агентства «Автостат», по итогам 2020 г. доля сделок по схеме «трейд-ин» в продажах новых автомобилей составила 31%.

Институция потребления напоказ поддерживается и поощряется кредиторами, поскольку она стимулирует рост средней цены автомобиля, продаваемого в кредит. За 2013–2020 гг. соотношение между суммой кредита на поддержанную машину и доходом домохозяйства выросло сильнее, чем в случае с новым автомобилем. В 2020 г. средняя величина кредита на поддержанную машину составила 556 587 руб., что довольно много. Рост приведённых на рисунке 10 показателей продолжался даже в период пандемии коронавирусной инфекции, на протяжении 2020 г., то есть на фоне финансовых трудностей, связанных с падением доходов, спрос на автомобили по-прежнему поддерживался за счёт кредитования. Косвенно это подтверждает тенденцию убеждения потенциальных заёмщиков в необходимости приобретения автомобилей, которые люди воспринимают как более «престижные» или «статусные». А такое восприятие относительно и определяется действительным уровнем дохода, ценностью актива и социальным положением заёмщика.

Поскольку ключевой идеей концептов, описывающих суть показного потребления, является относительность [Veblen 1922; Frank 2007; Hirsch 2013], то в качестве статусного, или престижного, может рассматриваться автомобиль практически любого класса, а не только так называемых люксовых марок или моделей. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по Ростовской области в январе — марте 2021 г., согласно данным Росстата, составила 37 568 руб., а средневзвешенная цена новой легковой машины, приобретаемой в России, за тот же период, по оценке агентства «Автостат», достигла 1,803 млн руб., или эквивалентна двухлетнему среднедушевому заработку. По итогам августа 2021 г. этот показатель возрос уже до 2,140 млн руб. Средняя цена поддержанного автомобиля возросла за тот же период на 20,5% и составила в августе 2021 г. 800 тыс. руб. (на Юге России — 840 тыс. руб.). На любую машину даже среднего класса средний работник должен был бы долго откладывать средства, и обладание ею тоже символизирует для кого-то повышение социального статуса. Здесь-то и появляется банк-кредитор...

Превращение покупки автомобилей в кредит в социальную привычку и связанная с ней финансовализация данного рынка служат индикатором того, что в действительности именно предложение автокредитов со стороны банков и их доступность для населения служат драйвером кредитных продаж. Есть основание предположить, что банки, занимающиеся автокредитованием, автопроизводители, автосалоны и правительство будут продолжать стимулировать спрос населения на автомобили, финансируемые за счет автокредита. Достигается это, в частности, воздействием на социальную идентичность потенциальных заёмщиков с целью вовлечения их в кредитные отношения или в повторяющиеся циклы заимствований, что является распространённым сюжетом в литературе на эту тему [Strathern 1992]. Основные инструменты такого воздействия — реклама через средства массовой информации, которая склоняет покупателей к приобретению машин определённых марок и моделей, дополнительных опций к ним, убеждение клиентов в выгодности кредитных схем по сравнению с покупкой автомобиля за наличные, другие методы введения в заблуждение.

На наш взгляд, тот факт, что средневзвешенная цена на приобретаемые в кредит новые автомобили (с 2013 г.) и средний размер автокредита (с 2015 г.) росли быстрее доходов населения (см. рис. 4), отражает связь между финансированием покупки машин кредитными деньгами и показным потреблением в подтверждение гипотезы 2 (Н 2). Эта связь проявляется в тенденции принятия гражданами на себя долговых обязательств в объёме, опережающем рост их собственных доходов, либо даже тогда, когда доходы вообще не растут или падают. Финансирование покупки машины за счёт заимствований продолжает воспроизводиться и в том случае, если люди уже и не очень могут себе позволить обслуживать долг, что опять же свидетельствует об укоренении этой практики [Schmid 2004].

Существует целый ряд альтернативных объяснений опережающего роста цен на автомобили: уменьшение числа автопроизводителей и ослабление конкуренции, ценовой сговор между крупными автодилерами, банальная нехватка машин (как в 2021 г.), повышение издержек в отрасли. Рост средней цены кредитной машины может быть вызван не только запросами покупателя и его возможностью взять

кредит, но и предложением в кредит лишь «богато» оснащённых выгодными дилеру опциями машин и невозможностью приобрести автомобиль в базовой комплектации, особенно в условиях дефицита⁹. Мы считаем, что эти контраргументы не опровергают в целом наши логические построения, хотя и заставляют отказаться от абсолютизации показных мотивов при интерпретации эмпирических данных.

В периоды экономических спадов или как часть предвыборной кампании правительства нередко используют расширение доступа граждан к кредитам в качестве популярной меры и «анальгетика» (обезболивающего средства), действие которого направлено на отвлечение общественного внимания от острых социальных вопросов и финансовых трудностей, а также для сглаживания ощущения неравенства [Rajan 2010]. Отмеченные тенденции развития автокредитования позволяют предположить, что это имеет отношение и к российской действительности.

Заключение

Наша работа сосредоточена на исследовательском вопросе о взаимосвязи между расширением кредитования домашних хозяйств и поощряемых им институциях потребительства, опережающего и показного потребления. Укоренение этих институций проанализировано нами на материале, относящемся к приобретению автомобилей и автокредитованию в Ростовской области за 2002–2020 гг. Данные взяты из таких источников, как Банк России, Росстат, Национальное бюро кредитных историй, ГИБДД и др. Мы сконструировали и рассчитали метрики, с помощью которых аппроксимировали интересующие нас аспекты долгового поведения домохозяйств региона в сфере автокредитования. Исследование эмпирически проверило два эффекта: (1) опривычивание долгового поведения российских домохозяйств при покупке машин, превращение его в социальную норму; (2) связь опережающего потребления и показного потребления автомобилей с расширением потребительского кредитования.

Наши эмпирические результаты показывают, что развитие автокредитования отражает укоренение «привычки к заимствованию» и социального одобрения долга, поэтому после прохождения кризисных периодов заимствование возобновляется и активизируется (Н 1). Произошло опривычивание опережающего потребления, включая покупку автомобилей в долг «напоказ» (Н 2). Признаком показного потребления в долг мы считаем сравнительную динамику стоимости покупаемой в кредит машины и размера автокредита, которые росли быстрее средних цен на легковые автомобили. Люди ориентируются на обладание тем, что немного превосходит имеющееся у других из непосредственного социального окружения, и отсюда — соревновательность в потреблении [Veblen 1922; Frank 2007; Шишкина 2020]. Цена приобретаемых в кредит машин растёт, как и сумма займа, наряду с социально обусловленным стремлением, чтобы каждый очередной автомобиль был немного лучше прежнего. Расширение доступности кредитов на фоне нарративов, конструируемых и продвигаемых заинтересованными в развитии кредитования банками, участниками автомобильной отрасли и государством, формирует и меняет социальную идентичность граждан. Разрыв между реально доступным автомобилем и тем, который является желанным в силу социально обусловленной мотивации, покрывается кредитными деньгами во всёвозрастающей степени. Стимулирование автокредитования банками и государством приводит к высокой степени финансовализации рынка легковых автомобилей. Рост задолженности по основному долгу сопровождается ускорением оформления новых кредитов на большие суммы и значительно опережает рост доходов домохозяйств.

Проведённое исследование подтверждает, что концепции опережающего и показного потребления сохраняют актуальность и помогают объяснить ряд эмпирических проявлений финансовализации на уровне домашних хозяйств. Свой вклад в теоретическую литературу мы видим в том, что соединяем элементы нескольких теорий, включая социологическую концепцию культуры опережающего по-

⁹ По словам одной из участниц обсуждения данной работы в ЛЭСИ НИУ ВШЭ, люди покупают машины в максимальной комплектации «от безвыходности». Имеется в виду, что дилеры отказываются продавать в кредит машины без опций и дополнительного оборудования, хотя сам тезис звучит несколько гротескно.

требления, концепты показного потребления и социальной роли банков как кредиторов из институциональной экономической теории, социально-экономических последствий финансиализации и др. Особенностью подхода является и то, что мы, продолжая традицию Т. Веблена, распространяем концепцию показного потребления на практически любые товары, рассматривая такое потребление как один из мотивов, который движет людьми, а не ограничиваемся темой покупки товаров класса «люкс» слоями общества с высоким доходом, как делают некоторые авторы. Вклад в эмпирическую литературу состоит в операционализации теоретических конструкторов опережающего и показного потребления для их измерения на примере фактического материала, относящегося к покупке автомобилей в кредит. Предметом для дальнейших исследований является пересечение нашей темы (расширение спроса на автомобили с помощью кредитных рычагов) с проблематикой устойчивого развития на местном (город Ростов-на-Дону) и региональном уровнях.

Приложение

Таблица П.1

Описательная статистика

Показатель	Единица измерения	Период времени (годы)	Количество наблюдений	Минимальное значение	Максимальное значение	Медиана	Стандартное отклонение	Источник
Сумма полученных населением автокредитов (за год)	Млрд руб.	2002–2020.	19	0,41	19,71	8,29	6,28	НБКИ, Авто-стат
Количество полученных населением автокредитов (за год)	Шт.	2002–2020	19	1820	33 056	19 500	8535	НБКИ, Авто-стат
Задолженность населения по автокредитам*	Млрд руб.	2004–2020	17	0,96	23,98	16,18	7,22	Банк России
Расходы населения на покупку легковых автомобилей	Млрд руб.	2005–2020	16	9,87	41,17	30,19	9,63	Росстат, Ростов-стат
Цена нового кредитного автомобиля**	Тыс. руб.	2002–2020	19	250	1 676	680	468	НБКИ, Авто-стат
Сумма полученных населением автокредитов (поквартирно)	Млрд руб.	2013 (1-й квартал) — 2020 (4-й квартал)	32	1,27	6,06	2,70	1,47	НБКИ, Авто-стат, RAMR
Количество полученных населением автокредитов (поквартирно)	Шт.	2013 (1-й квартал) — 2020 (4-й квартал)	32	1 629	8 003	5 384	1 574	НБКИ, Авто-стат, RAMR
ПСК***, новые автомобили	Доля	2013 (1-й квартал) — 2020 (4-й квартал)	32	0,12	0,30	0,14	0,02	Банк России
ПСК, поддержанные автомобили	Доля	2013 (1-й квартал) — 2020 (4-й квартал)	32	0,16	0,30	0,19	0,04	Банк России
Средний срок кредита	Год	2013 (1-й квартал) — 2020 (4-й квартал)	32	3,33	5,00	4,09	0,53	Банк России, НБКИ
Среднедушевой доход (за год)	Руб. в мес.	2013–2020	8	20 995	31 300	27 394	3 522	Росстат, Ростов-стат

Таблица П.1. Окончание

Показатель	Единица измерения	Период времени (годы)	Количество наблюдений	Минимальное значение	Максимальное значение	Медиана	Стандартное отклонение	Источник
Среднедушевой доход (поквартально)	Руб. в мес.	2013 (1-й квартал) — 2020 (3-й квартал)	31	16 999	37 095	26 713	4 770	Росстат, Ростовстат
Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении)****	Доля	2013 (1-е полугодие) — 2020 (1-е полугодие)	15	0,78	0,88	0,86	0,03	Banki.ru
Доля подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж (в денежном выражении)	Доля	2013 (1-е полугодие) — 2020 (1-е полугодие)	15	0,12	0,22	0,14	0,03	Banki.ru
Доля новых автомобилей в структуре кредитных продаж	Доля	2013 (1-е полугодие) — 2020 (1-е полугодие)	15	0,64	0,84	0,77	0,06	Banki.ru
Доля подержанных автомобилей в структуре кредитных продаж (в натуральном выражении)	Доля	2013 (1-е полугодие) — 2020 (1-е полугодие)	15	0,16	0,36	0,23	0,06	Banki.ru
ИПЦ, легковой автомобиль отечественный новый	—	2006–2020	15	1,01	1,11	1,05	0,02	Росстат, Ростовстат
ИПЦ, легковой автомобиль импортный новый	—	2006–2020	15	1,00	1,20	1,04	0,05	Росстат, Ростовстат
ИПЦ, легковой автомобиль иностранный российской сборки	—	2006–2020	14	1,01	1,13	1,05	0,03	Росстат, Ростовстат
ИПЦ, легковой автомобиль импортный подержанный	—	2006–2020	15	0,96	1,12	1,02	0,04	Росстат, Ростовстат
Численность населения	Тыс. чел.	2002–2020	19	4 182	4 366	4 246	45	Росстат, Ростовстат

Источник: расчёты авторов.

Примечания:

* Данные о задолженности по автокредитам населения Ростовской области были реконструированы на основе статистики федерального и регионального уровней.

** Использован среднероссийский показатель.

*** Полная стоимость кредита.

**** Индекс потребительских цен.

***** Этот и три следующих показателя — результат расчёта авторов на основе материалов Banki.ru.

Литература

- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
- Бодрийяр Ж. 2007. *К критике политической экономии знака*. М.: Академический проект.
- Бодрийяр Ж. 2020. *Система вещей*. М.: Рипол-Классик.
- Веблен Т. 1984. *Теория праздного класса: экономическое исследование институций*. М.: Прогресс.
- Ибрагимова Д. Х. 2012. Кто управляет деньгами в российских семьях? *Экономическая социология*. 13 (3): 22–56. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-3.html>
- Иншаков О. В. 2007. Институты и институции в современной экономической теории. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 11: 6–21.
- Лакомски-Лагерр О. 2020. Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма. *Journal of Institutional Studies*. 12 (4): 54–76. DOI: [10.17835/2076-6297.2020.12.4.054-076](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.054-076)
- Ниворожкина Л. И. 2014. Воздействие потребительского кредитования на уровень неравенства и бедности домохозяйств. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 4: 76–83.
- Оганесян А. А., Шафиров Л. А. 2013. Рационализация потребительского кредитования в интересах местного экономического развития сквозь призму институциональной экономической теории. *Terra Oeconomica*. 11 (4.3): 27–42. DOI: [10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42](https://doi.org/10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42)
- Радаев В. В. 2005. Социология потребления: основные подходы. *Социологические исследования*. 1: 5–18.
- Радина Н. К., Шайдакова Н. В., Мохнаткина И. Н. 2013. Демонстративное потребление современных подростков: социально-психологические особенности. *Социальная психология и общество*. 4 (1): 52–66.
- Расков Д. 2019. Риторика институционализма: ирония у Торстейна Веблена. *Логос*. 29 (6): 253–274.
- Ростовцева Л. И., Мирошина Е. Ю. 2012. Демонстративное потребление и гламур в современной экономике. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 1-1: 504–512.
- Стиглиц Дж. 2019. *Люди, власть и прибыль*. М.: Альпина Паблишер.
- Шенэ М. 2017. *Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Шишкина Т. М. 2020. Информационные функции демонстративного потребления. *Journal of Institutional Studies*. 12 (2): 50–66. DOI: [10.17835/2076-6297.2020.12.2.050-066](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.050-066)

- Шумпетер Й. 1982. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс.
- Юдин Г. 2015. Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика. *Вопросы экономики*. 3: 28–72.
- Arthur C. 2012. *Financial Literacy Education: Neoliberalism, the Consumer and the Citizen*. Rotterdam: Sense Publishers.
- Assa J. 2012. Financialization and Its Consequences: The OECD Experience. *Finance Research*. 1 (1): 35–39.
- Beck T., Demirgüç-Kunt A., Levine R. 2007. Finance, Inequality and the Poor. *Journal of Economic Growth*. 12 (1): 27–49.
- Demirgüç-Kunt A., Levine R. 2009. Finance and Inequality: Theory and Evidence. *Annual Review of Financial Economics*. 1 (1): 287–318.
- Dewey J. 1939. *Theory of Valuation*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Epstein G. 2005. *Financialization and the World Economy*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Frank R. 2007. *Falling Behind: How Rising Inequality Harms the Middle Class*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Green C., Kirkpatrick C., Murinde V. (eds) 2005. *Finance and Development: Surveys of Theory, Evidence and Policy*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Gruchy A. 1947. *Modern Economic Thought. The American Contribution*. New York: Prentice-Hall, Inc.
- Hembruff J., Soederberg S. 2019. Debtfarism and the Violence of Financial Inclusion: The Case of the Payday Lending Industry. *Forum for Social Economics*. 48 (1): 49–68.
- Hirsch F. 2013. *Social Limits to Growth*. Cambridge, MA; London, UK: Harvard University Press.
- Johnson R., Onwuegbuzie A. 2004. Mixed Methods Research: A Research Paradigm Whose Time has Come. *Educational Researcher*. 33 (7): 14–26.
- Kapeller J., Schütz B. 2015. Conspicuous Consumption, Inequality and Debt. The Nature of Consumption-Driven Profit-Led Regimes. *Metroeconomica*. 66 (1): 51–70.
- Lea S., Webley P., Walker C. 1995. Psychological Factors in Consumer Debt: Money Management, Economic Socialization, and Credit Use. *Journal of Economic Psychology*. 16 (4): 681–701.
- Levine R. 2005. Finance and Growth: Theory and Evidence. In: Aghion P., Durlauf S. (eds) *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: North-Holland Elsevier Publishers; 865–934.
- Meyer M. 2018. The Ethics of Consumer Credit: Balancing Wrongful Inclusion and Wrongful Exclusion. *Midwest Studies in Philosophy. Special Issue: Moral Responsibility and the Financial Crisis*. 42 (1): 294–313.

- North D. 2005. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rajan R. 2010. *Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sawyer M. 2013. What is Financialization? *International Journal of Political Economy*. 42 (4): 5–18.
- Schmid A. 2004. *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics*. Oxford: Blackwell.
- Squires G. 2004. *Why the Poor Pay More: How to Stop Predatory Lending*. Westport, CT: Greenwood Publishing Group.
- Strathern M. 1992. Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. In: Humphrey C., Hugh-Jones S. (eds) *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 169–191.
- Sundie J. et al. 2011. Peacocks, Porsches, and Thorstein Veblen: Conspicuous Consumption as a Sexual Signaling System. *Journal of Personality and Social Psychology*. 100 (4): 664–680.
- Veblen T. 1922. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: B. W. Huebsch.

NEW TEXTS

Andrei Vernikov, Anna Kurysheva

Precedence and Conspicuousness in Car Consumption

Vernikov, Andrei — DSc (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Economics RAS. Address: 32 Nakhimovsky prospect, 117218, Moscow, Russian Federation.

Email: vernikov@inecon.ru

Kurysheva, Anna — CSc (Econ.), Senior Researcher, Southern Federal University. Address: 105/42 Bolshaya Sadovaya str., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Email: vesta11@list.ru

Abstract

We study how the availability of bank loans feeds excessive consumption, including the acquisition of goods for the sake of appearances. The aim of the paper is to review the institutions of consumer behavior and borrowing behavior, which have taken root due to consumer lending, in the case of auto loans in the Rostov region, Russia. We rely on material and statistical data from 2002–2020 from a variety of sources, including the Central Bank of Russia, Rosstat, National Bureau of Credit Histories (NBCH JSC), traffic police, etc. We build and estimate metrics featuring household borrowing behavior with regard to auto loans. The empirical results suggest a habitualization of the precedence of consumption (a term borrowed from Jean Baudrillard), including debt-driven ostentatious consumption. Borrowed money closes the gap between the cost of affordable cars and that of sought-after cars under the influence of socially induced criteria. Household spending on these items grew in absolute and relative terms. Our theoretical contribution is that we integrate

the elements of several theories, namely, the concept of the precedence of consumption from sociology, ostentatious consumption from institutional theory, the social significance of banks as creditors, the socio-economic consequences of financialization, etc. Unlike some other authors, we extend the concept of ostentatious consumption to practically all goods, depending on the motivation that drives an individual, instead of confining it to luxury goods purchases by high-net-worth individuals. The contribution to the empirical literature is that we operationalize theoretical constructs in order to quantify them using factual data on auto loans. We conclude that the concepts of the precedence of consumption and ostentatious consumption remain valuable instruments in enabling us to interpret a number of empirical effects of financialization at the household level.

Keywords: precedence of consumption; ostentatious consumption; borrowing behavior; institutional theory; consumer borrowing; financialization.

Acknowledgements

The authors would like to thank M. Mamonov for assistance in processing the Russian banks performance indicators. We also thank the participants of conferences and seminars held by HSE University, Southern Federal University and Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch RAS, as well as E. Goncharova, N. Gubareva, N. Zhelnovakova, M. Koryttsev, N. Kurysheva, D. Medyantseva, D. Moiseeva, V. Radaev, I. Rozmainsky, E. Stukalenko, D. Tarasenko, L. Shafirov, I. Shiryaev, A. Shmakov and two anonymous reviewers for their careful reading and suggestions, which helped us to improve the manuscript.

References

- Arthur C. (2012) *Financial Literacy Education: Neoliberalism, the Consumer and the Citizen*, Rotterdam: Sense Publishers.
- Assa J. (2012) Financialization and Its Consequences: The OECD Experience. *Finance Research*, vol. 1, no 1, pp. 35–39.
- Beck T., Demirgüç-Kunt A., Levine R. (2007) Finance, Inequality and the Poor. *Journal of Economic Growth*, vol. 12, no 1, pp. 27–49.
- Berger P., Luckman T. (1995) *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality], Moscow: Medium Publisher (in Russian).
- Bodriyar J. (2007) *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign], Moscow: Akademicheskii Proekt Publisher (in Russian).
- Bodriyar J. (2020) *Sistema veshchey* [The System of Things], Moscow: Ripol Classic Publishing House (in Russian).
- Chesney M. (2017) *Permanentnyy krizis. Rost phinansovoy aristokratii i porazheniye demokratii* [A Permanent Crisis: The Financial Oligarchy's Seizing of Power and the Failure of Democracy], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Demirgüç-Kunt A., Levine R. (2009) Finance and Inequality: Theory and Evidence. *Annual Review of Financial Economics*, vol. 1, no 1, pp. 287–318.
- Dewey J. (1939) *Theory of Valuation*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Epstein G. (2005) *Financialization and the World Economy*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Frank R. (2007) *Falling Behind: How Rising Inequality Harms the Middle Class*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Green C., Kirkpatrick C., Murinde V. (eds) (2005) *Finance and Development: Surveys of Theory, Evidence and Policy*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Gruchy A. (1947) *Modern Economic Thought. The American Contribution*, New York: Prentice-Hall, Inc.
- Hembruff J., Soederberg S. (2019) Debtfarism and the Violence of Financial Inclusion: The Case of the Pay-day Lending Industry. *Forum for Social Economics*, vol. 48, no 1, pp. 49–68.
- Hirsch F. (2013) *Social Limits to Growth*. Cambridge, MA; London, UK: Harvard University Press.
- Ibragimova D. (2012) Kto upravlyayet dengami v rossiyskikh semyakh? [Who Manages Money in Russian Households?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 3, pp. 22–56. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-3.html> (accessed 1 November 2021) (in Russian).

- Inshakov O. (2007) Instituty i institutsii v sovremennoy ekonomicheskoy teorii [Institutes and Institutions in Modern Economic Theory]. *Journal of Volgograd State University. Economics = Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no 11, pp. 6–21 (in Russian).
- Johnson R., Onwuegbuzie A. (2004) Mixed Methods Research: A Research Paradigm Whose Time has Come. *Educational Researcher*, vol. 33, no 7, pp. 14–26.
- Kapeller J., Schütz B. (2015) Conspicuous Consumption, Inequality and Debt. The Nature of Consumption-Driven Profit-Led Regimes. *Metroeconomica*, vol. 66, no 1, pp. 51–70.
- Lakomski-Laguerre O. (2020) Kreditnaya sushchnost deneg glazami Yozefa Shumpetera: vklad v «mone-tarnyy analiz» kapitalizma [Joseph Schumpeter's Credit View of Money: A Contribution to a "Monetary Analysis" of Capitalism]. *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no 4, pp. 54–76. DOI: [10.17835/2076-6297.2020.12.4.054-076](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.054-076) (in Russian)
- Lea S., Webley P., Walker C. (1995) Psychological Factors in Consumer Debt: Money Management, Economic Socialization, and Credit Use. *Journal of Economic Psychology*, vol. 16, no 4, pp. 681–701.
- Levine R. (2005) Finance and Growth: Theory and evidence. *Handbook of Economic Growth* (eds. P. Aghion, S. Durlauf), Amsterdam: North-Holland Elsevier Publishers, pp. 865–934.
- Meyer M. (2018) The Ethics of Consumer Credit: Balancing Wrongful Inclusion and Wrongful Exclusion. *Midwest Studies in Philosophy. Special Issue: Moral Responsibility and the Financial Crisis*, vol. 42, no 1, pp. 294–313.
- Nivorozhkina L. (2014) Vozdeystviye potrebitelskogo kreditovaniya na uroven neravenstva i bednosti domokhozyaystv [Impact of Consumer Credit on the Level of Household Inequality and Poverty]. *Bulletin of Higher Education Institutes North Caucasus Region. Social Sciences Series = Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*, no 4, pp. 76–83 (in Russian).
- North D. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Oganesyan A., Shafirov L. (2013) Ratsionalizatsiya potrebitelskogo kreditovaniya v interesakh mestnogo ekonomicheskogo razvitiya skvoz prizmu institutsionalnoy ekonomicheskoy teorii [Consumer Lending Rationalization for the Local Development Benefits: An Institutional Approach]. *Terra Oeconomica*, vol. 11, no (4.3), pp. 27–42. DOI: [10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42](https://doi.org/10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42) (in Russian).
- Radaev V. V. (2005) Sotsiologiya potrebleniya: osnovnyye podkhody [Sociology of Consumption: Basic Approaches]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 1, pp. 5–18 (in Russian).
- Radina N. K., Shaidakova N. V., Mokhnatkina I. N. (2013) Demonstrativnoye potrebleniye sovremennykh podrostkov: sotsialno-psikhologicheskiye osobennosti [Social Psychological Features of Conspicuous Consumption in Modern Adolescents]. *Social Psychology and Society = Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 4, no 1, pp. 52–66 (in Russian).
- Rajan R. (2010) *Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Raskov D. (2019) Ritorika institutsionalizma: ironiya u Torsteyna Veblena [The Rhetoric of Institutionalism: Thorstein Veblen's Irony]. *Logos*, vol. 29, no 6, pp. 253–274 (in Russian).

- Rostovtseva L. I., Miroshina E. Yu. (2012) Demonstrativnoye potrebleniye i glamur v sovremennoy ekonomike [Demonstrative Consumption and Glamor in Modern Economy]. *News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences = Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki*, no 1-1, pp. 504–512 (in Russian).
- Sawyer M. (2013) What is Financialization? *International Journal of Political Economy*, vol. 42, no 4, pp. 5–18.
- Schmid A. (2004) *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics*, Oxford: Blackwell.
- Schumpeter J. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The Theory of Economic Development], Moscow: Progress Publisher (in Russian).
- Shishkina T. (2020) Informatsionnyye funktsii demonstrativnogo potrebleniya [Conspicuous Consumption and Its Informational Functions]. *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no 2, pp. 50–66. DOI: [10.17835/2076-6297.2020.12.2.050-066](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.050-066) (in Russian).
- Squires G. (2004) *Why the Poor Pay More: How to Stop Predatory Lending*, Westport, CT: Greenwood Publishing Group.
- Stiglitz J. (2019) *Lyudi, vlast i pribyl* [People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent], Moscow: Alpina Publiser (in Russian).
- Strathern M. (1992) Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach* (eds. C. Humphrey, S. Hugh-Jones), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 169–191.
- Sundie J., Kenrick D., Griskevicius V., Tybur J., Vohs K., Beal D. (2011) Peacocks, Porsches, and Thorstein Veblen: Conspicuous Consumption as a Sexual Signaling System. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 100, no 4, pp. 664–680.
- Veblen T. (1922) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: B. W. Huebsch.
- Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoye issledovaniye institutsiy* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions], Moscow: Progress Publiser (in Russian).
- Yudin G. (2015) Moralnaya priroda dolga i phormirovaniye otvetstvennogo zayemshchika [The Moral Nature of Debt and the Making of Responsible Debtor]. *Voprosy Ekonomiki*, no 3, pp. 28–45 (in Russian).

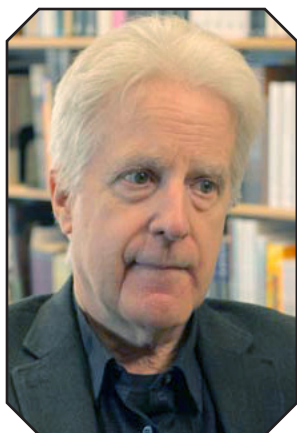
Received: June 17, 2021

Citation: Vernikov A., Kurysheva A. (2021) Pokaznoe potreblenie v dolg. Na primere legkovykh avtomobiley [Precedence and Conspicuousness in Car Consumption]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 11–39. doi: [10.17323/1726-3247-2021-5-11-39](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Джонатан Крэри

24/7. Поздний капитализм и цели сна



КРЭРИ Джонатан — профессор в области современного искусства и теории имени Меайера Шапиро в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Адрес: США, NY 10027, г. Нью-Йорк, ул. Амстердам авеню, д. 1190.

Email: jkc4@columbia.edu

*Перевод с английского
Андрея Васильева*

Источник: Крэри Дж. 2021 (готовится к изданию). 24/7. Поздний капитализм и цели сна. Перев. с англ. А. Васильева. М.: Изд. дом ВШЭ.

В книге «Поздний капитализм и цели сна» («Late Capitalism and the Ends of Sleep») Джонатан Крэри исследует некоторые из разрушительных последствий непрерывных и расширяющихся процессов, характерных для капитализма XXI века, когда рынок непрерывно работает в режиме 24/7, подталкивая нас к постоянной активности и подтачивая многие формы общественного и политического самовыражения. Автор прослеживает, как неостановимое не-время размывает границы между вездесущим и безудержным потребительством и складывающимися сегодня стратегиями контроля и надзора; описывает постоянное управление человеческим вниманием и нарушение восприятия в рамках принудительных практик современной технологической культуры. В то же время человеческий сон, будучи целительной передышкой, по своей сути, несовместимой с капитализмом 24/7, указывает на другие — более грозные и коллективные — способы отказа от разрушающих мир моделей роста и накопления.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги. В этой главе автор анализирует причины эрозии сна и обозначает роль в этом современного капитализма, а также выделяет основные характеристики мироустройства 24/7 и последствия такого режима для человека.

Глава 1

Любой, кто жил на Западном побережье Северной Америки, наверное, прекрасно знает, что каждый год сотни видов птиц совершают сезонные перелёты на юг и на север на различные расстояния вдоль континентального шельфа. Один из таких видов птиц — белоголовая зонотрихия. Осенью путь этой птахи лежит от Аляски на север Мексики, весной — обратно. В отличие от большинства других птиц, эта разновидность воробья обладает крайне необычной способностью обходиться без сна — до семи дней во время перелёта. Такое сезонное поведение позволяет по ночам лететь и находить дорогу, а днём добывать пищу без перерывов на отдых. За последние пять лет Министерство обороны США потратило немалые деньги на исследование этого феномена. Учёные, финансируемые государством, в различных университетах, особенно в Мэдисоне (штат Висконсин), изучают мозговую активность птиц во время долгих бессонных периодов, надеясь получить знания, применимые к человеку, и стремятся найти способ дать людям возможность не спать и при этом работать продуктивно и эффективно. Конечная цель — ни много ни мало создание бессонного солдата; а сам проект по изучению белоголовой зонотрихии — лишь небольшая часть более широких усилий со стороны военных по достижению хотя бы ограниченной власти над человеческим сном. По инициативе подразделе-

ния перспективных исследований Пентагона (DARPA)¹ учёные в нескольких лабораториях проводят экспериментальные испытания методов отключения сна, в том числе применяя нейрохимические препараты, генную терапию и транскраниальную магнитную стимуляцию. Ближайшая цель — разработка методов, позволяющих комбатанту не спать в течение хотя бы семи суток, а в более долгосрочной перспективе, возможно, как минимум удвоить этот временной промежуток с сохранением высокого уровня умственной и физической работоспособности. Существующие способы вызвать бессонницу всегда связаны с каким-либо серьёзным когнитивным и психологическим ущербом (например, со снижением бдительности). Так обстоит дело с амфетаминами, широко использовавшимися в большинстве войн XX века, а в последнее время с такими препаратами, как провигил. Вызов для научного сообщества состоит в данном случае не в том, чтобы найти способы стимулировать бодрствование, а в том, чтобы сократить саму *потребность* организма в сне.

На протяжении более двух десятилетий стратегическая логика военного планирования США направлена на устранение живого человека из многих звеньев аппарата управления, контроля и исполнения. Бесчисленные миллиарды долларов потрачены на разработку роботизированных и других дистанционно управляемых систем обнаружения и уничтожения цели, плачевные результаты чего можно было наблюдать в Пакистане, Афганистане и других странах. Однако, несмотря на экстравагантные заявления о новых парадигмах в области вооружений и постоянные жалобы военных аналитиков на человека как на аномальное «узкое место» в работе передовых систем, потребность военных в больших человеческих армиях в обозримом будущем не снизится. Исследование бессонницы следует понимать как элемент подготовки к созданию солдат, чьи физические возможности будут ближе к функциональности неодоушевлённых устройств и сетей. В настоящий момент военно-научный комплекс прилагает огромные усилия для разработки форм «расширенного восприятия», усовершенствующих различные виды взаимодействия между человеком и машиной. Одновременно с этим военные финансируют и многие другие области исследований мозга, в том числе разработку лекарства против страха. Могут возникнуть ситуации, когда нельзя будет использовать, например, вооружённые ракетами беспилотники, и для выполнения миссий неопределённой продолжительности понадобятся эскадры смерти, состоящие из не требующих сна, не знающих страха командос. В рамках этих усилий белоголовые зонотрихии были вырваны из сезонных ритмов природной среды Тихоокеанского побережья, чтобы помочь подогнать человеческое тело к машинным стандартам долговечности и эффективности. Как видно из истории, инновации, связанные с войной, неизбежно просачиваются в более широкую социальную сферу, и бессонный солдат окажется предшественником бессонного рабочего или потребителя. Препараты, предназначенные для того, чтобы не спать, когда их начнут активно продвигать фармацевтические компании, станут вначале удобным вариантом для некоторых, а в конце концов необходимостью для многих.

Рынки, работающие в режиме 24/7, и глобальная инфраструктура, *созданные* для непрерывной работы и потребления, уже существуют некоторое время, но в настоящий момент дело идёт к созданию человеческого существа, совместимого с этим ритмом.

В конце 1990-х гг. российско-европейский космический консорциум объявил о планах создания и запуска на орбиту спутников, которые должны отражать солнечный свет вниз, на Землю. Эта схема предусматривала вывод на синхронизированные с Солнцем орбиты высотой 1700 километров множества спутников, оснащённых складными параболическими рефлекторами из тонкого, как бумага, материала. После полного их раскрытия (до 200 метров в диаметре) каждый спутник-зеркало способен освещать на Земле территорию площадью 10 квадратных миль с яркостью, почти в 100 раз превышающей яркость лунного света. Первоначальный импульс развития проекта — необходимость освещения про-

¹ The Defense Advanced Research Projects Agency (Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США).

мышленных предприятий по разработке природных ресурсов в отдалённых географических районах с долгими полярными ночами (Сибирь и запад России) для проведения круглосуточных работ на открытом воздухе. Впоследствии, однако, компания расширила свои планы, включив в них возможность поставки ночного освещения для мегаполисов. Исходя из того что реализация плана способна снизить расход электроэнергии на электрическое освещение, компания рекламировала свои услуги как «дневной свет всю ночь напролёт». Противодействие проекту возникло сразу и со многих сторон. Астрономов привели в ужас возможные негативные последствия для большей части наземных наблюдений космоса. Учёные и защитники окружающей среды заявили о пагубных физиологических последствиях как для животных, так и для людей, поскольку отсутствие регулярного чередования ночи и дня нарушит различные метаболические процессы, включая сон. Были также протесты со стороны культурных и гуманитарных групп, утверждавших, что ночное небо — это общее достояние, на доступ к которому имеет право всё человечество, а ночная темнота и звёздное небо — одно из базовых прав человека, и оно не может быть аннулировано никакими корпорациями. Однако если это действительно право (или привилегия) в каком бы то ни было смысле, то его уже лишено более половины населения мира, живущего в городах, постоянно окутанных пеленой смога и яркого освещения. Тем не менее защитники проекта утверждали, что такая технология поможет снизить потребление электроэнергии в ночное время, потеря ночного неба и его темноты не такая уж большая плата за сокращение глобального потребления энергии. В любом случае эта оказавшаяся нежизнеспособной затея — лишь одно из проявлений современного воображаемого, для которого состояние постоянного освещения неотделимо от непрерывного потока глобальных обменов. В своём предпринимательском рвении проект гиперболически выражает институциональную нетерпимость ко всему, что создаёт помехи активно используемому и никогда не прекращающемуся состоянию всеобщей видимости.

Одной из попыток, которые применялись к многочисленным жертвам «внесудебной выдачи» американским властям, а также к другим лицам, помещённым под стражу после событий 11 сентября 2001 г., было лишение сна. Факты, касающиеся одного из задержанных, стали широко известны, но с подобным же обращением столкнулись сотни других людей, чьи судьбы не так хорошо задокументированы. Мохаммеда аль-Кахтани пытали в соответствии с инструкцией, известной сегодня как «Первый особый план допроса» Пентагона и утверждённой Дональдом Рамсфелдом. Аль-Кахтани почти не давали спать в течение двух месяцев, когда его подвергали допросам, длившимся часто по 20 часов. Его держали в крошечных камерах, где невозможно было лежать, горели яркие лампы и играла громкая музыка. Среди военных разведчиков эти камеры известны как «тёмные места», хотя одна из локаций, в которые был заключён аль-Кахтани, носила кодовое название «Лагерь “Яркие огни”». Это, конечно, не первый случай, когда американцы или их марионетки использовали лишение сна. В некотором смысле ошибочно выделять именно эту пытку, потому что для Мохаммеда аль-Кахтани и многих других лишение сна было лишь частью более широкой программы избиений, унижений, длительного ограничения возможности двигаться и имитации утопления. Большинство этих «программ» для заключённых без суда и следствия людей разрабатывались психологами из консультативных групп по поведенческой науке на индивидуальной основе, чтобы использовать обнаруженные ими эмоциональные и физические слабости.

Пытки лишением сна были известны много веков назад, но начало их систематического применения совпадает с появлением электрического освещения и средств продолжительного усиления звука. Они регулярно стали практиковаться сталинскими спецслужбами в 1930-х гг. Лишение сна — обычно первый этап того, что палачи из НКВД называли конвейером, то есть организованной последовательностью жестокостей, бесполезного насилия, наносящих человеку непоправимый вред. Через относительно короткий промежуток времени лишение сна вызывает психоз, а через несколько недель приводит к неврологическим нарушениям. В таких экспериментах крысы умирают после двух или трёх недель. Бессонница приводит к состоянию крайней беспомощности и уступчивости, при котором жертва теря-

ет способность к осмыслению информации — человек признается в чём угодно. Лишение сна — это насильственное отчуждение человеческого «я» с помощью внешней силы, преднамеренное уничтожение человеческой личности.

Соединённые Штаты, конечно, уже давно применяют пытки как напрямую, так и через свои клиентские режимы. Однако примечательна лёгкость, с которой после 11 сентября применение пыток стало предметом общественного обсуждения в качестве всего лишь одной из спорных тем среди множества других. Многочисленные опросы показывают, что большинство американцев одобряют пытки при определённых обстоятельствах. Средства массовой информации последовательно отвергают утверждение, что лишение сна — это пытка. Оно классифицируется как психологический метод убеждения, для многих приемлемый наравне с принудительным кормлением заключённых, объявивших голодовку. Как сообщила Джейн Майер в своей книге «Тёмная сторона», лишение сна цинично оправдывается в документах Пентагона тем фактом, что американские «морские котики» выполняют тренировочные миссии без сна в течение двух дней [Mauger 2008: 206]. Важно отметить, что обращение с так называемыми особо важными заключёнными в Гуантанамо и других местах сочетало открытые пытки с полным контролем над сенсорно-перцептивной сферой. Людей держали в постоянно освещённых камерах, без окон, а всякий раз, когда их выводили из камер, им завязывали глаза и затыкали уши, чтобы они не могли узнать время суток и получить какую бы то ни было информацию, указывающую на их местонахождение. Этот режим перцептивной депривации часто распространяется на рутинные ежедневные контакты между заключёнными и охранниками, во время которых охранники полностью скрыты бронёй, перчатками и шлемами с зеркальными щитками, чтобы отсутствовала какая-либо визуальная связь с человеческим лицом или хотя бы дюймовой открытой кожи. Данные методы и процедуры вызывают состояние унижительного подчинения; происходит создание мира, полностью исключающего возможность заботы, защиты или утешения.

Эта конкретная комбинация недавних событий даёт удобный угол обзора некоторых из многочисленных последствий нелиберальной глобализации и более длительных процессов западной модернизации. Я не собираюсь придавать данной группе событий какое-либо привилегированное объяснительное значение; скорее, они позволяют бросить первый взгляд на отдельные парадоксы расширяющегося, постоянно движущегося жизненного мира капитализма XXI века — парадоксы, неотделимые от меняющихся конфигураций сна и бодрствования, света и тьмы, справедливости и страха, а также от разных форм незащищённости и уязвимости. Мне могут возразить, что я выделил исключительные или экстремальные явления, но если это так, то они неотъемлемы от уже ставших нормативными траекторий и условий в других местах. Одно из этих условий можно охарактеризовать как укладывание человеческой жизни в одну бесконечную длительность, определяемую принципом непрерывности функционирования. Это время, которое никогда не проходит, время, лежащее за пределами стрелок часов.

За пустотой стандартной формулы «24/7» скрывается статическая избыточность, отрицающая связь с ритмическими и периодическими структурами человеческой жизни и подразумевающая произвольную, негибкую схему недели, оторванную от любого варианта развёртывания текущего или совокупного опыта. Скажем, например, «24/365» будет уже означать не то же самое, поскольку эта формула вводит громоздкое предположение о расширенной темпоральности, в которой по факту что-то может измениться, могут произойти непредвиденные события. Как я упоминал вначале, многие учреждения в развитом мире уже несколько десятилетий работают в режиме 24/7. Но лишь недавно формирование, моделирование индивидуальной и социальной идентичности было реорганизовано так, чтобы соответствовать непрерывному функционированию рынков, информационных сетей и других систем. Окружающая среда 24/7 имеет подобие социального мира, но на самом деле это асоциальная модель машинной деятельности и приостановки жизни, не раскрывающая человеческие затраты, необходимые для поддержания её эффективности. Её следует отличать от того, что Д. Лукач и другие в начале

XX века определили как пустое, однородное время модерна, метрическое или календарное время наций, финансов или промышленности, из которого исключены надежды или планы отдельного человека. Новым является полный отказ от притязаний на связь времени с какими-либо долгосрочными проектами или хотя бы фантазиями о «прогессе» или развитии. Освещённый 24/7 мир без теней — это последний капиталистический мираж постистории, изгнания инаковости, двигателя исторических изменений.

Вселенная 24/7 — это время безразличия, перед лицом которого хрупкая человеческая жизнь становится чем-то всё более неадекватным. Внутри этого мира сон не является чем-то необходимым или неизбежным. Что касается труда, то идея работы без пауз делается правдоподобной, даже нормальной. Происходит равнение на неодушевлённое, инертное, нестареющее. Как в рекламном призыве, устанавливается абсолютность доступности и, следовательно, неустойчивость потребностей и их разжигания, вечная невозможность их удовлетворения. Отсутствие ограничений на потребление имеет не только временное измерение. Давно миновала та эпоха, когда накапливались в основном вещи. Теперь наши тела и личности ассимилируют постоянно растущий наплыв услуг, изображений, процедур, химикатов, превышая токсичный, а часто и фатальный порог. Долгосрочным выживанием индивида всегда можно пожертвовать, если появляется даже косвенная возможность перерывов, когда он не совершает покупок и не видит рекламу. Сходным образом режим 24/7, неотделимый от экологической катастрофы, настаивает на постоянных тратах, на бесконечной расточительности, необходимых для его поддержания, и смертоносно нарушает циклы и сезоны, от которых зависит целостность природной среды.

Сон в своей глубокой бесполезности и неизбежной пассивности, с неисчислимыми потерями рабочего времени, обращения и потребления, которые он несёт, всегда будет противоречить требованиям вселенной 24/7. Огромная часть нашей жизни, которую мы проводим во сне, свободная от трясины симулированных потребностей, одно из величайших оскорблений, наносимых человеком ненасытности современного капитализма. Сон — это бескомпромиссное вмешательство в кражу нашего времени капитализмом. Большая часть, казалось бы, фундаментальных потребностей человеческой жизни (голод, жажда, сексуальное желание, а теперь и потребность в дружбе) уже преобразована в товарную или приносящую доход форму. Сон задаёт собой идею человеческой потребности и промежутка времени, которые нельзя колонизировать и использовать для массового получения прибыли, поэтому остаётся несообразной аномалией и местом кризиса в глобальном настоящем. Несмотря на все научные исследования в этой области, сон нарушает и запутывает все стратегии по его использованию или изменению. Невероятная, немислимая реальность состоит в том, что из него невозможно извлечь ничего, что имело бы какую-то цену.

Учитывая безмерность того, что поставлено на карту с экономической точки зрения, неудивительно, что сегодня повсюду происходит эрозия сна. В течение XX столетия предпринимались постоянные попытки сократить время сна. Сегодня средний взрослый в Северной Америке спит примерно шесть с половиной часов в сутки в сравнении с восемью часами всего поколение назад и (как ни трудно в это поверить) с десятью часами в начале XX века. В середине XX века популярная присказка о том, что «треть нашей жизни мы спим», казалась аксиоматической несомненностью. Теперь эта несомненность утрачивает свою силу. Сон — повсеместное, но невидимое напоминание о так и не изжитой до конца досовременности, об аграрной вселенной, которая начала исчезать 400 лет назад. Постыдный сон укоренён в нашей жизни и связан с ритмическими колебаниями солнечного света и тьмы, активности и отдыха, работы и восстановления сил, выкорчеванных ныне или сдерживаемых повсюду. Конечно, как и всё, что считается естественным, сон имеет богатую историю изучения. Он никогда не воспринимался чем-то монолитным или одинаковым и на протяжении многих веков и тысячелетий принимал множество разнообразных форм и паттернов. В 1930-е гг. Марсель Мосс включил вопросы сна и бодрствования в своё исследование «Техники тела», в котором показал, что многие аспекты, казалось бы,

инстинктивного поведения на самом деле приобретаются тысячами разных способов через подражание или обучение. Тем не менее можно предположить, что в огромном разнообразии досовременных аграрных обществ представления о сне имели некоторые ключевые общие черты.

К середине XVII века сон утратил стабильное положение, которое он занимал в ставших устаревшими концепциях Аристотеля и мыслителей эпохи Возрождения. Обнаружилась несовместимость его природы с новейшими представлениями о производительности и рациональности. Декарт, Юм и Локк — лишь некоторые из философов, клеймивших сон за ненужность для работы ума или поиска знаний. Сон стал обесцениваться перед лицом привилегий, даваемых сознанию и воле понятиями о полезности, объективности и движимых личными интересами и действиями. Для Локка сон был прискорбным, пусть и неизбежным нарушением предначертанных Богом для людей приоритетов — быть трудолюбивыми и рациональными. Юм в первом же абзаце «Трактата о человеческой природе» перечисляет сон наряду с лихорадкой и безумием в качестве примеров препятствий, стоящих на пути к познанию. К середине XIX века асимметричная взаимосвязь между сном и бодрствованием стала концептуализироваться в иерархических моделях, в рамках которых сон понимался как регресс к низшему и более примитивному образу существования, сопряжённому с подавлением предположительно высшей и более сложной мозговой деятельности. Шопенгауэр — один из немногих мыслителей, которые обернули эту иерархию против самой себя и предположили, что только во сне может обнаружиться «истинное ядро» человеческого существования.

Во многих отношениях неопределённый статус сна следует понимать в связи с конкретной динамикой модерна, которая больше не позволяет организовывать реальность бинарным образом. Гомогенизирующая сила капитализма несовместима с какой-либо внутренней структурной дифференциацией: священное — профанное; карнавальное — будничное; природа — культура; машина — организм и т. д. Любые сохраняющиеся представления о сне как о чём-то естественном становятся неприемлемыми. Конечно, люди будут продолжать спать, и даже огромным мегаполисам по-прежнему будут знакомы ночные промежутки относительного покоя. Тем не менее сегодня сон — это опыт, отрезанный от представлений о необходимости или природе. Теперь он, вслед за многим другим, концептуализируется как изменчивая, но управляемая функция, определяемая только инструментально и физиологически. Недавние исследования показали, что количество людей, которые один или несколько раз за ночь просыпаются, чтобы проверить свои сообщения или данные, растёт в геометрической прогрессии. «Спящий режим» — это одна из на первый взгляд несущественных, но распространённых ныне фигур речи, пришедшая из мира машин и обозначающая устройство, находящееся в состоянии готовности, но почти не потребляющее энергию. Привычный сон превращается просто в состояние отложенного или ограниченного доступа и обеспечения работоспособности. Оно приходит на смену логике включения и (или) выключения: ничто никогда не бывает принципиально выключено, не существует состояния настоящего покоя.

Сон — это иррациональное и недопустимое утверждение о том, что могут существовать пределы совместимости живых существ с предположительно непреодолимыми силами модернизации. Один из известных трюизмов современной критической мысли гласит: неизменных природных данностей не существует — даже смерти, по мнению тех, кто предсказывает, что скоро все мы будем загружать свой разум в цифровое бессмертие. Верить в наличие каких-либо сущностных черт, которые отличают живых существ от машин, говорят нам маститые критики, это наивный самообман. Разве стал бы кто-нибудь противиться, вопрошают они, если новые лекарства позволили бы ему трудиться на своей работе по 100 часов подряд? Разве более гибкое и менее продолжительное время сна не означало бы больше личной свободы, возможности ещё точнее подстраивать свою жизнь к индивидуальным потребностям и желаниям? Разве меньшее количество сна не даёт больше шансов «жить полной жизнью»? Могут возразить, что человек так уж устроен, что должен спать по ночам, что наши тела равняются на суточ-

ное вращение нашей планеты и поведение, зависящее от времени года и времени суток, характерно почти для каждого живого существа. Ответом на что, вероятно, будет следующее: вредные глупости в духе нью-эйдж или, хуже того, зловещая тоска по хайдеггеровской связи с землёй. Что ещё важнее, в рамках глобалистской неолиберальной парадигмы сон — для неудачников.

В XIX веке, как хорошо показал Ансон Рабинбах в работе по физиологии утомления, после самых вопиющих злоупотреблений в части обращения с рабочими, сопровождавших индустриализацию в Европе, руководство предприятий пришло к осознанию того, что было бы выгоднее давать рабочим хотя бы скромное количество времени для отдыха, чтобы они стали более эффективнее и надёжнее в долгосрочной перспективе. Но начиная с последних десятилетий XX века и по настоящее время с развалом контролируемых или смягчённых форм капитализма в Соединённых Штатах и Европе какая-либо внутренняя потребность в отдыхе и восстановлении сил как компонентах экономического роста и рентабельности пропала. Время для человеческого отдыха и обновления сегодня просто слишком дорого, чтобы быть структурно возможным в рамках современного капитализма. Тереза Бреннан ввела термин «биодерегулирование», чтобы описать резкое несоответствие между функционированием дерегулированных рынков во временном плане и внутренними физическими ограничениями людей, которые должны соответствовать этим требованиям [Brennan 2003: 19–22].

Как показали недавние дебаты по вопросам здравоохранения, снижение долгосрочной прибыльности живого труда не создаёт стимулов, чтобы сделать отдых или здоровье экономическими приоритетами. Ныне почти не осталось сколько-нибудь значительных отрезков человеческого существования (за колоссальным исключением сна), не взятых в оборот в качестве рабочего времени, времени потребления или времени маркетинга. В анализе современного капитализма Люк Болтански и Эв Кьяпелло указали на множество сил, которые ценят человека, постоянно вовлечённого, стыкующегося, взаимодействующего, общающегося, реагирующего или обрабатывающего информацию в рамках той или иной телематической среды [Boltanski, Chiappello 2005]. В богатых регионах земного шара это произошло, как они отмечают, на фоне стирания большей части границ между личным и профессиональным временем, между трудом и потреблением. В их коннективистской парадигме наивысшая ценность придаётся активности как таковой: «Важно что-либо делать, действовать, меняться, ценить любое движение, в отличие от стабильности, часто расцениваемой как бездействие» [Boltanski, Chiappello 2005: 155]. Эта модель деятельности — не какая-либо трансформация более ранней парадигмы трудовой этики, а совершенно новая модель нормативности, требующая для своей реализации темпоральности в режиме 24/7.

Если ненадолго вернуться к упомянутому ранее проекту по запуску огромных орбитальных отражателей солнечного света, которые устранили бы ночную темноту, то в нем есть как будто нечто нелепое, словно бы это низкотехнологичный пережиток чисто механических схем Жюль Верна или первых научно-фантастических романов XX века. Фактически первые экспериментальные запуски оказались более или менее провальными: в одном случае отражатели не развернулись должным образом в нужное положение, а в другом — плотная облачность над тестовым городом не позволила убедительно продемонстрировать возможности проекта. Его амбициозная суть может показаться связанной с широким спектром паноптических практик, разработанных за последние 200 лет. Иными словами, он указывает на важное значение, придававшееся освещённости в первоначальной бентамовской модели паноптикума, которая призывала залить пространство светом для устранения теней и приравнять эффективность контроля к полной прозрачности для наблюдателя. Но вот уже несколько десятилетий новые виды спутников выполняют гораздо более сложные операции по действительному наблюдению и накоплению информации. Модернизированный паноптизм распространился далеко за пределы длин волн света видимого диапазона на другие части спектра, не говоря уже о разнообразных неоптических сканерах, тепловых и биологических датчиках. Спутниковый проект, возможно, лучше понимать как

продолжение более утилитарных практик, начало которым было положено в XIX веке. Вольфганг Шивельбуш в своей истории светотехники показывает, как широкое распространение городских уличных фонарей к 1880-м гг. достигло двух взаимосвязанных целей: оно уменьшило давние страхи людей по поводу разнообразных опасностей, связанных с ночной темнотой, и раздвинуло временные рамки, что, следовательно, привело к увеличению прибыльности многих видов экономической деятельности [Schivelbusch 1988]. Освещение ночной темноты было символической демонстрацией того, что апологеты капитализма обещали на протяжении всего XIX века, — двойной гарантии безопасности и расширения возможностей для процветания, предположительно улучшавшей структуру социального существования для каждого. В этом смысле триумфальное установление мира 24/7 — реализация этого более раннего проекта, но такая, при которой преимущества и процветание достаются в основном могущественной глобальной элите.

Режим 24/7 неуклонно подрывает различия между днём и ночью, светом и тьмой, деятельностью и отдыхом. Это зона нечувствительности, амнезии, зона того, что подавляет возможность переживания. Перефразируя Мориса Бланшо, это и сама катастрофа, и её последствия, которые характеризуются пустым небом, где не видно ни звёзд, ни знаков, где теряются все точки опоры и ориентация невозможна [Blanchot 1995: 48–50]. Точнее, это что-то вроде чрезвычайного положения, когда среди ночи, как будто бы в ответ на некие чрезвычайные обстоятельства, внезапно включается батарея прожекторов, но так и не выключается, превращаясь в привычное постоянное явление. Планета переосмысливается как площадка для безостановочного трудового процесса или как постоянно открытый торговый центр с бесконечным разнообразием возможностей, вариантов выбора и шансов попробовать что-то новенькое. Бессонница — это состояние, при котором производство, потребление и отбрасывание использованного происходят без пауз, ускоряя утомление жизнью и истощение ресурсов.

Несмотря на то что сон — главное оставшееся препятствие (по сути, последним из того, что Маркс называл естественными преградами) на пути к полной реализации капитализма в стиле 24/7, его нельзя устранить совсем. Но его можно изуродовать и разграбить, и, как показывают открывшие книгу примеры, методы и мотивации для осуществления этой атаки уже наготове. Разрушение сна неотделимо от продолжающегося демонтажа социальных гарантий в других сферах. Подобно тому как всеобщий доступ к чистой питьевой воде подвергся целенаправленному уничтожению во всём мире в результате загрязнения и приватизации с сопутствующей монетизацией бутилированной воды, нетрудно представить аналогичное конструирование дефицита в отношении сна. Все посягательства на него создадут условия бессонницы, при которых сон надо покупать (хотя платить придётся за химически изменённое состояние, лишь отчасти приближающееся к настоящему сну). Статистика стремительного роста употребления снотворных показывает, что в 2010 г. примерно 50 миллионам американцев были прописаны такие средства, как «Ambien» или «Lunesta», и ещё много миллионов купили безрецептурные препараты от бессонницы. Но было бы ошибкой видеть в этом улучшение нынешних условий, позволяющее людям спать здоровым сном и просыпаться отдохнувшими. На данный момент даже менее жёстко организованный мир вряд ли избавит нас от бессонницы. Она приобретает своё историческое значение и свою специфическую аффективную структуру в зависимости от внешних по отношению к ней коллективных переживаний и ныне неотделима от многих других форм угнетения и социального упадка, имеющих место по всему миру. Как индивидуальное бедствие в нашем настоящем она — продолжение общего состояния безмирности (*worldlessness*).

Философ Эммануэль Левинас — один из нескольких мыслителей, которые пытались постичь значение бессонницы в контексте истории последних десятилетий². Бессонница, утверждает он, это способ представить себе крайнюю проблематичность индивидуальной ответственности перед лицом ката-

² См. некоторые из многих его обсуждений бессонницы: [Levinas 1998; 2001].

строф нашей эпохи. Повсеместная очевидность бессмысленного насилия и причиняемых им человеческих страданий — это часть модернизированного мира, в котором мы живём. Очевидность во всех её смешанных формах — яркий свет, который должен до основания потрясти любую самоуспокоенность, исключить мирную рассредоточенность любого сна. Бессонница соответствует необходимой бдительности, отказу игнорировать ужас и несправедливость, охватившие мир. Это тревожная попытка избежать невнимания к мучениям другого, но также и тревога перед лицом разочарывающей неэффективности этики бдительности; акт свидетельствования, однообразие которого легко может стать продолжением ночи, катастрофы. Бессонница не является ни чем-то публичным, ни полностью частным. Для Левинаса она всегда парит между эгоцентризмом и радикальной деперсонализацией; она не исключает заботы о другом, но не помогает создать чёткое ощущение пространства для присутствия этого другого. Это то место, где мы сталкиваемся с почти полной невозможностью жить гуманно. Ибо бессонницу следует отличать от беспрестанного бодрствования, которое создавало бы почти невыносимое внимание к страданиям и безграничную ответственность.

Мир 24/7 — это расколдованный мир с его искоренением тени и тьмы и чередования времён. Это мир, идентичный самому себе, мир с самым поверхностным прошлым и, следовательно, принципиально лишённый призраков. Но однородность этого настоящего — результат фальшивой яркости, претендующей на то, чтобы распространиться повсюду и исключить любую тайну или непознаваемость. Мир 24/7 создаёт видимость эквивалентности между существующим и непосредственно доступным или готовым к использованию. Призрачное — это в некотором роде вторжение в настоящее или нарушение его чем-то из другого времени, тенями того, что не было стёрто модерном, тенями жертв, которые не будут забыты, несвершившимся освобождением. Режим 24/7 может нейтрализовать или поглотить многие неприятные моменты подобного возвращения, потенциально способные подорвать реальность и идентичность настоящего и его видимую самодостаточность. Одно из самых пронизательных размышлений о месте призрачного в освещённом мире без дня и ночи — фильм Андрея Тарковского «Солярис» (1972). Это история о нескольких учёных на космическом корабле, вышедшем на орбиту далёкой загадочной планеты, чтобы наблюдать за происходящими на ней событиями для выявления возможных несоответствий с действующей научной теорией. Для обитателей ярко освещённой искусственной среды космической станции бессонница — хроническое состояние. В обстановке, не совместимой с отдыхом или уединением, когда каждый из них всё время на виду, в овеществлённом состоянии, когнитивный контроль ломается. В таких экстремальных условиях человек не только галлюцинирует, к нему являются призраки, которые в фильме называются гостями. Сенсорная бедность обстановки космической станции и исчезновение суточного цикла ослабляют психологическую хватку индивида над стабильным настоящим, разрешая сновидению как носителю памяти переместиться в жизнь бодрствования. Для Тарковского эта близость призрачного, близость живой силы памяти оказывается тем, что позволяет оставаться человеком в нечеловеческом мире и переносить бессонницу и жизнь на виду. Заняв своё место в узком пространстве культурного эксперимента в Советском Союзе начала 1970-х, «Солярис» показывает, что признать и подтвердить эти призрачные возвращения после их упорного отрицания и подавления — путь к достижению свободы или счастья.

Одно из течений современной политической теории рассматривает жизнь на виду как один из фундаментальных или трансисторических аспектов того, что всегда составляло человеческую личность. Личность не является чем-то автономным или самодостаточным, её нельзя понять иначе, как в связи с тем, что находится вне её, в связи с инаковостью, с которой она сталкивается³. Только в состоянии уязвимости можно открыться к зависимостям, которыми живёт общество. Тем не менее сейчас мы находимся в том историческом моменте, когда само по себе состояние открытости миру оказалось оторвано от его связи с общественными формами, которые предлагали хотя бы условные гарантии

³ См., например: [Nancy 1991].

или заботу. Особенно актуально для нас исследование этих проблем в работах Ханны Арендт. На протяжении многих лет она использовала метафоры света и видимости в своих теориях о том, что же необходимо для существования сколько-нибудь содержательной политической жизни. Чтобы личность могла иметь политический вес, необходимы баланс, постоянное перемещение между яркой, даже ослепляющей открытостью общественной деятельности и защищённой, укрытой от посторонних глаз сферой домашней или частной жизни, то есть того, что она называет тьмой потаённого и утаиваемого. В другом месте она говорит о «светотени, скудно озаряющей нашу интимную приватную жизнь». Без этого пространства или времени уединения, вдали от «блеска, каким постоянное присутствие других людей заливают публичное пространство», не может быть и речи о возвращении уникального «я», того «я», которое могло бы вносить содержательный вклад в обсуждение общего блага.

Для Арендт личная сфера — нечто отличное от индивидуального стремления к материальному счастью, когда «я» определяется через приобретательство, через то, что оно потребляет. В книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*» Арендт подробно рассматривает эти две сферы с точки зрения ритмического баланса между истощением и регенерацией: истощением, возникающим в результате труда или активности в мире, и регенерацией, которая регулярно происходит в замкнутой и затенённой домашней обстановке. Арендт прекрасно осознавала, что её модель взаимоподдерживающих отношений между общественным и частным лишь изредка актуализировалась исторически. Но она видела, что самой возможности такого баланса серьёзно угрожает рост экономики, в которой во всяком предмете видят бросовый товар и расходуют, и снова выбрасывают вещи почти сразу по их появлению в мире, что делает невозможным какое-либо совместное признание общих интересов или целей. В разгар холодной войны 1950-х гг. у неё хватило проницательности сказать: «<...> К учреждению совершенного общества потребителей путь ещё далёк. Ибо живи мы действительно в таком обществе потребления, мы бы вообще уже не были обитателями никакого мира, безмирно гонимые процессом, в круговращении которого вещи <...> появлялись бы и исчезали» [Arendt 1958: 134]. В меньшей степени она осознавала, какое отчуждение вызывают у большинства людей общественная жизнь и сфера работы.

Существует множество всем знакомых связанных с этим высказываний: «<...> От единого зренья нас, Боже, / Спаси, и от сна Ньютонова тоже!»⁴ Уильяма Блейка; «наши самые возвышенные способности погружаются в кошмарный сон» Карлейля; «сон всю жизнь маячит вблизи от наших глаз» Эмерсона и «Спектакль <...> выражает лишь только желание [общества] спать» Ги Дебора. Несложно было бы подобрать сотни других примеров подобных перевёрнутых характеристик относящейся к *бодрствованию* части современного социального опыта. Образы общества спящих рождаются у левых и у правых, в высокой культуре и низкой, постоянно присутствуют в кинематографе — от «Калигари» до «Матрицы». Общим для этих образов массового сомнамбулизма является предположение об ослабленной или сниженной способности *восприятия* в сочетании с рутинизированным, привычным или напоминающим состояние транса поведением. Обычный постулат традиционной социальной теории говорит о том, что современные люди живут и действуют, по крайней мере, время от времени, в состоянии, которое категорически не похоже на сон, — в состоянии самосознания, когда человек способен оценивать события и информацию в качестве рационального и объективного участника общественной или гражданской жизни. Любые взгляды, представляющие людей лишёнными свободы воли пассивными автоматами, открытыми для манипуляций или управления поведением, как правило, считаются редукционистскими или безответственными.

В то же время распространённые представления о политическом пробуждении считаются не менее проблематичными, поскольку подразумевают внезапный и иррациональный процесс, похожий на обращение в новую веру. Достаточно вспомнить главный предвыборный лозунг нацистской партии на-

⁴ Стихотворение «Грозный Лос». Перев. В. Потаповой. В кн.: Блейк У. 1978. *Стихи*. М.: Художественная литература. С. 225. — *Примеч. ред.*

чала 1930-х гг.: «Deutschland Erwache!» («Германия, проснись!»). Исторически более отдалённый пример — послание апостола Павла к римлянам: «<...> Зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна <...> Отвергнем дела тьмы и облечёмся в оружия света» (Рим. 13: 11–12). Или более свежий и предсказуемый призыв противников Чаушеску в 1989 г.: «Проснись, румын, от мертвенного сна, в который тебя погрузили тираны». Политические и религиозные пробуждения обычно формулируются в терминах восприятия как вновь обретенная способность различать сквозь пелену истинное положение вещей, видеть перевернутый мир под единственно правильным углом зрения или восстановить утраченную истину, которая становится отрицанием того, от чего происходит пробуждение. Пробуждение — это озарение, ломающее убаюкивающий комфорт рутинного существования, восстановление подлинности, противостоящей немой пустоте сна. В этом смысле пробуждение — это форма децизионизма и переживание искупительного момента, который, кажется, нарушает историческое время, когда индивид претерпевает преобразующую его встречу с ранее неизвестным будущим. Но вся категория фигур и метафор становится неуместной перед лицом глобальной системы, которая никогда не спит, будто для того, чтобы никакое потенциально опасное пробуждение не оказалось необходимым или актуальным. Если что-то и сохранилось от иконографии рассвета и восхода солнца, так это то, что Ницше определил как сформулированное Сократом требование «возжечь против тёмных вожделений раз и навсегда <...> дневной свет разума»⁵ [Nietzsche 1968: 33]. Но со времён Ницше произошло крупномасштабное и необратимое перемещение человеческого разума в круглосуточное действие информационных сетей и бесконечную передачу света по оптоволоконным линиям связи.

Как ни парадоксально, сон — это фигура субъективности, на которую власть может воздействовать с наименьшим политическим сопротивлением, и в то же время состояние, которое по большому счёту не может использоваться или контролироваться извне и уклоняется от выполнения требований глобального общества потребителей. Таким образом, вряд ли нужно говорить, что многие клише в социальном и культурном дискурсе зависят от монолитного или пустого понимания сна. Морис Бланшо, Морис Мерло-Понти и Вальтер Беньямин — лишь некоторые из мыслителей XX века, задумавшиеся о глубокой неоднозначности сна и невозможности включить его в какую-либо бинарную схему. Ясно, что сон необходимо понимать в связи с различиями между личным и общественным, между индивидуальным и коллективным, но всегда с учётом их проницаемости и близости. Суть моей аргументации состоит в том, что в контексте нашего собственного настоящего сон может символизировать неустранимость социального и быть аналогичен другим линиям обороны, где общество могло бы встать на свою защиту. Сохранение сна как самого приватного, самого уязвимого состояния, общего для всех, в решающей степени зависит от общества.

В «Левиафане» Томаса Гоббса одним из ярких примеров уязвимости человека в естественном состоянии является незащищённость отдельного спящего перед лицом многочисленных хищников и других опасностей, грозящих ему еженощно. Отсюда одна из самых элементарных обязанностей общества — обеспечить безопасность спящего, не только от реальных угроз, но и, что не менее важно, от тревоги о них. Защита спящего, обеспечиваемая обществом, происходит в рамках более широкой перестройки социальных взаимосвязей между безопасностью и сном. В начале XVII века ещё сохранялась воображаемая иерархия, в рамках которой сверхчеловеческие качества господина или суверена, чья способность всеведения, по крайней мере, символически, не страдала даже во сне, отличались от соматических инстинктов обычного трудового люда. Однако в «Генрихе V» Шекспира и в «Дон Кихоте» Сервантеса можно найти как артикуляцию, так и выхолащивание этой иерархической модели. Для короля Генриха актуально различие не просто между сном и бодрствованием, но и между перцептивной бдительностью, поддерживаемой в течение «ночей бессонных адских», и здоровым сном «с головой

⁵ Цит. по: Ницше Ф. 2009. Проблема Сократа. В изд.: Ницше Ф. *Пол. собр. соч.: В 13 т. Т. 6*. М.: Культурная революция; 26. — *Примеч. ред.*

порожней», доступным бедняку⁶. Санчо Панса делит мир на тех, кто, как он сам, рождён, чтобы спать, и тех, кто, как его хозяин, рождён, чтобы сохранять бдительность. В обоих текстах, даже несмотря на то что обязательства, связанные с высоким рангом, внешне остаются в силе, присутствует параллельное осознание того, что эта патерналистская модель бдительности устарела и сохраняется лишь формально.

Книга Гоббса — важный показатель трансформации как гарантий безопасности, так и потребностей спящего. Новые виды опасностей пришли на смену тому, что грозило Генриху или хозяину Санчо Пансы, и защита от них организуется на договорной основе, больше не связанной с естественным порядком земных и небесных рангов. Великие первые буржуазные республики, подобно воображаемому содружеству Гоббса, были закрытыми в том смысле, что существовали для удовлетворения потребностей имущих классов. Таким образом, безопасность, предлагаемая спящему, состоит не только в физической или телесной безопасности, но и в защите собственности и имущества во время сна. Кроме того, потенциальная угроза мирному сну класса собственников исходит от бедных и неимущих, тогда как люди самого низшего положения, вплоть до последнего раба, в полной мере включались в число спящих, покой которых должен был оберегать король Генрих. Взаимосвязь между собственностью и правом или привилегией спокойного сна берёт начало в XVII веке и остаётся в силе до сих пор, в городе XXI века. Сегодня общественные места тщательно спланированы для недопущения сна (с автоматически заложенной в это жестокостью); например, зазубренная конструкция скамеек и других приподнятых поверхностей, которая не позволяет человеческому телу прилечь на них. Повсеместное, но игнорируемое обществом явление городской бездомности связано со множеством лишений, но мало какое из них ощущается более остро, чем риски и опасности сна без крыши над головой.

В более широком смысле, однако, договор, который должен был предлагать защиту для каждого, имущего и неимущего, давно разорван. Распространение повсюду условий, которые Арендт определила как отсутствие пространства или времени, подходящих для покоя и восстановления сил, мы обнаруживаем у Кафки. «Замок», «Нора» и другие тексты раз за разом передают ощущение бессонницы и обязательной бдительности, сопровождающие современные формы изоляции и отчуждения. В «Замке» старая модель защиты со стороны суверена переворачивается с ног на голову: беспорядочная бдительность и изнуряющее бодрствование Землемера указывают на его низкое положение и ничтожность перед лицом дремлющих чиновников замковой бюрократии. «Нора» — история животного существования, сведённого к навязчивой и тревожной погоне за самосохранением, одно из самых мрачных литературных изображений жизни как одиночества, отрезанного от всякой взаимности. Это мрачная перспектива человеческой жизни в отсутствие общины или гражданского общества, находящаяся на максимальном удалении от коллективных форм жизни в тогда ещё недавно появившихся кибуцах, которые так привлекали Кафку.

Ужасающая реальность недостатка защиты или безопасности для тех, кто больше всего в ней нуждается, во всём своём кошмаре проявилась во время катастрофы на химическом заводе в Бхопале в Индии (1984 г.). Вскоре после полуночи 1 декабря в результате утечки высокотоксичного газа из плохо содержавшегося резервуара для хранения погибли десятки тысяч жителей прилегающих районов, большинство из них — во сне. Ещё многие тысячи человек скончались в последующие недели и месяцы, ещё большее число понесли необратимый ущерб для здоровья и стали инвалидами. Бхопал остаётся ярким свидетельством несоответствия между корпоративной глобализацией и возможностью обеспечения безопасности и устойчивого развития человеческих сообществ. В течение десятилетий, прошедших с 1984 г., продолжающееся отрицание компанией Union Carbide какой-либо ответственности и необходимости восстановления справедливости для жертв подтверждает, что катастрофа сама по

⁶ Перевод Е. Бируковой. Цит. по: Шекспир У. 1959. *Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5.* Изд-во «Искусство»; акт 4, сцена 1. — *Примеч. ред.*

себе не может быть выдана за несчастный случай; в контексте корпоративных операций эти жертвы по определению были чем-то незначительным. Конечно, последствия инцидента были бы не менее ужасающими, если бы он случился днём, но тот факт, что это произошло ночью, подчёркивает уникальную уязвимость спящего в мире, из которого исчезли давние социальные гарантии или где они были серьёзно ослаблены. Вокруг проблемы сна объединяется целый ряд фундаментальных предположений относительно сплочённости в социальных отношениях; например, в том, что касается взаимосвязи между уязвимостью и доверием, между открытостью миру и заботой. Решающее значение имеет то, что сон, с его оживляющей беззаботностью, с его временным «забвением зла», свободой от страхов, зависит от защиты со стороны других [Barthes 2005: 37]. По мере того как коррозия сна усиливается, становится яснее, почему забота, необходимая спящему, качественно не отличается от защиты, которая требуется при более очевидных и острых формах социальных страданий.

Литература

- Arendt H. 1958. *The Human Condition*. Chicago, IL: University of Chicago; см. также рус. перев.: Арендт Х. 2000. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
- Barthes R. 2005. *The Neutral* (transl. by R. E. Krauss, D. Hollier). New York: Columbia University Press.
- Blanchot M. 1995. *The Writing of the Disaster* (transl. by A. Smock). Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Boltanski L., Chiapello E. 2005. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso Press; см. также рус. перев.: Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Brennan T. 2003. *Globalization and Its Terrors: Daily Life in the West*. London: Routledge.
- Levinas E. 1998. *Otherwise than Being* (transl. by A. Lingis). Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Levinas E. 2001. *Existence and Existents* (transl. by A. Lingis). Pittsburgh, PA: Duquesne University Press; см. также рус. перев.: Левинас Э. 2000. *От существования к существующему*. В изд.: Левинас Э. 2000. *Избранное. Тотальность и бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга; 7–64.
- Mayer J. 2008. *The Dark Side*. New York: Doubleday.
- Nancy J.-L. 1991. *The Inoperative Community*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press; см. также рус. перев.: Нанси Ж.-Л. 2009. *Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей.
- Nietzsche F. 1968. *Twilight of the Idols* (transl. by R. J. Hollingdale). London: Penguin.
- Schivelbusch W. 1988. *Disenchanted Night: The Industrialization of Light in the Nineteenth Century* (transl. by A. Davies). Berkeley, CA: University of California Press.

NEW TRANSLATIONS

Jonathan Crary

24/7. Late Capitalism and the Ends of Sleep (an excerpt)

CRARY, Jonathan —

Meyer Schapiro Professor of Modern Art and Theory at Columbia University in New York. Address: 826 Schermerhorn Hall, 1190 Amsterdam Ave, New York, NY 10027, USA.

Email: [jkc4 at columbia dot edu](mailto:jkc4@columbia.edu)

Abstract

24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep explores some of the ruinous consequences of the expansion of non-stop processes of twenty-first-century capitalism. The marketplace now operates around the clock, pushing us into constant activity and eroding forms of community and political expression, damaging the fabric of everyday life.

In his book, Crary examines how this interminable non-time blurs any separation between an intensified, ubiquitous consumerism and emerging strategies of control and surveillance. He describes the ongoing management of individual attentiveness and the impairment of perception within the compulsory routines of our contemporary technological culture. At the same time, he shows that human sleep—a restorative withdrawal that is intrinsically incompatible with 24/7 capitalism—points to other more formidable and collective refusals of world-destroying patterns of growth and accumulation.

The Journal of Economic Sociology will publish the first chapter of this book, which engages in a discussion of the reasons for sleep erosion and its connection to the dynamics of modern capitalism. Crary also alludes to the main threats of the 24/7 world and the possible human consequences.

References

- Arendt H. (1958) *The Human Condition*, Chicago, IL: University of Chicago.
- Barthes R. (2005) *The Neutral* (transl. by R. E. Krauss, D. Hollier), New York: Columbia University Press.
- Blanchot M. (1995) *The Writing of the Disaster* (transl. by A. Smock), Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Boltanski L., Chiapello E. (2005) *The New Spirit of Capitalism*, London: Verso Press.
- Brennan T. (2003) *Globalization and Its Terrors: Daily Life in the West*, London: Routledge.
- Levinas E. (1998) *Otherwise than Being* (transl. by A. Lingis), Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Levinas E. (2001) *Existence and Existents* (transl. by A. Lingis), Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Mayer J. (2008) *The Dark Side*, New York: Doubleday.
- Nancy J.-L. (1991) *The Inoperative Community*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Nietzsche F. (1968) *Twilight of the Idols* (transl. by R. J. Hollingdale), London: Penguin.

Schivelbusch W. (1988) *Disenchanted Night: The Industrialization of Light in the Nineteenth Century* (transl. by A. Davies), Berkeley, CA: University of California Press.

Received: November 5, 2021

Citation: Crary J. (2021) 24/7. Pozdny kapitalizm i tseli sna [Late Capitalism and the Ends of Sleep (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 40–54. doi: 10.17323/1726-3247-2021-5-40-54 (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Н. А. Волкова

Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника¹



ВОЛКОВА Наталия Алексеевна — аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), преподаватель Московской архитектурной школы (МАРШ). Адрес: 105120, Россия, г. Москва, Нижняя Сыромятническая ул., д. 10, стр. 2, этаж 5.

Email: chestrek@gmail.com

Городское право изменчиво. Изменения материальной среды города и правовых инструментов регулирования делают городское право неустойчивым. Два типа изменений вызваны двумя типами конфликтов, которые городское право технически координирует: конфликтами норм и конфликтами прав собственности. Сложившееся различие формальных и неформальных отношений не объясняет способ действия городского права. Согласно гипотезе исследования, городское право работает не как нормативный или политический инструмент, а как «неустойчивая техника» (термин М. де Лаэт и А. Мол), которая объединяет пучок нормативных стилей или методов регулирования городских изменений. В качестве примера неустойчивой техники права в статье рассмотрен локальный документ российского городского регулирования — Правила землепользования и застройки (ПЗЗ). Материал исследования был собран весной 2021 г. в двух российских региональных городах, названных в тексте «город-фронт» и «город-завод». В эмпирической части проанализированы два кейса. Изменения ПЗЗ, влияющие на материальную форму города, описаны как подвижные объекты, которые проходят через серию переговоров и согласований. Для правовых изменений ПЗЗ, влияющих на структуру документа и его нормативные стили, показано, как такие изменения могут встраиваться в существующую структуру ПЗЗ. В результате на примере двух городов показано, как в них по-разному работают материальные и правовые изменения. Два типа изменений несводимы друг к другу: преобразование одного в другое приведёт к разрушению сложившегося социального порядка. Такой тип преобразования (его Д. Ло называет негомееморфным) задаёт структуру изменчивости ПЗЗ и городского права, создаёт переключения между нормативными стилями и определяет их топологическую природу.

Ключевые слова: блага; социальная топология; Правила землепользования и застройки; городское право; неустойчивая техника; нормативные стили.

¹ Эта статья была бы невозможна без консультаций, советов и поддержки Виктора Вахштайна, Эллы Панеях, Алексея Титкова, Ольги Зевелевой и точных комментариев трёх анонимных рецензентов, которые позволили переработать первую версию статьи. Также благодарю всех респондентов, с которыми беседовала о городском развитии в течение 2021 г., и коллег-градостроителей, чья критичность по отношению к городскому праву позволила сформулировать изначальные вопросы для описания этого сложного поля.

Стабильность и изменчивость городского права²

Изменчивость городского права появляется не только из-за недостаточности его нормативной силы³, но и из-за его промежуточного положения среди других отраслей права. Городское право регулирует городское пространство, где происходят столкновения различных норм и акторов [Высоковский, Валетта 1999, Fischer, Stahl, Baird-Zars 2018]. Изменения городского права могут быть двух видов. В одних случаях они касаются материальных объектов и территорий и ставят под вопрос действие существующих норм и прав. Так, например, коллега-архитектор, которая работала в проектно-институте в 1990-е гг., описывала способы взаимодействия службы главного инженера с собственниками инженерных сетей. При реконструкции старой территории крупного аэропорта службе главного инженера необходимо было перекладывать сети, документов на которые не было, и никто не мог указать их владельцев. Сотрудники аэропорта не знали, с кем договариваться о проведении работ. Решение проблемы было радикальным: сети временно перекрывали, после чего пользователи приходили в службу главного инженера с жалобами на нарушение доступа к ресурсам. Определив, таким образом, пользователя сетей, служба главного инженера начинала с ним переговоры о планах изменений.

Изменения также могут быть связаны не только с материальным объектом, но и с его правовым статусом. Например, несколько лет назад городская администрация одного регионального центра и инвестор запланировали в Генеральном плане и в Правилах землепользования и застройки города перевод территории бывшего аэропорта в зону торговли, снос старого аэровокзала и строительство на его территории торгового центра с парковкой. Группа горожан, не согласных с этими планами, обратилась к федеральному собственнику земли, и он отменил решение о сносе. Здание аэровокзала было сохранено. Однако, перестав соответствовать своей изначальной функции и не обретя новой, территория и здание превратились в неэффективную и неустойчивую собственность, которая не работает и не приносит доход. В результате здание аэровокзала снова оказалось под угрозой сноса, поскольку по документам оно осталось в функциональной зоне торговли. Чтобы избежать сноса, горожане не только говорят о том, как здание может эффективно работать, и о его возможных функциях, но также отстаивают его историческую и культурную ценность, требуют присвоения ему статуса памятника архитектуры.

Оба кейса описывают ситуации изменений в городском пространстве, когда действие норм и прав приостанавливается либо физически, как в первой ситуации, либо на уровне планов, как во второй. При этом нормы городского права оказываются частью системы сложных и взаимосвязанных отношений: прав собственников территории или объектов, интересов бизнес-структур и компаний, управляющих отдельными объектами, полномочий различных уровней и ветвей власти, прав на пользование территорией горожан и жителей. Будучи вплетёнными в сеть отношений, нормы и изменения городского права, а также их легитимность зависят от прав и интересов различных участников городских процессов и одновременно стабилизируют их права и интересы. Чтобы прояснить, как работает или не работает городское право, необходимо ответить на следующие вопросы: Каким образом изменчивость городского права способствует стабилизации отношений прав и интересов городских акторов? Изменения городского права зависят от системы правового регулирования городского развития или определяются локальными особенностями городских отношений и городской структуры?

Далее внимание фокусируется на изменениях одного документа городского права — Правил землепользования и застройки (ПЗЗ). Как элемент городского права, с одной стороны, ПЗЗ в наиболее полном виде отражает суть модели, которая была введена в середине 2000-х гг. Градостроительным кодексом 2004 г. (ГрК) [Российская Федерация 2005]. С другой стороны, ПЗЗ являются промежуточным

² В данной статье под «городским правом» понимается не только градостроительное законодательство, но и нормы из смежных отраслей права, которые регулируют вопросы развития города.

³ Об изменчивости как о признаке слабого законодательства см.: [Примаков, Дмитриева 2011].

звеном в переходе города от существующего положения, которое отражается в кадастре недвижимости, к перспективному, заложенному в Генеральном плане города и федеральных национальных проектах по развитию жилья и инфраструктуры.

В следующем разделе будут описаны основные контексты рассмотрения ПЗЗ и их изменений — исторический, правовой и теоретический. Анализ исторического контекста позволит понять, как должны были работать ПЗЗ с точки зрения авторов реформы градостроительного законодательства начала 2000-х гг. Рассмотрение правового контекста покажет, какие противоречия есть в существующих способах трактовки ПЗЗ. Описание теоретического контекста выявляет пробелы в существующих способах объяснения работы ПЗЗ и их изменений. В последующих разделах предложена концептуальная и методическая структура анализа действия ПЗЗ, а также описан принцип сбора материалов исследования. Эмпирическая часть включает анализ, основанный на полевой работе в двух региональных городах, которые, в целях анонимности, названы «город-фронт» и «город-завод». В результате описано действие двух типов изменений ПЗЗ, связанных с материальными объектами и правовыми объектами-нормами, и их роль в городском управлении. При обсуждении результатов показано, что изменения ПЗЗ не только поддерживают существующую структуру взаимодействий и сеть городских акторов, но также масштабируют их, чтобы сохранить неустойчивый городской социальный порядок.

Двойной контроль: нормы ПЗЗ и права собственников

Исторический контекст

Изменения в управлении городским и градостроительным развитием, произошедшие в российском законодательстве после 1991 г., можно описать как возвращение от социалистического градостроительства к логике городского регулирования, которое существовало в России до революции 1917 г. [Вайтенс, Косенкова 2006; Трутнев 2007; Вайтенс 2009]. Возврат происходит, в том числе, за счёт переноса инструментов (*policy mobility*) из европейской и американской рыночных моделей городского регулирования, не прерывавших, в отличие от России, своё развитие в течение XX века. В Градостроительном кодексе 2004 г. Генеральный план (ГП), существовавший в советском градостроительстве и плановой экономике, был дополнен новым инструментом — Правилами землепользования и застройки (ПЗЗ).

Авторы российской реформы городского планирования связывали необходимость изменения системы градостроительного законодательства с возникновением права частной собственности на землю, приватизацией и формированием рыночных отношений, в том числе — рынка недвижимости. Суть введения городского планирования состоит в переходе от градостроительного проектирования отдельных городских ансамблей и пространств к единому нормативному регулированию развития городской недвижимости, территорий и объектов [Высоковский 2011]. ПЗЗ даёт возможность жёстко разграничить в городском пространстве права собственности, отделяя частные от публичных, к которым относится собственность органов федеральной, региональной и муниципальной власти. В свою очередь, ПЗЗ регулирует только отношения между собственниками недвижимости и её использование.

Принципиальным условием для создания рынка недвижимости стал *публичный* характер норм ПЗЗ, который должен был предоставить инвесторам, собственникам и жителям ясные и прозрачные правила взаимодействия и обозначить перспективы развития отдельных территорий. Чтобы сохранить публичный и максимально полный характер норм, ПЗЗ стали пространством для отображения установленных другими юридическими документами ограничений санитарно-защитных зон, зон охраны культурного наследия, зон, связанных с охраной природных объектов. При этом ПЗЗ вошли в состав документов местного уровня, которые подчиняются федеральному и региональному законодательству. Однако в рамках перераспределения градостроительных полномочий в ряде районов отдельные вопросы или

полностью работа с ГП и ПЗЗ перешли на региональный уровень [Российская Федерация 2014]. На местном уровне, как правило, сохраняется ключевая, по мысли авторов градостроительной реформы, процедура — публичное согласование с жителями норм ПЗЗ или их изменений.

Публичная процедура согласования норм ПЗЗ, которая включает публичные слушания с жителями [Литвак 2002]⁴, описана в федеральном законодательстве и в документах ПЗЗ в разделе «Порядок применения и внесения изменений» (см.: ГрК: ст. 30.2, п. 1). В результате вместо множества согласований для получения разрешения на строительство и начала подготовки проектной документации, по мысли инициаторов реформы городского планирования, инвестор может запросить у муниципалитета *градостроительный план земельного участка* (ГПЗУ), который формируется на основе ограничений, установленных в ПЗЗ [Косарева, Трутнев 2003; Трутнев 2019]⁵. Чтобы упорядочить права частной собственности на недвижимость, ПЗЗ должны создать прозрачные регламенты для привлечения инвестиций в строительство жилья и развития системы ипотечных кредитов [Лимонов 2004] и стать публичным *экономическим инструментом*, регулирующим в городской экономике переход от нерыночных социалистических отношений к рыночным.

Правовой контекст

В системе градостроительных документов ПЗЗ занимают промежуточное положение, а их изменения играют роль переходного звена между нормами разного уровня. ПЗЗ основываются на существующем положении городской территории, то есть на текущих параметрах застройки, благоустройства и инженерного обеспечения, отражённых в кадастре недвижимости. При этом ПЗЗ связаны с двумя горизонтами планирования — со стратегическим планированием ГП (на 20 лет), в котором развитие территорий описывается на основе укрупнённых параметров и зон, и детализацией планов в проектах планировки отдельных территорий [Трутнев 2019]. В случае проектов планировки зоны ПЗЗ детализируются за счёт уточнения функций и ограничений земельных участков и собственности на них. Жёсткость связи между ГП и ПЗЗ остаётся спорной. Согласно идее авторов ГрК, зонирование ПЗЗ должно быть согласовано с развитием инфраструктуры в ГП, и это ограничивает изменчивость городского права. Таким образом, нормы ПЗЗ должны обеспечивать достижение перспективных целей ГП за счёт поэтапного внесения локальных изменений [Трутнев 2019]. Однако Верховный Суд РФ настаивает на приоритете норм и параметров ГП над ПЗЗ [Российская Федерация: Верховный Суд 2017]. На практике это приводит к тому, что в обоих документах устанавливаются одинаковые зоны и параметры: стратегическое планирование в ГП становится невозможным [Башарин 2020].

В то же время сроки и частота внесения изменений зависят не только от логики документов планирования, но и от планов и интересов владельцев земли, которые могут инициировать изменения в ПЗЗ. Владельцы земли могут не учитывать планы по обеспечению территории инфраструктурой, но обосновывать и предлагать свои варианты развития территорий и решения проблем инфраструктуры. Комиссия по землепользованию и застройке (далее — Комиссия), одобряющая или отклоняющая заявки на изменения, или глава города, который их утверждает, могут разрешить изменения, не учитывая ГП, чтобы не потерять инвестора, будущие доходы с налогов и рабочие места. В результате ПЗЗ не обеспечивают гладкий переход от существующего положения территории к будущему, создают разрыв в планах развития города, а их изменения становятся *инструментом регулирования, перераспределения и ограничения прав частной собственности*.

⁴ С 2018 г. в качестве альтернативы публичным слушаниям с очным присутствием были введены общественные обсуждения [Медведев 2018].

⁵ С 1 июля 2017 г. ГПЗУ является выпиской из ПЗЗ и не имеет самостоятельной юридической силы [Российская Федерация: Высший Арбитражный Суд 2013; Российская Федерация 2016].

Способы, которыми ПЗЗ осуществляют регулирование прав частной собственности, отражают спектр правовых инструментов ограничения возможности действия. Территория города в ПЗЗ и в ГП делится на зоны, которые опираются на границы земельных участков в кадастре недвижимости [Российская Федерация 2018]. Однако описания зон разнятся во всех трех документах. В ГП зоны обозначают возможные функции территорий и их инфраструктурное обеспечение, а зоны кадастра — это земельные участки, которые выступают объектом прав собственности. В ПЗЗ зоны связаны с регламентами и ограничениями использования территории и отображаются в двух разделах документа: «Карта градостроительного зонирования» и «Градостроительные регламенты». Градостроительный регламент ПЗЗ устанавливает два типа ограничений: виды разрешённого использования (основные, вспомогательные, условные) и параметры, регулирующие застройку территории. Таким образом, ПЗЗ регулируют структуру распределения прав собственности города за счёт установления параметров застройки, а также действия акторов — с помощью видов разрешённого использования и изменения материальных объектов в соответствии с параметрами застройки.

Градостроительные регламенты ПЗЗ могут быть изменены не только по инициативе собственников. В двух случаях по инициативе различных органов власти допустимо внесение правовых изменений в ПЗЗ, которые затрагивают не только отдельные зоны, но и структуру документа. Либо правовые изменения носят технический характер и возникают для согласования с изменениями ГрК и законодательства более высокого уровня. Либо они изменяют способ действия ПЗЗ и его отдельных регламентов, чтобы учесть применение экспериментальных (рекомендательных) процедур и форм регулирования — объёмно-пространственных регламентов (ОПР), конкурсов, стратегий развития города и мастер-планов. В результате правовые изменения *перераспределяют зоны действия отдельных норм, полномочия и ответственность между различными акторами*.

Теоретический контекст

ПЗЗ как правовой документ устанавливают определённый публичный правовой порядок, создавая пространство для действий различных городских акторов. ПЗЗ выступают как социальный институт, а зонирование является инструментом его реализации. С точки зрения теории рационального выбора, ПЗЗ устанавливают единый для всех правовой подход [Гудзь, Карасельникова, Косолапов 2020]. Внесение изменений, которые отклонялись бы от этого порядка, необходимо рассматривать как несправедливые попытки исключения части акторов из принятия решений и ограничение их прав [Fischer, Stahl, Baird-Zars 2018; Гудзь, Карасельникова, Косолапов 2020: 60–63], в том числе прав, связанных с использованием и доступом к публичным городским пространствам. Возникает определенное противоречие: с одной стороны, речь идёт о едином порядке, а с другой, оказывается возможным наличие не согласованных между собой прав и интересов различных городских акторов. И хотя, с точки зрения институционального подхода, ПЗЗ и зонирование выступают способом согласования интересов различных акторов, вопрос соотношения множественных интересов и их упорядочивание в рамках городских норм остаётся нерешённым: за счёт внесения изменений различные акторы могут оспаривать принятый правовой порядок и трансформировать его изначальную логику.

В то же время изменения ПЗЗ могут рассматриваться как предмет конфликтов властных коалиций в городском управлении, связанных с распределением власти и «городскими режимами» [Ледяев 2008]. В этом случае ПЗЗ являются инструментом управления, но за публичными решениями, связанными с городским правом стоят неформальные связи и отношения, которые более значимы, чем формальные нормы ПЗЗ. При анализе неформальных городских взаимодействий ПЗЗ и нормы городского права даже не обязательно упоминаются, хотя и являются отправной точкой для возникновения конфликта [Тыканова, Хохлова 2014; Бедерсон, Шевцова 2020]. Анализ неформальных отношений может также показывать ограниченность существующих правовых норм, описывая их работу на пересечении раз-

личных неформальных «режимов справедливости» [Мохов, Зотова 2017]. Анализ ПЗЗ как инструмента регулирования в рамках городских коалиций предлагает логику, отличную от нормативного описания ПЗЗ в рамках теории рационального выбора. Так, В. Гельман предлагает отказаться от нормативных оценок, связанных с учетом социальных факторов управления, оставив только параметр эффективности и максимизации прибыли [Гельман 2019]. При этом Гельман описывает ситуацию «критического момента» [Гельман 2016], когда возникает жёсткая связь между формальными отношениями права и неформальными коалициями в виде «карманов эффективности». «Карманам эффективности», в логике В. Гельмана, соответствуют изменения ПЗЗ, которые делают видимыми в публичном поле результаты действий неформальных коалиций. Такой подход ставит под вопрос способность городского права действовать и регулировать городские отношения, поскольку нормы в этом случае не имеют никакого общего основания и служат лишь частным интересам. В этом случае городские нормы оказываются исключительно социальным конструктом, который никак не связан с городским пространством. Однако именно материальная структура города является основой для формирования различных городских режимов и правовых порядков.

Наконец, ПЗЗ и их изменения могут быть описаны в логике правового плюрализма, который предполагает сочетание формальных и неформальных норм. Тогда зонирование ПЗЗ представляет собой технический способ совмещения различных правовых порядков в одном пространстве: действие различных правовых порядков ограничено конкретной зоной, а сам подход можно назвать планированием исключений (*nuisance*) [Valverde 2011]. В этом случае не учитывается взаимное влияние различных правовых порядков: зонирование не может рассматриваться как набор независимых друг от друга зон. Зоны влияют друг на друга и на формирование ограничений. Кроме того, они, как показывают Н. И. Карбаинов и его коллеги, ПЗЗ находятся на границе формальных и неформальных порядков и определяют способы перевода прав собственности между ними [Карбаинов 2014; Рыжова, Гузей, Карбаинов 2019; Рыжова, Журавская 2020]. Но тогда сохраняются вопросы, связанные с механизмом перевода одного порядка в другой, и с тем, какая роль отведена в этом механизме предлагаемым изменениям. Таким образом, вопрос о том, как действуют изменения ПЗЗ, становится ключевым для понимания способа работы городского права.

Структура исследования: нормативные стили, документы и истории

Концептуализация: ПЗЗ как пучок нормативных стилей

Действие ПЗЗ при переходе между социалистическим способом управления и рыночным может быть структурировано в соответствии с двумя векторами изменения ПЗЗ — от текущего к будущему состоянию прав собственности и от существующего способа действия норм к их экспериментальным формам. Тогда изменчивость ПЗЗ объясняется либо возникающими конфликтами прав собственности, либо столкновениями и конфликтами норм. Но изменения ПЗЗ могут включать и те, и другие конфликты. При этом, как видно из рассмотренных способов концептуализации ПЗЗ и их изменений, ПЗЗ сочетают различные правовые порядки и способны их координировать. Для анализа действия ПЗЗ требуется подход, который позволит объединять и объяснять способы переключения правовых порядков ПЗЗ, вызванные изменениями, имеющими материальные или правовые основания, и координирующие конфликты прав и норм.

Опишем множественность правовых порядков ПЗЗ как пучок *нормативных стилей*. Тогда, согласно М. де Лаэт и А. Мол, ПЗЗ работает как *неустойчивая техника* [Laet, Mol 2000]. Ситуация изменения ПЗЗ создаёт точки сопоставления (*point of contrast*) различных прав собственности и способов регулирования конфликтов вокруг норм. Сами изменения, которые различные акторы предлагают внести в ПЗЗ, выступают как *материальные и правовые блага*, отражающие работу ПЗЗ как *неустойчивой тех-*

ники, и участвуют в процессе *делания нормативности* городского права и поддержания его нейтрального, стабильного характера. Как неустойчивая техника, которую де Лаэт и Мол описывают на примере зимбабвийского насоса, ПЗЗ существуют в двух пространствах: с одной стороны, они действуют в пространстве прав собственности, а с другой — в пространстве норм. Тогда в процессе изменения ПЗЗ блага перемещаются между этими двумя пространствами, создавая новые связи и отношения.

Действие ПЗЗ как техники становится явным в действиях акторов, которые участвуют в обсуждении изменений ПЗЗ. Права собственности акторов в соответствии с метафорой «пучок прав» У. Хохфельда можно описать как набор элементов прав [Baron 2013]⁶, среди которых основными будут *использование, распоряжение, присвоение* недвижимости, то есть зданий и земельных участков. При изменениях ПЗЗ акторы реализуют различные элементы прав собственности как *техники владения* для отстаивания своих интересов. Кроме того, акторы, которые участвуют в подготовке и согласовании ПЗЗ или обосновании изменений, используют *техники регулирования* для определения норм и границ их применения. К техникам регулирования относятся *техники планирования* при работе с зонами ПЗЗ, их уточнении и (или) обобщении и *техники нормирования*, предполагающие дополнение и (или) изменение элементов документа ПЗЗ. За счёт использования техник владения и регулирования акторы получают доступ к различным *благам* или *предлагаемым изменениям*. При этом к благам относятся два типа объектов: материальные объекты (проекты зданий или пространств) и правовые инструменты или нормы, которые должны дополнить или изменить ПЗЗ. Цель взаимодействия акторов по поводу различных благ состоит в нейтрализации конфликтов норм и прав за счёт изменения нормативного стиля ПЗЗ.

В рамках модели *делания нормативности* проблема изменчивости городского права и его нормативного стиля выступает как попытка разрешить противоречия и конфликты различных *техник владения и регулирования*, которые возникают в результате появления новых *благ*. Можно выделить две группы городских акторов в зависимости от того, какой вид техник они применяют. К тем, кто реализует своё право собственности за счёт *техник владения* в отношении городских объектов, относятся представители бизнеса, муниципалитета и обычные горожане. Внутри группы также могут возникать *противоречия в правах собственности*. Также есть те, кто предлагает новые нормы и определяет зону их применения с помощью *техник регулирования*. Техники регулирования используют проектировщики, представители муниципалитета и отчасти девелоперы, которые решают проблемы *конфликта норм*. Эти две группы способны пересекаться: один и тот же человек может использовать обе техники и оперировать как правами собственности, так и нормами ПЗЗ. Предложение изменений в виде различных благ активизирует оба вида техник (владение и регулирование), существующих в явной или скрытой форме, и сталкивает их. Тогда вопрос о точках сопоставления и переключении (изменении) нормативных стилей становится вопросом о способе действия городского права. *Как блага, то есть изменения ПЗЗ, переключают нормативные стили ПЗЗ с помощью техник регулирования и владения и тем самым поддерживают нейтральный характер городского права?*

Материалы: города и нормы

Данное исследование проведено на примере двух городов, которые являются столицами субъектов РФ. Далее в целях анонимизации эти два города будут обозначены как «город-завод» и «город-фронтир». Эти названия условны и не имеют аналитической нагрузки: дальнейший анализ строится не вокруг описания отдельных городов, а вокруг выделения возможных сценариев изменения норм ПЗЗ и городского права и связанных с ними конфликтов норм и прав.

⁶ Среди юристов дискутируется вопрос о применимости метафоры «пучок прав» для земельной собственности, тем не менее ряд исследований показывают допустимость такого подхода [Di Robilant 2013; Galik, Jagger 2015].

Исследование включало два этапа: (1) анализ документов ПЗЗ и их изменений; (2) полевой этап в двух городах. На первом этапе были собраны и обобщены данные по внесению изменений в ПЗЗ для всех городов — центров субъектов РФ за 1996–2019 гг.⁷ Для двух основных городов анализ изменений проводился в интервале последних 5–6 лет. Кроме того, для города-фронтiera и города-завода были проанализированы не только документы ПЗЗ и решения муниципальных органов представительной власти о внесении в них изменений, но также связь норм ПЗЗ с другими документами территориального и стратегического планирования — генеральными планами (ГП), проектами планировки территорий (ППТ) или концепциями нормативных и стратегических документов. Также было проанализировано распределение полномочий в области градостроительной деятельности. В городе-фронтiere все полномочия, кроме проведения общественных обсуждений, переданы на региональный уровень. В городе-заводе полномочия были переданы на региональный уровень, но несколько лет назад частично возвращены: разрешение на строительство выдаёт регион, но разработка, утверждение ГП и ПЗЗ, а также проведение общественных обсуждений относятся к полномочиям муниципалитета.

В рамках второго, полевого, этапа в январе — марте 2021 г. для выявления техник владения и регулирования акторов в двух основных городах были проведены 32 глубинных интервью длительностью 0,5–3,5 часов с муниципальными и региональными служащими, городскими планировщиками, активистами, внешними экспертами, историками, юристами и девелоперами. Также были проведены семь экспертных интервью. В одном из основных городов использовалось включённое наблюдение в рамках общественного очного обсуждения проекта муниципального стандарта. Следуя стратегии анонимизации, далее в тексте ссылки на респондентов будут ограничиваться буквой (Ф или З), которая соответствует обозначению города, и номером интервью, который соответствует их порядку появления в тексте; обобщённые сведения об информантах даны в приложении к статье. Отличительной чертой всех интервью является то, что между респондентами и городами отсутствовала жёсткая связь: например, документы для города-фронтiera делала компания из другого региона, а эксперты города-фронтiera работают по всей стране. Таким образом, в рамках интервью обсуждались практики городского планирования не только двух основных городов, но ещё девяти городов — региональных центров, расположенных по всей территории России и муниципальных районов двух регионов.

Методы: малые истории и аргументы

Анализ интервью и документов выполнен в традиции аргументативного поворота [Fischer, Fischer 1993; Sabatier 1995; Fischer, Gottweis 2013] и нарративных исследований нормативных актов (*Policy Studies*). Существующие подходы к нарративному анализу нормативных актов (*policy*), *Narrative Policy Analysis* (NPA) и *Narrative Policy Framework* (NPF)⁸, опираются на различение истории [Kaplan 2002] и аргументов [Dryzek 2002] и выделение мета-нарративов или «больших нарративов». Для исследования изменений ПЗЗ «большие» нарративы были связаны с техниками владения и регулирования. Однако в результате первичного анализа интервью стало ясно, что респонденты совмещают эти два нарратива в

⁷ Исключение составляли города федерального значения из-за того, что в них есть особые условия реализации градостроительной политики, и город Симферополь из-за особенностей его правового статуса в течение большей части рассматриваемого периода.

⁸ Подход NPA построен на постструктуралистском анализе и выделении историй и их противостояний (*controversies*) между различными историями и нарративами, мета-нарративами, которые их примиряют. Мета-нарративы становятся основой разработки нормативных актов.

Подход NPF работает с историями и нарративом как со способом аргументации, при этом аргумент должен обладать предпосылками и выводами. Подход NPF позиционируется его авторами как позитивистский, он работает в рамках социологии знания Дэвида Блура и его развитии в исследованиях нормативных актов в рамках *Advocacy Coalition Framework* (ACF). NPF и ACF делают единицей анализа группы интересов, обладающих общими представлениями (*beliefs*), и их борьбу за возможность изменения нормативных актов. При этом подход NPF, в отличие от ACF, предполагает, что группы интересов конструируются через конкурирующие нарративы.

рамках рассказа, выступая и как собственники, и как участники городского управления. Такое наложение ролей обусловило методику анализа интервью и фокус на отдельных кейсах, которые описывали респонденты. В каждом интервью были выделены «большие» истории-кейсы, связанные с отдельными благами — изменением *городских объектов и практиками регулирования*, и «малые» истории отдельных респондентов, которые описывают техники регулирования и владения, связанные с данными кейсами. Таким образом, «большая» история выступает как ситуация в рамках большого нарратива и описывает отдельный кейс изменений; «малая» история выстраивается вокруг описания одного или двух локальных событий внутри кейса [Bamberg, Georgakopoulou 2008].

Дальнейшее описание отдельных кейсов и отношений городских акторов построено вокруг двух сценариев внесения изменений в ПЗЗ, связанных с конфликтами прав собственности и норм регулирования: (1) изменения отдельных зон; (2) изменения работы самого документа. В первом сценарии изменения ПЗЗ связаны с новыми проектами или *материальными благами*, которые создают напряжение между техниками регулирования и техниками владения. Материальные блага требуют инфраструктурного обеспечения и потому зависят от параметров ГП, но также ограничены нормами ПЗЗ. Новые проекты, которые становятся обоснованием изменений, мобилизуют существующие права собственности и техники владения различных акторов и создают возможности их перераспределения. Во втором сценарии изменения ПЗЗ связаны с тестированием новых инструментов или концепций регулирования, которые работают как *правовые блага* и ставят под вопрос принципы работы ПЗЗ. Подобный сценарий разворачивается в ситуации конфликта норм и столкновения прав различных акторов, приводя к их разграничению за счет техник регулирования. Первый сценарий будет связан в большей степени с изменениями материальной формы города и планами его использования, второй — с перераспределением интересов и публичным взаимодействием акторов.

ПЗЗ и материальные блага: точки взаимных изменений

В качестве материальных благ в городском планировании выступают проекты развития территорий и застройки, инициированные девелоперами или муниципалитетом. Они получают легальный статус после утверждения проекта планировки территории — градостроительного документа с наибольшей степенью детализации. Материальные блага подвижны в пространстве городского права и в сети взаимодействий акторов: чтобы обрести правовой статус, они должны пройти не только формальные процедуры согласования, но и серию конфликтов и противостояний. Планы девелоперов могут не совпадать с зонированием ПЗЗ, как в части границ территорий, так и в части разрешённых видов использования и параметров застройки. В результате возникает конфликт норм ПЗЗ и прав собственности, который собственники, девелоперы и застройщики хотят разрешить с помощью внесения изменений в ПЗЗ. Также при внесении изменений в ПЗЗ может появиться расхождение между планами развития инфраструктуры ГП и проектами планировки. Разрешение этого противоречия происходит за счёт переговоров между муниципалитетом и собственниками земли, застройщиками. Наконец, планы застройщика и способы решения двух предыдущих конфликтов могут встретить противостояние со стороны других собственников, в том числе горожан. Они обладают лишь отдельными элементами прав, у них нет полного права собственности на данную территорию. Тогда, материальные блага не только изменяют ПЗЗ, но и могут меняться сами в результате возникновения конфликтов и последующих переговоров, направленных на разрешение конфликтов. Механизмы взаимного (не)изменения нормативного стиля ПЗЗ и материальных благ зависят от техник регулирования и владения, которые используют акторы на каждом этапе переговоров.

Блага и техники регулирования ПЗЗ

Первое, с чем сталкивается собственник, желающий внести изменения в ПЗЗ, это структура территориальных зон, степень их дробности и детализации параметров, которые отражают техники регулирования, заложенные в документ разработчиками ПЗЗ. В соответствии с промежуточным положением документа ПЗЗ в структуре градостроительной документации детализация зонирования и параметров ПЗЗ может варьироваться от обобщённых параметров ГП до детализации зон в проекте планировки. В обоих вариантах детализации и обобщения зонирование ПЗЗ может вступать в противоречие с положениями ГП и проектов планировки, поскольку не обладает их правовым статусом, что порождает конфликт норм ПЗЗ и прав собственности девелоперов. Однако конкретные различия в детализации зон ГП, ПЗЗ и проектов планировки устанавливаются каждый раз эмпирически в процессе подготовки документов. В городе-фронтире и городе-заводе техники регулирования, заложенные в ПЗЗ, отличаются, что определяет условия взаимодействия акторов и ключевые точки изменения материальных благ.

ПЗЗ города-фронтира выполнены с высокой степенью детализации и следует в этом ГП города, принятому практически одновременно с ПЗЗ:

Смотрите, где начинаются противоречия: генеральный план делается в масштабе не более десяти тысяч [1 : 10 000. — Здесь и ниже примеч. автора статьи]. Но бывает иногда пять тысяч, а потом мы по нему делаем правила землепользования, у которых координация происходит с точностью, которая вообще не соответствует этому масштабу — два знака в другую сторону запятой [0,00] (Ф 1, градостроитель).

Детализация ПЗЗ связана не только с масштабом карты, она также отражается в зонировании. В границах жилого квартала 300 на 300 метров, который мог бы, по утверждению респондента Ф 1, быть одной зоной, отображены следующие зоны:

Общественно деловая [зона], вот здесь детский сад, здесь индивидуальная застройка, здесь может быть среднеэтажная жилая застройка (Ф 1, градостроитель).

Фактически, ГП и ПЗЗ берут на себя функцию более детального уровня планирования — проектов планировки, как полагает респондент Ф 1. Однако при разработке проекта планировки подобная детализация получила бы правовой статус и была бы основана на соглашениях об инженерном и инфраструктурном обеспечении территории. В детализации ПЗЗ таких обоснований нет. В результате девелопер, планирующий застройку, не может действовать в соответствии с ПЗЗ, так как детализация ПЗЗ не оставляет пространства для дальнейших изменений проекта по результатам взаимодействия с различными акторами и согласований. У девелопера есть только два варианта реализовать право использования и изменения участка: либо он ищет территории, на которых развитие не запланировано и соответственно нет дробного зонирования, либо он инициирует изменение ПЗЗ.

Другая ситуация возникает при обобщённых описаниях зон ПЗЗ, когда в ПЗЗ буквально переносятся обобщённые зоны и параметры развития из стратегического документа ГП. В этом случае с противоречиями сталкиваются муниципальные служащие, как это происходит в городе-заводе:

У нас есть норма в [Градостроительном] кодексе, которая позволяет зоны [ГП] устанавливать без улично-дорожной сети. То есть мы берём огромное брюхо и рисуем [единую зону], потому что нет документации, нет улично-дорожной сети, а по генеральному плану мы не можем из зонирования вырезать эти дороги все. Он [девелопер], получается, собственник,

распилил [на зоны участок], как захотел и продал. И все начинают что-то строить (З 1, муниципалитет).

Проблемы укрупнённых зон в ПЗЗ респондент З 1 связывает с приоритетом ГП над ПЗЗ, его установил Верховный суд РФ и к нему апеллируют девелоперы города-завода. В результате муниципалитет вынужден приводить зоны ПЗЗ в соответствие с ГП. Тогда в ПЗЗ не происходит деления зоны на кварталы и не выделяется улично-дорожная сеть, которая должна перейти из собственности девелопера в собственность муниципалитета. Таким образом, техники владения девелопера подчиняют техники регулирования, заложенные в ПЗЗ и связанные с разграничением публичной и частной собственности. Нормы ПЗЗ оказываются подчинены логике прав частного собственника и девелопера, и муниципалитет должен искать другие способы регулирования и ограничения его прав собственности.

Эти два кейса техник регулирования показывают, как детализация или обобщение зон в ПЗЗ влияет на возникновение конфликта норм ПЗЗ и прав собственности девелоперов и условия появления материальных благ. При высокой детализации ПЗЗ девелоперы, предлагая материальные блага, противопоставляют нормам ПЗЗ и техникам регулирования свои права собственности. В случае обобщённых и крупных зон техники регулирования оказываются подчинены техникам владения девелоперов, а инструментом регулирования муниципалитета и оспаривания техник владения становится противоречие между нормами транспортного обеспечения территории и планами девелоперов. Таким образом, возникают две ситуации неопределённости, в которых возникает противоречие норм и прав и может происходить изменение материальных благ: усиление техник регулирования и мобилизация прав собственности.

Первая неопределённость: техники регулирования и инфраструктура

Техники регулирования ПЗЗ можно разделить на два типа: (1) техники планирования, связанные с изменением зон и видов разрешённого использования, и (2) техники нормирования, которые определяют параметры застройки. На примере города-фронтiera и города-завода видно, что усиление техник планирования значительно влияет на процедуры согласования проектов, выступающих как материальные блага. Тем не менее девелоперы утверждают, что при определении параметров материальных благ (застройки и территории) ГП и ПЗЗ позволяют оценить только общие показатели экономической эффективности проекта. Параметры, которые указаны в ГП и ПЗЗ опубликованы и известны, поэтому, они не представляют интереса для девелоперов при разработке проекта:

Моим сотрудникам нужно максимум оттуда взять коэффициент использования, ещё какие-то вещи. Мы его используем <...> на этапе градостроительного анализа (З 2, девелопер).

Таким образом, для девелоперов основное действие техник регулирования ГП и ПЗЗ сводится к планированию.

Техники нормирования при согласовании проектов имеют источником другой способ регулирования — нормы градостроительного проектирования, которые определяют нормы обеспечения территории инженерной и социальной инфраструктурой. По замыслу авторов градостроительной реформы, нормы должны были стать основанием для планов развития и разработки ГП. Однако респонденты в обоих городах указывают, что инфраструктурное обеспечение территорий остаётся узким местом: реализация проектов застройки, продажа недвижимости не окупают затраты муниципалитета на развитие инфраструктуры, поэтому муниципалитеты и девелоперы вынуждены трансформировать техники нормирования развития инфраструктуры с помощью техник владения и планирования. Так, например, наличие или возможность подключения инженерной инфраструктуры зависит от того, была ли терри-

тория «организованной», то есть, были ли у неё собственники и использовалась ли она. В коммерческий оборот муниципалитет вовлекает территории, связанные с бывшими или действующими правами собственности (промышленные территории, совхозы) с инженерной подготовкой территории или минимальной инфраструктурой, хотя и недостаточной для реализации новых проектов.

Для решения «сетевых вопросов» (как назвал один из респондентов проблему наличия инженерной инфраструктуры и сетей) девелоперы переводят техники нормирования в процедуры переговоров, планирования и распределения прав, которые изменяют материальные блага. Так, в ситуации детальных зон в городе-фронтире необходимость инженерного обеспечения территории и строительства социальной инфраструктуры запускает процесс переговоров между девелоперами и муниципалитетом о распределении прав на землю:

Он [девелопер], условно говоря, отдаёт часть земли муниципалитету, по три гектара на детский садик, под школу. И взамен он должен получить от муниципалитета какие-то гарантии на подключение тех ресурсов, которыми владеет муниципалитет. У муниципалитета могут быть очистные сооружения, у него может быть вода, свет. У нас [девелоперов] уже федеральные структуры, региональные. То есть, идут какие-то такие переговоры (Ф 2, девелопер).

В результате в ситуации отсутствия планов перспективного развития территории в городе-фронтире на уровне переговоров между представителями застройщика и муниципалитета происходит обмен элементами прав собственности на отдельные участки или объекты.

При ослаблении техник регулирования ПЗЗ девелоперы могут расширять круг акторов, с которыми они ведут переговоры, чтобы решать инфраструктурные вопросы не только с помощью перераспределения прав собственности на землю, но и привлекая дополнительное финансирование. При развитии района в пригороде города-завода застройщик ведёт переговоры на федеральном и региональном уровне:

Руководство компании использует в хорошем смысле лоббистские возможности для привлечения федеральных инвестиций в город для строительства инфраструктуры. И, когда там разрешается строительство очередного квартала, есть много публичных соглашений и меморандумов о том, что руководство застройщика участвует в привлечении инвестиций и соответственно вносит изменения в федеральные госпрограммы, в региональные госпрограммы, где появляется потом строчка о том, что [в этом квартале] возникнет школа на столько-то мест, улица появится новая, там детский сад появится новый (З 3, бывший муниципальный служащий).

В этом случае девелопер изменяет уже не проекты или материальные блага, а техники планирования и развития территории, расширяя сеть акторов, вовлечённых в проект.

Техники регулирования создают неопределённость в развитии проекта, из-за чего происходит переход от нормирования развития инфраструктуры к перераспределению прав собственности и изменению техник планирования территорий. В результате, девелоперы могут менять проекты и их параметры, а могут — техники планирования и сеть акторов, вовлечённых в проект. В обоих случаях под влиянием техник нормирования происходит изменение материальных благ. Однако, в первом случае материальные блага не влияют на техники планирования и они сохраняются стабильными, а во втором, они подвергают изменению проектов и распределение прав собственности.

Вторая неопределённость: горожане и техники владения

Материальное благо, которое изменилось под влиянием техник регулирования, оказывается в пространстве ещё одного противостояния после того, как новые планы опубликованы: оно рискует подвергнуться оспариванию со стороны горожан и собственников, обладающих отдельными элементами прав на эти территории. Поскольку ПЗЗ согласовываются в процессе публичных взаимодействий, материальные блага могут меняться и из-за мобилизации прав собственности и техник владения, которая происходит как в рамках формальных процедур общественных обсуждений, так и в ходе других публичных взаимодействий.

В рамках формальных процедур общественных обсуждений мобилизация горожан, обладающих различными элементами прав собственности в городском пространстве, происходит в случае угрозы тому или иному объекту. В городе-фронтире, в центре конфликта оказался небольшой парк (9 га), расположенный в недавно построенном жилом районе. Парк был центром района и использовался жителями для прогулок с детьми и отдыха. С 2017 г. предпринимались попытки передать парк от федерального собственника в частную собственность. Однако когда новый собственник захотел изменить вид разрешённого использования в ПЗЗ со спортивной зоны на общественно-жилую застройку, местные жители и пользователи парка возмутились и высказались против на общественных обсуждениях:

Х. мне пишет <...> эти общественные слушания заканчиваются типа завтра, я тут набросал текст, [надо] по максимуму чтобы люди приняли участие <...> за эти два дня 100 человек приняло участие (Ф 3, активист(ка)).

В результате группа горожан, отстаивающая парк, стала одним из ключевых игроков в конфликте: после нескольких лет противостояния регион принял решение оставить парк в зоне спортивных объектов и не застраивать его. При этом способы мобилизации прав собственности — составление типового письма или заключения — дают возможность горожанам изменять сложившиеся техники регулирования. Кроме того, мобилизация отдельных элементов прав собственности позволяет отстаивать их и сделать техниками владения в формальном поле.

При неформальном конфликте вокруг техник владения горожане города-завода показывают пример действия в публичном поле как способ мобилизации прав собственности. Горожане вступают в публичные взаимодействия, в отдельных случаях обращаясь к экспертизе планирования: выступают с заявлениями, организуют пресс-конференции и подают в суд на муниципалитет. Благодаря публичным действиям горожане переводят свои права собственности в техники владения, вовлекая в процесс широкий круг акторов, прежде всего, СМИ и экспертов. Это даёт горожанам дополнительные аргументы при попытках изменить техники регулирования ПЗЗ, сложившиеся в городе. Например, публичная пресс-конференция по поводу количества памятников в городе позволила горожанам показать, что центр города нуждается в сохранении:

Административное и профессиональное сообщество по максимуму все пришли на пресс-конференцию. То есть подняли на достаточно высокий уровень <...> И все после этого, все разговоры о том, что у нас 1200 памятников, все, весь город, весь центр у нас это одни памятники, все прекратилось (З 4, активист(ка)).

В ситуации спора о том, заполнен ли весь центр города памятниками или их немного, и требуют ли они бережного отношения, публичное выступление горожан придало вес исследованию-инвентаризации памятников, которое они провели. Таким образом, если горожане могут менять техники регулирования, элементы их прав собственности, связанные с использованием исторической территории, становятся техниками владения.

Другим, более эффективным способом неформальной мобилизации прав собственности и перевода их в техники нормирования и в городе-фронтире, и в городе-заводе, выступает оспаривание новых благ и изменений ПЗЗ за счёт расширения сети регулирующих акторов, вовлечённых в конфликт. Этот способ действия предполагает обращение к другим правовым инстанциям (например — в надзорные органы) с обоснованием того, что новые блага или техники регулирования, с которыми они связаны, нарушают установленные законом нормы. В этом случае аргументами становятся нормы не только градостроительного, но и других отраслей права — например, когда речь идёт о сохранении насекомых, занесённых в Красную книгу, или о сохранении исторического и культурного наследия.

Таким образом, горожане для поддержания и усиления элементов своих (слабых) прав актуализируют различные, обычно остающиеся в тени техник планирования, правовые характеристики городского пространства и его материальных объектов. Однако действия горожан меняют материальные блага не напрямую, они лишь приводят к возвращению на предыдущий этап обсуждений и согласований, в результате чего материальные блага будут дополнительно изменены.

Материальные блага, которые девелоперы выносят на обсуждение при изменении ПЗЗ, проходят несколько этапов согласования. С одной стороны, они подвержены изменениям из-за подвижности техник регулирования, заложенных в ПЗЗ и нормы градостроительного проектирования. С другой, когда горожане оспаривают изменения ПЗЗ, они мобилизуют элементы прав собственности. При этом изменения материальных благ носят двоякий характер: они могут затрагивать только физические параметры объекта или быть связаны с расширением сетей акторов, которые вовлечены в поддержку новых благ. От того, каким образом изменяются материальные блага в процессе согласований, также будет зависеть степень их влияния на техники регулирования ПЗЗ. Если происходит перераспределение прав собственности, как в случае с подключением к инженерной инфраструктуре в городе-фронтире, локально будут меняться только техники планирования ПЗЗ. Если же речь идёт о расширении сетей и вовлечении дополнительных акторов во взаимодействие по поводу материальных благ, как это происходит по инициативе девелоперов и горожан в городе-заводе, то изменениям подвергаются общие техники регулирования ПЗЗ, например — параметры и коэффициенты застройки. Однако нерешённым остаётся вопрос о том, каким образом изменения техник регулирования приводит к переключению нормативных стилей ПЗЗ, и какую роль в этом играют блага?

ПЗЗ как пространство изменений: как меняется нормативный стиль

На протяжении последних 15 лет наряду с развитием городского права и параллельно с ним возникают правовые блага, имеющие рекомендательный характер и не закреплённые в ГрК: стандарты благоустройства, объёмно-пространственные регламенты (ОПР), процедуры согласования архитектурно-градостроительного облика (АГО), стандарты вовлечения и соучаствующее проектирование, конкурсы на развитие территорий, стратегии пространственного развития, мастер-планы. Появление правовых благ и переключение нормативных стилей ПЗЗ позволяет перераспределить права собственности и изменить техники владения городских акторов. Правовые блага действуют параллельно с техниками регулирования ПЗЗ и направлены на то, чтобы расширить зону действия ПЗЗ за счёт переключения между различными нормативными стилями ПЗЗ. Нормативные стили ПЗЗ образуются на пересечении двух видов техник регулирования — техник нормирования и техник планирования. С одной стороны, ПЗЗ сочетает контрастные техники нормирования — зоны и регламенты, что отражает промежуточное положение ПЗЗ между кадастром недвижимости и нормами градостроительного проектирования. С другой стороны, в ПЗЗ представлены два взаимоисключающих способа планирования — процедуры («порядки проведения процедур») и правила (градостроительные регламенты). Два способа планирования ПЗЗ, которые включены в этот документ, позволяют переходить от набора процедур регулирования, которые структурируют процесс, к набору публичных правил, определяющих параметры застройки. За

счёт появления новых правовых благ происходят изменения нормативных стилей ПЗЗ, которые адаптируют их способы действия к актуальным городским взаимодействиям. Наблюдать переключения нормативных стилей можно в трёх случаях: в документах ПЗЗ, при появлении альтернативных, не закреплённых в ГрК процедур и при выделении особых зон правовых изменений.

Один инструмент или много норм?

Описанные в кейсе выше (см. раздел «ПЗЗ и материальные блага: точки взаимных изменений») изменения материальных благ относятся прежде всего к развитию жилых зон и деятельности крупных девелоперов. Это позволило сузить область анализа и выделить характерные черты техник регулирования для каждого из городов. Основной характеристикой города-фронтiera была высокая детализация зон, в то время как зоны ПЗЗ в городе-заводе были сильно обобщены. Однако неверно было бы считать, что ПЗЗ города-фронтiera и города-завода подчиняются единой технике регулирования. В зависимости от набора видов разрешённого использования каждой зоны техники регулирования меняются, поэтому наличие пучка нормативных стилей в ПЗЗ оказывается связанным уже не столько с техниками регулирования, сколько с техниками владения, которые зависят от функций зон, а также от появления новых правовых благ. На примерах двух городов можно увидеть, как меняются техники регулирования при переходе от жилых зон к зонам с другими видами разрешённого использования.

Например, в городе-фронтiere наряду с жилыми зонами, для которых сделано детальное зонирование, есть обобщённые зоны промышленности, для которых не определена стратегия развития в ГП и ПЗЗ и нет дифференциации зон.

Промзона на правой набережной в генплане не [работает как] промзона. По факту там нет живых производств, [их] практически не осталось. То есть это всё должно быть выяснено в генеральном плане, и должно быть предусмотрено какое-никакое развитие этих территорий. Этого сделано не было, поэтому сейчас, когда возникает необходимость уже у собственников [понять цели развития], целая куча заинтересованных лиц <...> начинает думать, как это все сделать (Ф 4, градостроитель).

Эти особенности планирования зон промышленности появились, согласно позиции одного из разработчиков ПЗЗ, поскольку в момент разработки ПЗЗ старые функции промышленных территорий уже были неактуальны, но у муниципалитета не было убедительной стратегии, как их развивать. Иными словами, при наличии собственников этих территорий права собственности не были поддержаны практиками использования. В результате в ПЗЗ был технически зафиксирован в общем виде существующий статус этих территорий и права собственности, чтобы не ограничивать их развитие в будущем.

Детализация зон также может быть формальной, как и фиксация существующего положения. В городе-заводе есть примеры детализации зон в части города, которая прилегает к центральной общественной зоне. Однако наибольшая детализация ПЗЗ города-завода связана с постановкой на кадастровый учёт и необходимостью с высокой точностью координировать границы зон.

Потом, к примеру, мы первый раз инициировали работу приведения [ПЗЗ] к данным кадастрового учёта, то есть... я не знаю... около 4000 локальных исправлений в данные кадастрового учёта по [городу-заводе] внесли (З 1, муниципалитет).

В результате муниципальные служащие должны были последовательно уточнять все границы зон и представлять в думу города эти уточнения как изменения карты ПЗЗ, но не содержательные, а технические. Эти изменения были вызваны необходимостью более прозрачного учёта объектов недвижимости

и требованием федерального законодательства поставить на кадастровый учёт границы всех территориальных зон ПЗЗ в каждом населённом пункте к 2023 г. [Российская Федерация 2018]. Иными словами, для создания более прозрачных механизмов регулирования недвижимости и учёта прав собственности муниципалитеты вносят технические уточнения в ПЗЗ, чтобы привести в соответствие границы территориальных зон ПЗЗ и границы земельных участков (объектов недвижимости).

Таким образом, переключение техник регулирования определяется изменением техник владения на тот или иной земельный участок. При этом, если участок является предметом активных изменений под влиянием новых материальных благ, техники регулирования станут предметом переговоров и взаимодействия между различными городскими акторами. Если же участок не находится в зоне активных изменений, связанных с развитием застройки или территорий, то изменения материальных благ будут носить формальный, технический характер и зависеть от градостроительных регламентов зон и сложившихся техник планирования. В результате нормативный стиль ПЗЗ определяется тем, кто и как мобилизует свои права собственности и как эта мобилизация влияет на техники регулирования. Чтобы понять, как различные элементы прав собственности в сочетании с новыми правовыми благами влияют на переключения нормативных стилей, посмотрим далее, как работают правовые блага в двух случаях: во-первых, как усиление и расширение регулирования сводит права собственности к использованию территории или объекта за счёт появления альтернативных процедур и техник; во-вторых, как мобилизация прав приводит к локализации и ограничению альтернативных техник регулирования.

Расширение регулирования: альтернативные техники

Явные примеры новых правовых объектов дают альтернативные техники регулирования, к которым можно отнести как процедуры соучастия, распространившиеся начиная с 2017 г., так и новые регламенты: например, объёмно-пространственный регламент (ОПР) или согласование архитектурно-градостроительного облика (АГО). Оба вида альтернативных техник действуют по сходному принципу: за счёт введения новых правовых благ они расширяют зону регулирования и ограничивают права собственности. В рамках анализа расширения регулирования будет рассмотрен только один вид альтернативных техник — новые регламенты. При этом новые правовые блага могут действовать двойко: они вводят техники регулирования либо вступающие в противоречие с ГрК, либо работающие вне принципов рыночного регулирования. В обоих случаях новые правовые блага возникают в ответ на конфликты прав собственности, которые не разрешаются в границах правового действия ПЗЗ и техник регулирования, заложенных в ГрК, и требуют дополнительных инструментов для упорядочивания техник собственности.

Конфигурации конфликтов прав собственности не являются постоянными, они также изменяются, как техники регулирования и правовые блага. Например, процедура согласования АГО, которая существует во многих российских городах [Киль, Сеницына 2021], пришла в практику муниципального регулирования в 1990-е гг. из законодательства по охране исторического наследия для урегулирования отношений, касающихся новой застройки:

Мы все помним 90-е года, [когда] была нарушена правовая база и регулирование государства только формировалось. Мы начали с нуля жить и поэтому потихоньку восполнять новые отношения <...> В частности, в отношении облика города, если на город мы смотрим, действительно, [Градостроительный] кодекс не позволяет согласовывать фасад здания. Но город, в частности, в своё время [сказал]: что это за фасады, любые, какие хотите? (З 5, юрист).

Практику АГО, которая была закреплена в ПЗЗ города-завода, уже в конце 2010-х гг. оспорили через суд девелоперы как превышающую полномочия органа местного самоуправления, ограничивающую

деятельность частного бизнеса и противоречащую ГрК. Процедура, которая существовала более 20 лет и была призвана урегулировать конфликты между правами собственников на возведение архитектурных объектов в соответствии с их собственными вкусами и согласовать образы этих объектов между собой, оказалась предметом конфликта между нормами различного уровня. Конфликт возник из-за принципа, который лежал в основе градостроительной реформы — уйти от непубличного согласования облика, фасадов и экспертного суждения главных архитекторов к публичным и прозрачным нормам [Высоковский 2011]. Облик городов стал публичным.

Однако отказ от одной из техник регулирования не означает, что прекратились попытки регулирования внешнего вида зданий и, в особенности, исторической среды. На смену АГО с середины 2010-х гг. приходит альтернативная техника — объёмно-пространственный регламент (ОПР), который должен был устанавливать детализированные допустимые параметры застройки. Эта новая форма правового блага, связанная с регулированием облика города, столкнулась с теми же проблемами, что и АГО. С одной стороны, ОПР выступает как избыточное регулирование относительно ПЗЗ, которые можно просто дополнить набором дополнительных параметров застройки (Ф 4, градостроитель). С другой стороны, ОПР работает как не-рыночная техника регулирования прав собственников:

Я считаю, что, да, наверное, он [ОПР] нужен в районах сложившейся градостроительной среды; например, там, где уже надо какую-то часть территории города освободить от рыночных отношений в чистом виде, экономических зон, например, [в зоне] исторической застройки, которая не [регулируется] рынком (З 6, архитектор).

В частности, это связано с тем, что ОПР, как и АГО, создаёт достаточно жёсткие условия регулирования для девелоперов:

Была опасность что ОПР, который должен защищать весь город от хаотичной застройки и быть супер подробным, также столкнётся с проблемой, что сложно с полным комплектом всех этих параметров [работать], потому что можно наткнуться на суды из-за ограничения прав застройщика (Ф 5, градостроитель).

Таким образом, можно видеть, что правовые блага возникают в ответ на недостаточное регулирование действующими техниками и расширяют зону регулирования городского права. Однако с течением времени и изменением законодательства они могут стать неактуальны. Это происходит из-за перераспределения прав собственности, как, например, между муниципалитетами и девелоперами в примерах выше. Но также неактуальными правовые блага делает затухание конфликта прав собственности, для разрешения которых он возник. В случае АГО и ОПР таким конфликтом прав собственности выступает право горожан на эстетическое удовольствие от города (использование эстетических характеристик города), которое в 1990–2000-е гг. могло вступать в противоречия с представлениями девелоперов и архитекторов. При этом альтернативные процедуры не жёстко встроены в ПЗЗ, границы полномочий между ними и ПЗЗ остаются размыты, что делает более простым отказ от них и передачу их функций основным техникам регулирования ПЗЗ.

Ограниченное благо: правовые эксперименты

Описанные примеры применения АГО и ОПР показывают провал правовых благ, когда, будучи временно включёнными в структуру городского права, пусть и в статусе рекомендаций, они затем вытесняются на периферию регулирования либо перестают использоваться. Однако нормативные стили, действие которых пытаются расширить правовые блага, также как противостояния прав собственности, не исчезают со временем. Они могут лишь приобрести другую форму, мобилизовать права владения

и ослабить техники регулирования. Чтобы понять, как меняются правовые блага и как они приводят к появлению новых нормативных стилей, посмотрим на проекты, которые реализуются в рамках альтернативных техник регулирования эстетических параметров среды в городе-фронтире и городе-заводе.

Основным проектом, реализованным после разработки ОПР города-фронтира, стала улица, проект которой был тем не менее выполнен не в соответствии с требованиями ОПР, а по регламентам специально разработанного дизайн-кода. В городе было сделано ещё несколько объектов, которые также не напрямую, но наследовали логике ОПР и были выполнены в рамках того же проектного подхода: проект благоустройства и концепция развития крупного городского района. В каждом из этих проектов оказываются важными не столько сами принципы, заложенные ОПР, сколько ответственность за их исполнение:

Конечно, самый главный вопрос всех этих документов — мастер плана, в том числе <...> то, кто является гарантом того, что это будет выполняться, что дальше город будет жить по тем правилам, которые там зафиксированы (Ф 6, активист(ка)).

Даже реализация дизайн-кода, основанного на ОПР, встретила серьёзное сопротивление со стороны бизнеса, чьи объекты располагались вдоль улицы и «приватизировали улицу» (Ф 7, чиновник). Чтобы преодолеть сопротивление собственников, потребовалась мобилизация техник регулирования конфликта. Превращение улицы в пешеходную зону и её визуальное упорядочение оказались серьёзным ограничением прав собственности бизнеса: владельцы магазинов перестали быть также «владельцами» улицы и стали такими же её пользователями, как и обычные горожане.

Локальное появление новых правовых объектов встречает сопротивление, когда за ним стоит изменения прав собственности: вместо большого количества владельцев появляется один, который устанавливает правила пользования для всех остальных. Иначе складывается ситуация, когда новые правовые блага становятся неотъемлемой частью нового проекта, как это происходит в городе-заводе:

Была под впечатлением, когда в конце этого года поехала на представление стандартов ДОМ.РФ и подумала <...> оказывается, могут быть написаны какие-то документы, которыми можно пользоваться и которые может прочесть даже не специалист, как я <...> Нам реально стало проще работать, даже с той же администрацией. А потому что в стандарте это написано, потому что это обоснованно, потому что есть экономические выкладки, что это повысит привлекательность территории на столько-то <...> на него можно теперь ссылаться, на какую-то вещь, которая имеет вес <...> Сейчас нам нужны, наоборот, чёткие параметры (З 2, девелопер).

В то же время девелопер рассказывает о трех экспериментальных площадках, на которых муниципалитет собирается тестировать стандарт ДОМ.РФ и правила, в нем заложенные. В отличие от города-фронтира, в городе-заводе тестировать регламент ОПР решили локально, чтобы применять нормы в рамках конкретного проекта, а не города в целом. Поддержка девелопером такого экспериментального жёсткого регулирования тем более показательна, что незадолго до этого девелоперы добились от города значительных послаблений в части плотности застройки. Локальное ужесточение норм сочетается с их общим ослаблением и показывает, как происходит переключение нормативных стилей: данном случае между ПЗЗ и ОПР.

Локальное применение новых правовых благ за счёт мобилизации прав собственности позволяет избежать неустойчивости, которая характерна для введения новых процедур или техник регулирования на всей территории города. В этом случае реализация новых правовых благ становится результатом

переговоров между муниципалитетом, бизнесом и жителями, хотя точно также ограничивает права собственности и устанавливает новый баланс отношений. Локальное внедрение новых правовых объектов, как видно на примере города-фронтiera и города-завода, позволяет тестировать применение новых благ в различных зонах города и тем самым создаёт чёткие границы изменения нормативных стилей. В этом состоит преимущество локального применения новых правовых благ и альтернативных техник регулирования перед ситуацией введения новых процедур: граница между основными и альтернативными процедурами остаётся размытой.

Таким образом, появление новых правовых благ способствует формированию новых нормативных стилей. При этом, чтобы сделать переключение между нормативными стилями чётким, необходимо увязать их с правами собственности: только собственники могут быть гарантом применения правовых благ и включения новых техник регулирования в систему норм ПЗЗ. Рассмотренные кейсы правовых благ (АГО, ОПП и дизайн-код) относятся в большей степени к техникам нормирования, в то время как техники владения обеспечивают их объединение с техниками планирования для образования нового нормативного стиля. Однако можно представить и обратную ситуацию, когда правовые блага выступают в качестве новых техник планирования и выделения зон, например — в рамках разработки концепций развития территорий или мастер-планов. Тогда техники владения, которые реализовываются через серию согласований, способствуют переводу новых техник планирования в форму норм и устанавливают соответствия между техниками и нормами. В обоих случаях расширение зоны правового регулирования происходит, но нелинейно: в пространстве существующих нормативных стилей ПЗЗ собственники выделяют зоны с альтернативными или экспериментальными техниками регулирования. Городское право изменяется за счёт переключения между различными нормативными стилями, а ПЗЗ создаёт пространство для их непротиворечивого сочетания.

Обсуждение и результаты.

Гомеоморфные и негемеоморфные изменения городского права

Может показаться, что в результате анализа способов действия двух типов благ — материальных и правовых — в пространстве социальных отношений и прав собственности акторов и пространстве регулирования ПЗЗ, мы пришли к исходной точке. Материальные блага с точки зрения ПЗЗ выступают как проекты планировки территории. Правовые блага начинают действовать, только когда они связаны с конкретной зоной, то есть фактически превращаются в проект планировки. Однако соответствие между двумя типами благ следует проводить осторожно: нельзя сказать, что один тип благ без помех переходит в другой. Если бы таков был вывод из проведённого анализа, то ПЗЗ и городское планирование пришлось бы признать примерами радикального релятивизма [Blouq 1999] и утверждать, что правовые публичные нормы и права частной собственности — это два названия одного и того же явления. Однако два явления различаются: если попытаться сделать публичные нормы частными правами, то возникнет неустойчивая ситуация, в которой тот, кто приватизировал нормы, будет иметь преимущество перед остальными участниками процесса. А это значит, что произойдёт разрушение существующего социального порядка.

Логика неустойчивой техники [Laet, Mol 2000], на языке которой были описаны оба типа благ, показывает, как возможны переходы между ними. Блага являются примерами подвижной техники, которая в качестве материальных благ проходит через серию изменений, а в качестве правовых благ стабилизирует нормативное пространство ПЗЗ. В первом случае подвижная техника сохраняет форму, а во втором её границы становятся неустойчивыми. Д. Ло показывает, что, хотя два типа подвижной техники обладают общими чертами, они не могут быть преобразованы один в другой [Ло, Вахштайн 2006] (см. также: [Вахштайн 2005]). Они оказываются соединёнными за счёт разрыва или напряжения, возникающего между ними. Такой способ работы и изменения объектов Ло называет *социальной топологией*

и объясняет, что пространства и объекты, существующие за счёт напряжения между непереводаемыми друг в друга явлениями, могут изменяться двумя способами, сохраняя исходную форму или разрушая её и переходя от исходного состояния к его противоположности. Первые изменения Ло называет *гомеоморфными*, а вторые — *негомеоморфными*. Однако, перенося понятие топологии из математики в социологию, Ло расширяет его значение: в математике к топологическим изменениям относятся только *гомеоморфные преобразования*, где топологическая форма объекта сохраняется, когда, например, шар трансформируется в пирамиду. *Негомеоморфное* изменение, или трансформация шара в тор, с точки зрения математики, топологическим преобразованием не будет, хотя могут быть негомеоморфными пространства [Виро et al. 2010]. Тем не менее негомеоморфные преобразования Ло также считает изменениями, которые, в отличие от гомеоморфных, будут необратимы. Если такие изменения произошли, то уже нельзя вернуться к исходному состоянию. Социальные негомеоморфные преобразования остаются изменениями благодаря тому, что сохраняются социальные связи между исходным и изменённым состояниями.

Для нормативного пространства ПЗЗ и материального пространства города изменения благ будут гомеоморфными преобразованиями, которые можно возвращать к исходным формам за счёт взаимодействий и переговоров. Негомеоморфные преобразования благ связаны с изменением их формы: расширением или сжиманием их сети связей или пространства действия. Изменения формы, которые приводят к необратимым преобразованиям, можно, вслед за М. Стратерн, назвать масштабированием [Strathern 1999], что, в случае ПЗЗ, будет связано с переключением между разными нормативными стилями. Масштабирование может быть двух видов, в зависимости от того, к какому типу благ оно применяется. Для материальных благ масштабирование будет выделять ядро, или ключевые элементы, материального блага, которые остаются стабильными в процессе изменений и согласований, и периферию, внутреннюю или внешнюю. Внутренняя периферия будет возникать, когда материальное благо распадается на части в процессе переговоров и происходит перераспределение прав собственности. Внешняя периферия, наоборот, позволяет поддерживать материальное благо в неизменном виде за счёт расширения сети акторов. Если речь идёт о правовых благах, то масштабирование направлено на обособление нормативного стиля, который пытается установить благо, за счёт образования локальных зон, где этот нормативный стиль может действовать. Таким образом, в этом случае блага обретают жёсткие границы и распределяются по территории города.

Два типа масштабирования отражают два вектора действия ПЗЗ в системе градостроительной документации между стратегическим документом ГП и проектом планировки территории, работающим в близкой временной перспективе. При негомеоморфных изменениях материальных благ масштабированию подвергаются права собственности, которые стремятся разрешить конфликт норм; и, наоборот, правовые блага, изменяясь, упорядочивают в рамках конкретных зон отношения собственности и техник владения. В этом случае ПЗЗ выступают как способ координации двух видов масштабирования и двух типов конфликтов, которые ПЗЗ пытаются нейтрализовать за счёт масштабирования. В результате рассматриваемые в этой статье города по-разному реагируют на возможность негомеоморфных преобразований. Город-фронтир отказывается от правовых негомеоморфных преобразований, но позволяет осуществляться локальным материальным необратимым изменениями в виде реализуемых концепций и проектов. В городе-заводе, наоборот, городская администрация стремится к негомеоморфным правовым преобразованиям, локализуя их в нескольких участках города и переключая за счёт этого нормативные стили ПЗЗ.

Таким образом, поэтапные изменения, ради регулирования которых ПЗЗ вводились в систему градостроительной документации, являются результатом негомеоморфных преобразований материальных и правовых городских благ. ПЗЗ координируют процессы переключений между гомеоморфными и негомеоморфными преобразованиями, чтобы стабилизировать городской социальный порядок либо за

счёт материальных изменений, либо с помощью социальных или нематериальных изменений⁹. Это позволяет говорить, что ПЗЗ работают не только как инструмент пространственного упорядочивания городских взаимодействий, но также во временной перспективе, осуществляя переключения между двумя типами порядков. Исходя из анализа регулирования и изменений ПЗЗ можно говорить о *топологическом* характере городского права, то есть построенном на регулировании изменений, а не на следовании установленному правилу действия или правилу выполнения этого действия. Оба варианта правил — правило, нацеленное на результат, и правило, которое регулирует процесс, — для топологического права лишь частные ситуации, между которыми необходимо найти баланс или точку негеоморфных преобразований. Такой подход делает топологическое право эмпирическим, работа которого связана с постоянной проверкой соответствия ситуаций и норм.

Приложение

Таблица П.1

Перечень интервью, упомянутых в статье, и основные характеристики респондентов

Город*	Номер интервью	Профессия	Пол
Ф	1	Градостроитель	Женский
Ф	2	Девелопер	Мужской
Ф	3	Активист(ка)	Женский
Ф	4	Градостроитель	Мужской
Ф	5	Градостроитель	Мужской
Ф	6	Активист(ка)	Женский
Ф	7	Чиновник	Мужской
З	1	Муниципалитет	Мужской
З	2	Девелопер	Женский
З	3	Бывший муниципальный служащий	Мужской
З	4	Активист(ка)	Женский
З	5	Юрист	Мужской
З	6	Архитектор	Женский

* Ф — город-фронтир; З — город-завод.

Литература

- Башарин А. 2020. Вопросы осуществления квазирезервирования земельных участков на примере анализа актов Верховного Суда Российской Федерации. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 11 (230): 80–88.
- Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. 2020. Коалиции в обмен на лояльность? Отношения власти и строительного бизнеса в крупных российских городах на примерах Перми и Екатеринбурга. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 4 (99): 153–175.
- Вайтенс А. 2009. Эволюция правил землепользования и застройки в Петербурге — Ленинграде — Санкт-Петербурге (1830–2000 гг.). *Вестник гражданских инженеров*. 3 (20): 5–9.
- Вайтенс А., Косенкова Ю. 2006. *Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII — начала XXI века*. Обнинск: Институт муниципального управления.

⁹ См. про соотношение материального и нематериального в городе: [Вахштайн 2014].

- Вахштайн В. С. 2005. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*. 4 (1): 94–115.
- Вахштайн В. С. 2014. Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*. 2: 9–38.
- Виро О. Я. et al. 2010. *Элементарная топология*. М.: МЦНМО.
- Высоковский А. А. 2011. Смена вех: от градостроительства к градоустройству. *Архитектурный вестник*. 2 (119): 46–49.
- Высоковский А. А., Валетта У. (отв. ред.). 1999. *Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах*. М.: Русская панорама.
- Гельман В. Я. 2016. Политические основания «Недостойного правления» в постсоветской Евразии (переосмысливая исследовательскую повестку дня). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 3 (82): 90–115.
- Гельман В. Я. 2019. *«Недостойное правление»: политика в современной России*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Гудзь Т. В., Карасельникова И. В., Косолапов Н. А. 2020. *Правовое зонирование. Регулирование городской застройки. Опыт Перми*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Карбаинов Н. И. 2014. Как владельцы (не) становятся частными собственниками: земельные конфликты в Улан-Удэ и Сочи. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (5): 85–108.
- Киль Ю. Э., Сеницына В. А. 2021. Согласование архитектурно-градостроительного облика: спорные вопросы и перспективы совершенствования законодательного регулирования. *Вопросы российской юстиции*. 13: 37–70.
- Косарева Н. Б., Трутнев Э. К. 2003. Роль государства в развитии рынка земли и иной недвижимости. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 7 (22): 89–101.
- Ледяев В. Г. 2008. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования. *Политическая наука*. 3: 32–60.
- Лимонов Л. Э. 2004. Регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии крупных городов. В сб. Ясин Е. Г. (отв. ред.) *Конкурентоспособность и модернизация экономики*. М.: Изд. дом ВШЭ; 218–226.
- Литвак Е. Г. 2002. Административные барьеры на пути привлечения инвестиций в строительство. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 6 (11): 32–43.
- Ло Д., Вахштайн В. С. 2006. Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*. 5 (1): 30–42.
- Медведев И. Р. 2018. Общественные обсуждения градостроительных проектов в свете Закона № 455-ФЗ. *Закон*. 3: 126–137.
- Мохов С. В., Зотова В. А. 2017. Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище. *Журнал исследований социальной политики*. 15 (1): 21–36.

- Примаков Д. Я., Дмитриева А. В. 2011. Стабильность законодательства и законодательная политика в постсоветских и постсоциалистических странах. В сб. Волков В. В. (отв. ред.) *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования*. М.: Статут; 55–79.
- Российская Федерация. 2005. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 190-ФЗ (утв. от 29.12.2004, с изм. от 30.12.2020). *Собрание законодательства РФ*. 1 (1): Ст. 16.
- Российская Федерация 2014. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Федеральный закон № 136-ФЗ (утв. от 27.05.2014, ред. от 03.02.2015). *Российская газета*. 121 (6393): 17.
- Российская Федерация. 2016. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон № 373-ФЗ (утв. от 03.07.2016). *Российская газета*. 152 (7020): 14.
- Российская Федерация. 2018. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 507-ФЗ (утв. от 31.12.2017). *Российская газета*. 1 (7464): 23.
- Российская Федерация: Верховный Суд. 2017. *Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017)* (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017). URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_26/
- Российская Федерация: Высший Арбитражный Суд. 2013. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 1633/13. (утв. от 02.07.2013). URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_89457be0-ba80-4bbe-b9ee-b4f21cf2f79f
- Рыжова Н. П., Гузей Я. С., Карбаинов Н. И. 2019. Институт собственности на землю: захваты, «ресурсное изобилие» и особенности инфорсmenta на российском Дальнем Востоке. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 1 (48): 114–122.
- Рыжова Н. П., Журавская Т. Н. 2020. Идея о частной собственности и «реальные» захваты земли. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 1 (52): 31–40.
- Трутнев Э. К. 2007. О правовом градорегулировании. *Управление развитием территорий*. 1 (1): 28–32; 1 (2): 15–20; 1 (3): 16–20; 1 (4): 29–32.
- Трутнев Э. К. 2019. *Градорегулирование: Правовое обеспечение градостроительной деятельности: альтернативные модели законодательства и программа исправления его ошибок*. М.: Институт экономики города.
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. 2014. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (5): 109–121.

- Bamberg M., Georgakopoulou A. 2008. Small Stories as a New Perspective in Narrative and Identity Analysis. *Text & Talk*. 28 (3): 377–396.
- Baron B. 2013. Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law. *University of Cincinnati Law Review*. 82 (1): 57–101.
- Bloor D. 1999. Anti-Latour. *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 30 (1): 81–112.
- Di Robilant A. 2013. Property: A Bundle of Sticks or a Tree. *Vanderbilt Law Review*. 66 (3): 869–932.
- Dryzek J. S. 2002. Policy Analysis and Planning: From Science to Argument. In: Fischer F. (ed.) *Argument Turn Policy Anal Plan*. London: Routledge; 221–240.
- Fischer F., Forester J. (eds) 1993. *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*. Durham, NC: Duke University Press.
- Fischer F., Gottweis H. 2013. The Argumentative Turn in Public Policy Revisited: Twenty Years Later. *Critical Policy Studies*. 7 (4): 425–433.
- Fischer L. A., Stahl V. E., Baird-Zars B. 2018. Unequal Exceptions: Zoning Relief in New York City, 1998–2017. *Journal of Planning Education and Research*. URL: <https://landuselaw.wustl.edu/Articles/ZoningReliefArticle2018.pdf>
- Galik S., Jagger P. 2015. Bundles, Duties, and Rights: A Revised Framework for Analysis of Natural Resource Property Rights Regimes. *Land Economics*. 91 (1): 76–90.
- Kaplan T. J. 2002. Reading Policy Narratives: Beginnings, Middles, and Ends. In: Fischer F. (ed.) *Argument Turn Policy Anal Plan*. London: Routledge; 175–193.
- Laet M. de, Mol A. 2000. The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Social Studies of Science*. 30 (2): 225–263.
- Sabatier P. A. 1995. The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. Edited by Frank Fischer and John Forester. Durham: Duke University Press, 1993. 327 p. [book review]. *American Political Science Review*. 89 (1): 201–203.
- Strathern M. 1999. Puzzles of Scale. In: Strathern M. *Property, Substance, and Effect: Anthropological Essays on Persons and Things*. London; New Brunswick, NJ: Athlone Press; 204–225.
- Valverde M. 2011. Seeing Like a City: The Dialectic of Modern and Premodern Ways of Seeing in Urban Governance. *Law & Society Review*. 45 (2): 277–312.

BEYOND BORDERS

Nataliya Volkova

Land Use Regulations: Legally Fluid Technology

VOLKOVA, Nataliya A. —

PhD Student in Sociology (RANEPa); Lecturer, Moscow Architectural School (MARSH).
Address: 10 Nizhnyaya Syromyatnicheskaya str., building 2, 105120, Moscow, Russian Federation.

Email: chestrek@gmail.com

Abstract

Urban law is changeable, and its changes may be associated with those in the material environment of the city as well as those in legal instruments. Consequently, the law itself is unstable. Two types of changes are associated with two types of conflict in urban law: conflicts of norms and property rights. The coordination of the two types of conflict means that urban law is decidedly technical. Therefore, the established methods of analyzing urban law, which emphasize the distinction between formal and informal relations, do not work to explain the ways of city law. According to the hypothesis of the study, urban law does not act as a normative or political tool but as an “unstable technique” (a term used de Laet and Mol) that unites a bundle of normative styles. In exemplifying the unstable technique of law, the article considers a local document of Russian urban regulation—Rules of Land Use and Development (PZZ).

The research material was collected in the spring of 2021 in two Russian regional cities named in the text: Frontier City and Factory City. In the empirical part, two cases are analyzed. Changes in the PZZ that affect the material form of the city are described as moving objects that go through a series of negotiations and approvals. For legal changes in the context of the PZZ that affect the structure of the document and its normative styles, the study shows how such changes can be integrated into the existing structure of the PZZ. As a result, we see that the two cities work with material and legal changes in different ways, but both types of changes are irreducible to each other: the transformation of one into the other will lead to the destruction of the existing social order. This type of transformation, which Lo calls non-homeomorphic, sets the structure of the variability of PZZ and urban law and determines their topological nature, built on the ongoing switching between different normative styles.

Keywords: goods; social topology; Rules of Land Use and Development; urban law; unstable technology; normative styles.

References

- Bamberg M., Georgakopoulou A. (2008). Small Stories as a New Perspective in Narrative and Identity Analysis. *Text & Talk*, vol. 28, no 3, pp. 377–396.
- Baron B. (2013) Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law. *University of Cincinnati Law Review*, vol. 82, no 1, pp. 57-101.
- Basharin A. (2020) Voprosy osushchestvleniya kvazirezervirovaniya zemel'nyh uchastkov na primere analiza aktov Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Issues of Implementation of Quasi-Reservation of Land Plots on the Example of the Analysis of Acts of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Property Relations in the Russian Federation = Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, no 11 (230), pp. 80–88 (in Russian).
- Bederson V. D., Shevtsova I. K. (2020) Koalitsii v obmen na loyal'nost'? Otnosheniya vlasti i stroitel'nogo biznesa v krupnykh rossiyskikh gorodakh na primerakh Permi i Ekaterinburga [Coalitions in Exchange

- for Loyalty? Relations Between the Government and the Construction Business in Large Russian Cities on the Examples of Perm and Yekaterinburg]. *Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics = Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, no 4 (99), pp. 153–175 (in Russian).
- Bloor D. (1999) Anti-Latour. *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*, vol. 30, no 1, pp. 81–112.
- Di Robilant A. (2013) Property: A Bundle of Sticks or a Tree. *Vanderbilt Law Review*, vol. 66, no 3, pp. 869–932.
- Dryzek J. S. (2002) Policy Analysis and Planning: From Science to Argument. *Argument Turn Policy Anal Plan* (ed. F. Fisher), London: Routledge, pp. 221–240.
- Fischer F., Forester J. (eds) (1993). *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*, Durham, NC: Duke University Press.
- Fischer F., Gottweis H. (2013) The Argumentative Turn in Public Policy Revisited: Twenty Years Later. *Critical Policy Studies*, vol. 7, no 4, pp. 425–433.
- Fischer L. A., Stahl V. E., Baird-Zars B. (2018) Unequal Exceptions: Zoning Relief in New York City, 1998–2017. *Journal of Planning Education and Research*. Available at: <https://landuselaw.wustl.edu/Articles/ZoningReliefArticle2018.pdf> (accessed 20 November 2021).
- Galik S., Jagger P. (2015) Bundles, Duties, and Rights: A Revised Framework for Analysis of Natural Resource Property Rights Regimes. *Land Economics*, vol. 91, no 1, pp. 76–90.
- Gelman V. Ya. (2016) Politicheskiye osnovaniya “nedostoyngo pravleniya” v post-sovetskoy yevrazii (pereosmyslivaya issledovatel’skuyu povestku dnya) [Political Grounds for “Unworthy Government” in Post-Soviet Eurasia (rethinking the research agenda)]. *Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics = Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, no 3 (82), pp. 90–115 (in Russian).
- Gelman V. Ya. (2019) «Nedostojnoe pravlenie»: politika v sovremennoj Rossii [“Bad Governance”: Politics in Contemporary Russia], St. Petersburg: European University Publishing (in Russian).
- Gudz’ T. V., Karasel’nikova I. V., Kosolapov N. A. (2020) *Pravovoe zonirovaniye. Regulirovaniye gorodskoy zastroyki. Opyt Permi* [Legal Zoning. Regulation of Urban Development. The Perm Experience], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Kaplan T. J. (2002). Reading Policy Narratives: Beginnings, Middles, and Ends. *Argument Turn Policy Anal Plan* (ed. F. Fisher), London: Routledge, pp. 175–193.
- Karbainov N. I. (2014) Kak vladel’cy (ne) stanovyatsya chastnymi sobstvennikami: zemel’nye konflikty v Ulan-Udje i Sochi [How The Owners (Do Not) Become Private Proprietors: Conflicts over Land in Ulan-Ude and Sochi]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, vol. 17, no 5, pp. 85–108 (in Russian).
- Kil’ Yu. E., Sinicyna V. A. (2021) Soglasovanie arkhitekturno-gradostroitel’nogo oblika: spornye voprosy i perspektivy sovershenstvovaniya zakonodatel’nogo regulirovaniya [Coordination of Architectural and

Town-Planning Appearance: Controversial Issues and Prospects for Improving Legislative Regulation]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, no 13, pp. 37–70 (in Russian).

- Kosareva N. B., Trutnev E. K. (2003) Rol' gosudarstva v razvitii rynka zemli i inoy nedvizhimosti [The Role of the State in the Development of the Land and Other Real Estate Market]. *Property Relations in the Russian Federation = Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, vol. 7, no 22, pp. 89–101 (in Russian).
- Laet M. de, Mol A. (2000) The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Social Studies of Science*, vol. 30, no 2, pp. 225–263.
- Law J., Vakhshayn V. C. (2006) Ob'ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 5 no 1, pp. 30–42 (in Russian).
- Ledyayev V. (2008) Gorodskiye politicheskiye regimi: teoriya i opit empiricheskogo issledovaniya [Urban Political Regimes: Theory and Empirical Research Experience]. *Political Science (RU) = Politicheskaya nauka*, vol. 4, no 61, pp. 129–143 (in Russian).
- Limonov L. E. (2004) Regulirovanie territorial'nogo razvitiya i investitsionnye strategii krupnykh gorodov [Regulation of Territorial Development and Investment Strategies of Large Cities]. *Konkurentosposobnost' i modernizatsiya ekonomiki* [Competitiveness and Modernization of the Economy] (ed. E. G. Yasin), Moscow: HSE Publishing House, pp. 218–226 (in Russian).
- Litvak E. G. (2002) Administrativnye bar'ery na puti privlecheniya investitsiy v stroitel'stvo [Administrative Barriers to Attracting Investment in Construction]. *Property Relations in the Russian Federation = Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, vol. 6, no 11, pp. 32–43 (in Russian).
- Medvedev R. (2018) Obshchestvennye obsuzhdeniya gradostroitel'nykh proektov v svete Zakona № 455-FZ [Public Consultations on Town Planning Projects in Light of Law No. 455-FZ]. *Zakon*, no 3, pp. 126–137 (in Russian).
- Mokhov S. V., Zotova V. A. (2017) Delo ob ograde, stolike i skam'e: rezhimy spravedlivosti v praktikakh raspredeleniya mest na kladbishche [The Case of the Fence, Table and Bench: Justice Regimes in the Practices of the Distribution of Places in the Cemetery]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 15, no 1, pp. 21–36 (in Russian).
- Primakov D. Ja, Dmitrieva A. V. (2011) Stabil'nost' zakonodatel'stva i zakonodatel'naya politika v post-sovetskikh i postsocialisticheskikh stranakh. [Stability of Legislation and Legislative Policy in Post-Soviet and Post-Socialist Countries]. *Pravo i pravoprimenenie v Rossii: mezhdisciplinarnye issledovaniya* [Law and Law Enforcement in Russia: interdisciplinary research] (ed. V. V. Volkov), Moscow: Statut, pp. 55–79 (in Russian).
- Russian Federation. (2005) Gradostroitel'nyj kodeks Rossiyskoy Federatsii [The Town Planning Code of Russian Federation]. Federal Law, 29.12.2004. № 190-FZ (with amendments from 30.12.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, no 1 (1), art. 16 (in Russian).
- Russian Federation. (2014) O vnesenii izmeneniy v stat'yu 26.3 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'yektov Rossiyskoy Federatsii" i Federal'nyy zakon «Ob obshchih principah organizatsii mestnogo sa-

moupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon [On Amendments to Article 26.3 of the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" and the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law] No. 136-FZ (approved from 27.05.2014, with amendments. from 03.02.2015). *Rossiyskaya Gazeta*, no 121 (6393), p. 17 (in Russian).

Russian Federation. (2016) O vnesenii izmeneniy v Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii, otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya regulirovaniya podgotovki, soglasovaniya i utverzhdeniya dokumentatsii po planirovke territorii i obespecheniya kompleksnogo i ustoychivogo razvitiya territoriy i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon [On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation in terms of improving the regulation of the preparation, coordination and approval of documentation on the planning of the territory and ensuring integrated and Sustainable Development of Territories and Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law] No. 373-FZ (approved on 03.07.2016). *Rossiyskaya Gazeta*, no 152 (7020), p. 14 (in Russian).

Russian Federation. (2018) O vnesenii izmeneniy v Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon [On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law] No. 507-FZ (approved on 31.12.2017). *Rossiyskaya Gazeta*, no 1 (7464), p. 23 (in Russian).

Russian Federation: The Higher Arbitrazh Court. (2013) *Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation] No. 1633/13 (approved on 02.07.2013). Available at: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_89457be0-ba80-4bbe-b9ee-b4f21cf2f79f (accessed 1 November 2021) (in Russian).

Russian Federation: Supreme Court. (2017) *Obzor sudebnoy praktiki Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation] No. 4 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2017). Available at: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_26/ (accessed 1 November 2021) (in Russian).

Ryzhova N. P., Guzej Ya. S., Karbainov N. I. (2019) Institut sobstvennosti na zemlyu: zakhvaty, "resursnoe izobilie" i osobennosti inphorsmenta na rossiyskom Dal'nem Vostoke [The Institution of Land Ownership: Seizures, "Resource Abundance" and Features of Information in the Russian Far East]. *Ojkumena. Regional Researches = Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no 1 (48), pp. 114–122 (in Russian).

Ryzhova N. P., Zhuravskaya T. N. (2020) Ideya o chastnoy sobstvennosti i "real'nye" zakhvaty zemli [The Idea of Private Property and "Real" Land Grabs]. *Ojkumena. Regional Researches = Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no 1 (52), pp. 31–40 (in Russian).

Sabatier P. A. (1995) The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. Edited by Frank Fischer and John Forester. Durham: Duke University Press, 1993. 327 p. [book review]. *American Political Science Review*, vol. 89, no 1, pp. 201–203.

Strathern M. (1999) *Puzzles of Scale. Property, Substance, and Effect: Anthropological Essays on Persons and Things*, London; New Brunswick, NJ: Athlone Press, pp. 204–225.

- Trutnev E. K. (2007) O pravovom gradoregulirovanii. Upravlenie razvitiem territoriy [About Legal City Regulation]. *Territorial Development Management = Upravlenie razvitiem territorij*, vol. 1, no 1, pp. 28–32; vol. 1, no 2, pp. 15–20; vol 1, no 3, pp. 16–20; vol 1, no 4, pp. 29–32 (in Russian).
- Trutnev E. K. (2019) *Gradoregulirovanie: Pravovoe obespechenie gradostroitel'noy deyatelnosti: al'ternativnye modeli zakonodatel'stva i programma ispravleniya ego oshibok* [Urban Regulation: Legal Support of Urban Planning Activities: Alternative Models of Legislation and a Program for Correcting Its Mistakes], Moscow: Institute of Urban Economy (in Russian).
- Tykanova E. V., Hohlova A. M. (2014) Konflikt prav sobstvennosti v postsovet'skom gorode , no.na primere sluchaev snosa garazhey v Sankt-Peterburge) [The Conflict of Property Rights in a Post-Soviet City, no. on the Example of Cases of Demolition of Garages in St. Petersburg]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, vol. 17, no 5, pp. 109–121 (in Russian).
- Vakhshayn V. S. (2005) Vozvrashchenie materialnogo. “Prostranstva”, “seti”, “potoki” v aktorno-setevoy teorii [Return of the Material. “Spaces”, “Networks” and “Flows” in Actor-Network Theory]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 4, no 1, pp. 94–115 (in Russian).
- Vahshayn V. S. (2014) Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom [Reassembly of the City: Between Language and Space]. *Sociology of Power = Sociologiya vlasti*, no 2, pp. 9–38 (in Russian).
- Vajtens A. (2009) Evolyutsiya pravil zemlepol'zovaniya i zastroyki v Peterburge—Leningrade—Sankt-Peterburge (1830-2000 gg.) [Evolution of land use and development rules in St. Petersburg-Leningrad-St. Petersburg (1830-2000)]. *Bulletin of Civil Engineers = Vestnik Grazhdanskikh Inzhenerov*, no 3 (20), pp. 5–9 (in Russian).
- Vajtens A., Kosenkova Yu. (2006) *Razvitie pravovykh osnov gradostroitel'stva v Rossii XVIII — nachala XXI vekov* [Development of the Legal Foundations of Urban Planning in Russia of the XVIII — early XXI centuries], Obninsk: Institut of Municipal Governance (in Russian).
- Valverde M. (2011) Seeing Like a City: The Dialectic of Modern and Premodern Ways of Seeing in Urban Governance. *Law & Society Review*, vol. 45, no 2, pp. 277–312.
- Viro O. Ya., Ivanov O. A., Necvetaev N. Yu., Harlamov V. M. (2010) *Elementarnaya topologiya* [Elementary Topology], Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education (in Russian).
- Vysokovsky A. A. (2011). Smena vekh: ot gradostroitel'stva k gradoustrojstvu [Changing Milestones: From Urban Planning to Urban Planning]. *Architectural Bulletin = Arhitekturnyj vestnik*, no 2 (119), pp. 46–49 (in Russian).
- Vysokovsky A. A., Valetta U. (eds) (1999) *Pravovoe zonirovaniye: opyt razrabotki pravil zemlepol'zovaniya i zastroyki v gorodakh* [Legal Zoning: Experience in Developing Land Use and Development Rules in Cities], Moscow: Russian Panorama (in Russian).

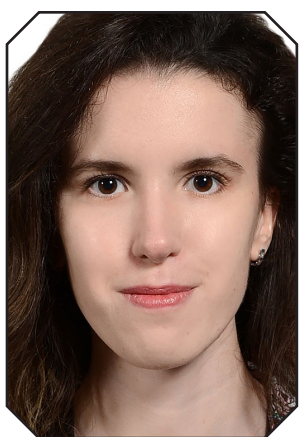
Received: May 31, 2021

Citation: Volkova N. (2021) Pravila gorod'skogo zonirovaniya: pravovaya izmenchivaya tekhnika [Land Use Regulations: Legally Fluid Technology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 55–83. doi: 10.17323/1726-3247-2021-5-55-83 (in Russian).

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

А. В. Гришанина, А. И. Нарская, П. С. Смирнова

Качественный донор: критерии отбора доноров гамет в российском поле вспомогательных репродуктивных технологий



ГРИШАНИНА

Анастасия

Валерьевна — бренд-

стратег, агентство

Getbrand. Адрес:

105064, Россия,

г. Москва, Нижний

Сусальный переулок,

д. 5, стр. 19.

Email: gr.anastasiya@yandex.ru

Возникновение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) позволило решать проблему бесплодия, однако вторгаясь при этом в естественный процесс рождения ребёнка. В данном исследовании мы отвечаем на вопрос: можно ли говорить о попытке родителей повлиять на «качество» ребёнка в поле ВРТ через механизм выбора донора гамет?

В рамках теоретического анализа были рассмотрены концепт «качества» биоматериала в контексте коммодификации жизненно важных благ, а также проблема родства, связанная с трансформацией семейных отношений в результате обращения к ВРТ. В зарубежных исследованиях нашлись подтверждения попытки повлиять на «качество» ребёнка через выбор донора с определёнными характеристиками. Однако в российских реалиях, согласно исследованиям, вмешательство в генетику ребёнка считается недопустимым из-за консерватизма общества.

Цель работы — выяснить, как распределяются возможности контроля «качества» ребёнка между медиками и бесплодными парами, а также понять, какие социальные основания скрываются за используемыми критериями выбора донора гамет. Эмпирическим объектом выступают представители репродуктивных центров и банки репродуктивных тканей Москвы. Стратегиями отбора респондентов стали целенаправленный отбор и метод «снежного кома»; в итоге базу данных составили 15 полуформализованных интервью.

В результате анализа собранных данных был сделан вывод о том, что потенциальные родители включены в поле ВРТ как акторы, подчинённые в своих действиях медицинским центрам. Образ «качественного» донора формируется через призму определённых требований, выдвигаемых донорам генетического материала со стороны центров ВРТ, затем транслируется родителям. Кроме того, была обнаружена тенденция в стремлении потенциальных родителей повлиять на «качество» ребёнка не в абсолютном, а в относительном понимании — ребёнок желателен такого же «качества», что и сами родители.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии; коммодификация биоматериалов; маркетизация благ; донорство гамет, качественный донор; качество биоматериала; качество ребёнка; генетическое родство.



НАРСКАЯ Александра Игоревна — рекрутер, корпорация «Яндекс». Адрес: 119034, Россия, г. Москва, ул. Льва Толстого, д. 16.

Email: alexandranar25@gmail.com



СМИРНОВА Полина Сергеевна — менеджер проектов, корпорация «Яндекс». Адрес: 119034, Россия, г. Москва, ул. Льва Толстого, д. 16.

Email: p_smi@icloud.com

Введение

Пронаталистская политика со стороны государства, направленная на повышение рождаемости, культивирует в обществе представление о благополучной молодой семье как о паре, которая имеет хотя бы одного ребёнка [Гокова 2017: 141]. А развитие медицины и рыночной экономики привело к формированию отрасли вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), обеспечивающей возможность родить ребёнка в парах, где физиологически это затруднено. Таким образом, потребность в ВРТ является естественным выражением социальной потребности соответствовать социальной практике воспроизводства [Salter 2021: 5]. При этом в обществах, где воспроизводство ценится в наибольшей степени, социальная стигма только усиливает спрос на ВРТ.

Однако, согласно имеющимся эмпирическим исследованиям, ВРТ ставит под сомнение сложившийся общественный порядок, вмешиваясь в исторически священный процесс рождения ребёнка [Ткач 2013; Popova, Savvina 2018]. Подобные технологии вклиниваются в частное пространство семьи и переносят его в публичную сферу рыночных отношений. При этом развитие медицины открывает новые возможности для управления вопросами репродукции за денежную плату. В частности, исследователи подчёркивают, что на репродуктивных рынках появляется возможность определять некоторые (не только физиологические) характеристики будущего ребёнка и тем самым контролировать его «качество» [Inhorn, Vigenbaum-Carmeli 2008; Popova, Savvina 2018].

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть механизм выбора донора гамет как один из возможных элементов контроля «качества» будущего ребёнка со стороны потенциальных родителей. Стоит заметить, что мы употребляем здесь и в дальнейшем именно словосочетание «качество ребёнка», а не плода, так как в первую очередь собираемся говорить о характеристиках, которые будет иметь ребёнок уже после рождения (например, определённые интеллектуальные способности), и о тех, на которые можно (или нельзя) повлиять. Кроме того, работа вписывается в научную дискуссию о становлении самоменеджмента, то есть попытки управлять самим собой. И здесь мы отсылаем к «технологиям» себя, описываемым Мишелем Фуко и означающим применение различных практик, в том числе медицинских и направленных на своё тело, для самосовершенствования и формирования «предпринимательского Я» [Foucault et al. 1988]. Подобные практики также направлены на изменение качества человека, которое обсуждается, к примеру, в рамках изменений биополитики в Китае, где в XX веке заговорили о качестве населения, что отразилось на активной трансформации воспитания и повлекло отношение к детям как к своего рода проекту [Anagnost 2004].

Основная цель работы — на основе эмпирических данных показать, как возможности контроля «качества» ребёнка распределяются между медиками и бесплодными парами. Также в нашу задачу входит прояснить социальные основания, скрытые за используемыми критериями выбора донора гамет.

Прежде всего, мы определим теоретические рамки исследования и выясним, какие существуют дилеммы касательно маркетизации репродуктивной сферы, как проблематизируется родство в рамках обращения к донорству гамет, а также поймём, какие этические вопросы при этом возникают. Далее обозначим дизайн нашего исследования и наконец расскажем об эмпирических результатах нашей работы. В заключительном разделе проанализируем требования к донорам со стороны медицинских центров и пожелания к ним со стороны потенциальных родителей в российском поле ВРТ, а также выясним, кого можно считать «качественным» донором, и рассмотрим последствия обращения семей к родственнику с просьбой стать для них донором гамет.

Теоретическая рамка исследования: дилеммы маркетизации репродуктивной сферы

В контексте социальных наук изучение рынка ВРТ привело к пересмотру идей классиков социологической мысли, а также к появлению множества теоретических и эмпирических работ. В первую очередь остановимся на феномене коммодификации, связанном с проблематикой донорства биологических материалов.

Основные работы, так или иначе затрагивающие проблему коммодификации, в целом можно объединить по наличию критического рассмотрения капитализма и предостережений о последствиях в виде дегуманизации общества. К. Маркс предрекал будущее расширение капиталистических рынков, приводящее к таким последствиям, как «отчуждение труда» (см. подробнее: [Бердышева 2012: 68]); К. Поланьи упоминал тенденцию товаризации благ как угрозу социальным институтам [Поланьи 2014]. Денежная оценка жизненно важных благ не просто приводит к нарушению социальных устоев, которые неизбежно деформируются в капиталистическом обществе, но и разрушает границы между духовным и физическим. Согласно Георгу Зиммелю, эти последствия возникают из-за феномена денег, которые выполняют одновременно множество функций, предоставляют человеку свободу: благодаря существованию подобного средства обмена все процессы купли-продажи упрощаются и делают индивида более независимым, чем когда-либо [Зиммель 1999: 310]. В то же время материальная форма отношений не соответствует принципам, обуславливающим оценку сакральных вещей, составляющих часть социальной жизни, ведь деньги обезличивают то, что принадлежит к «духовному» согласно социокультурным нормам.

Так как проявления коммодификации воспринимаются человеком с особо негативной оценкой, когда дело касается именно священного в сознании людей, важно отметить, что одна из предпосылок распространения коммодификации частей человеческого тела и биоматериалов базируется на развитии медиализации в обществе: без возникновения современных методов изучения человеческого тела, болезней и проблем, связанных со здоровьем, а также без появления возможностей разрешения подобных затруднений, невозможно превращение некоторых благ в товары [Conrad 1992: 214; Бердышева 2012: 72].

Исследование о донорстве различных биоматериалов также ранее приводили к критике коммодификации. К примеру, обратимся к труду Ричарда Титмусса о донорстве крови и ее маркетизации на рынке [Titmuss 1970]. Исследования Р. Титмусса показали, что деньги приводят к снижению качества крови на рынке, так как мотивация в виде денежной компенсации вызывает распространение практик донорства среди тех слоёв населения, для которых деньги, полученные от предоставления своих биоматериалов, становятся заработком. Помимо критики функционирования денег в данной сфере, стоит остановиться на другом концепте, возникающем в работе Р. Титмусса, а именно на понятии «качество блага», его определении и измерении. В случае с кровью качество основано в первую очередь на биологических характеристиках, но мы предлагаем рассмотреть, как качество биоматериала определяется именно в контексте донорства гамет.

Постепенно фокус изучения коммодификации отходит от критики маркетизации; исследователи стали замечать необходимость в формировании денежной формы отношений на некоторых рынках. Вновь обращаясь к рынку донорства крови, а также органов, философ Л. Д. Кастро замечает, что материальная мотивация обеспечивает функционирование рынка данных биологических материалов, так как позволяет насыщать предложение, однако в данном вопросе также отмечается необходимость формального регулирования во избежание последствий, связанных, к примеру, с существованием «чёрных» рынков [Castro 2003: 142]. Формальное регулирование возможно лишь при существовании организаций, координирующих и контролирующих обмен. Таким образом, участие организации играет одну из важнейших ролей во всем процессе донорства органов [Штайнер 2014: 13].

Если же обратиться к языку здравого смысла, то обнаружится, что само понятие «донорство» связано с людьми, готовыми предоставить свой биологический материал в рамках благотворительной помощи, то есть безвозмездно [Курленкова 2016: 108]. Сегодня, однако, репродуктивная медицина позиционирует донорство ооцитов как процедуру, которая требует от донора определённых усилий и времени [Курленкова 2016: 111], за что как раз и должна выплачиваться компенсация, то есть обходится проблема коммодификации биологического материала, поскольку донор получает деньги не за свои клетки, а за старания и время [Курленкова 2016: 118]. Стоит отметить, что подобной позиции придерживаются не все государства. Так, например, в Великобритании разрешено только альтруистическое суррогатное материнство [Schurr 2018: 6].

Таким образом, попытки ограничить процесс маркетизации благ связаны и с мыслями о нарушении «социального порядка», и со страхом потери или просто уменьшения социальной ценности блага, а также общественных институтов, стоящих за этими благами, и, кроме того, с проникновением некоторых элементов частной жизни в публичную сферу. При рассмотрении применения вспомогательных репродуктивных технологий для воспроизводства человеческой жизни остро встаёт вопрос об изменении ценности института родительства и брака, о нарушении бинарной оппозиции «частное — публичное» [Ткач 2013]. Данный вопрос неслучаен, поскольку в культурном отношении рынок вспомогательных репродуктивных технологий предлагает различные методы и продукты, которые активируют важнейшие ценности, связанные не только с определёнными физическими, материальными компонентами человеческого тела, участвующими в воспроизводстве (гаметы, эмбрион, матка), но и с социальными структурами, также задействованными в воспроизводстве и включающими институт семьи, материнства, отцовства, наследования [Salter 2021: 3]. При этом, однако, семьи, прибегающие к использованию донорских гамет, чаще всего находятся в одном социальном пространстве с другими семьями, придерживающимися иных концепций деторождения и подвергающимися стигматизации со стороны общества. К ним относятся, например, добровольно бездетные пары или гомосексуальные пары с детьми. Происходит так из-за консерватизма как культурного, подразумевающего генетический взгляд на родство, так и институционального, политического и правового [Ткач 2013: 65]. Если привычный взгляд на родство связан с естественным и понятным процессом, то родство через ВРТ рушит привычные представления и выстраивает новые множественные концепции родительства, включая в него новых участников — доноров, суррогатных матерей и других [Ткач 2013: 54].

Кроме того, развитие рынка ВРТ предоставило возможность влиять на здоровье и внешность будущего поколения через отбор доноров с определёнными характеристиками [Porova, Savvina 2018: 311]. Это заставляет задуматься о том, что использование ВРТ улучшает качественные показатели рождаемости, так как на свет появляются только спланированные дети. В целом обращение к услугам ВРТ можно считать частью так называемого ответственного материнства и стратегического отношения к беременности и родам, которые являются характерными для женщин постсоветского (нас интересуют ВРТ на постсоветском пространстве; мы не принимаем во внимание опыт других стран) общества, для которых, в свою очередь, важны осознанные планирование и выбор в личной жизни [Temkina,

Zdravomyslova 2018: 161]. Таким образом, ВРТ действительно являются необходимой частью демографической политики как с пронатальной, так и с антинатальной направленностью [Русанова 2013: 85].

Появление ВРТ и, в частности — донорства гамет провоцирует некоторые моральные дилеммы. Во-первых, возникает больше потенциальных рисков для здоровья будущих детей. Это связано с тем, что донор-мужчина одновременно может быть отцом нескольких десятков детей, и в случае, если он имеет какое-то генетическое заболевание, он передаёт его и своим потомкам. Во-вторых, непонятно, как поступить, если донор проявляет желание общаться со своим генетическим ребёнком после его рождения [Popova, Savvina 2018: 312]. В-третьих, нельзя исключить случаи инцестов, когда дети одного и того же донора из-за незнания своих генетических родителей заводят собственную семью [Popova, Savvina 2018: 313]. Ещё одна проблема — риск для здоровья самого донора яйцеклетки (бесплодие и др.) [Popova, Savvina 2018: 314].

Вероятны и этические проблемы, связанные с религией и культурой в определённых обществах. Так, в Иране и Ливане ведутся дискуссии о том, нужно ли мужу бесплодной женщины заключать временный брак с донором ооцитов, а затем расторгать этот брак после переноса эмбриона, поскольку нет чёткого понимания того, является ли донорство гамет без физического контакта супружеской изменой [Salter 2021: 10].

Кроме того, у будущего ребёнка, рождённого с помощью ВРТ, может возникнуть кризис идентичности личности. Такой ребёнок имеет сразу несколько родителей — социальных, биологических и генетических. Часто нарушается и система родственных связей в семье, так как пациентки стараются найти донора среди своих родственниц (или знакомых) [Ткач 2013: 58]. В данном случае значимость придаётся именно процессу вынашивания ребёнка и родам, а не гаметам, то есть биологической, а не генетической связи [Ткач 2013: 59]. Стоит отметить, что процесс вынашивания ребёнка (беременность) является для традиционно ориентированных женщин, готовых отказаться от генетической связи в пользу донорства, важной частью идентичности, в то время как более модернизированные девушки предпочитают сохранить генетическую связь со своим будущим ребёнком, если есть возможность отказаться от его вынашивания, то есть обратиться к суррогатному материнству [Isupova 2020: 43]. Трудности с идентичностью могут возникать в результате нарушений гендерной идентификации ребёнка в гомосексуальных семьях, а также социально-ролевой идентификации в семьях с одним родителем, решившим завести детей с помощью ВРТ [Высочина 2014: 15].

Помимо вышеупомянутых проблем, возникают этические вопросы, касающиеся выбора качеств ребёнка, а также готовности общества определять характеристики и способности ребёнка на генетическом уровне. По результатам опроса, проведённого Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ в рамках мониторинга инновационного поведения населения России в 2015 г., было выяснено, что люди с настороженностью относятся к вмешательству в человеческую природу и к генетической модификации детей. Таким образом, исследователями выдвигается предположение о том, что при возможности запрограммировать ребёнка с определёнными способностями немногие россияне готовы к её использованию [Войнилов, Полякова 2016: 203].

Тем не менее некоторые эмпирические работы говорят о том, что в процессе отбора доноров происходят попытки повлиять на «качество» будущего ребёнка через генетическое родство. Уже в 1980-е гг. многие банки спермы в США искали студентов медицинских университетов в качестве доноров. Такой выбор был связан с пятью характеристиками, которыми они обладали: молодость, здоровье, белая кожа, хорошее образование и интеллект. Также Repository for Germinal Choice — банк спермы в штате Калифорния — хранил донорскую сперму нобелевских лауреатов, представителей профессуры и особо успешных бизнесменов [Hirschman 1991: 370].

Одним из основных каналов маркетингового продвижения услуг на рынке репродуктивных технологий является анкета донора, на которую ориентируются клиенты при его выборе. Анкета должна содержать информацию о биологических характеристиках донора, истории здоровья его семьи, уровне образования. К данному списку сотрудники центров ВРТ добавляют открытые вопросы о хобби донора, его симпатиях и антипатиях, а также о мотивации пожертвования гамет. Каждый из этих вопросов содержит так называемое основание для конкурентного преимущества (*selling point*) [Almeling 2007], которое обеспечивает лучшую продажу биоматериала конкретного донора.

Как правило, будущие родители обращают внимание не только на схожий со своим фенотип донора, но и на общее впечатление, которое производит донор. Кроме того, потенциальный донор должен подходить под традиционное в данной стране понимание женственности или мужественности [Almeling 2007: 327].

Примечательно, что положение мужчин и женщин в рамках донорства генетического материала неодинаково. Яйцеклетки ценятся на рынке ВРТ выше, чем сперматозоиды. Донорство яйцеклеток воспринимается как некий дар, в отличие от донорства сперматозоидов, для характеристики которого часто используют термин «работа» [Almeling 2011: 15]. На данную оценку могут влиять такие характеристики, как физиологические особенности самого процесса донорства, восприятие генетической связи между донором и ребёнком, особенности культуры. В частности, в американской культуре восприятие донорства сперматозоидов и яйцеклеток и таких укоренённых в культуре особенностей мышления, как традиционные оценки женственности и мужественности, материнства и отцовства, взаимосвязано [Almeling 2011]. Продолжая тему неравенства, стоит отметить, что молодые белые западные женщины с высшим образованием получают за донорство своих ооцитов вознаграждение в 100 раз больше, чем доноры ооцитов, например, из Индии или Мексики [Schurr 2018: 2].

Таким образом, вспомогательные репродуктивные технологии провоцируют трансформацию и появление новых социальных отношений и практик, новых идентичностей и социальных ролей, а также принимают участие в смещении границ социальных норм [Новицкая 2015: 23]. Кроме того, обращение к донорству гамет ставит вопрос о том, где проводится граница в определении «качества» детей, появляющихся на свет благодаря ВРТ.

Методология исследования

Выбор исследовательского объекта

Для того чтобы выяснить, с помощью каких смысловых категорий в рамках российского рынка ВРТ формируется представление о «качественном» доноре как о владельце качественного генетического материала, мы решили изучить деятельность самих центров ВРТ. В ходе теоретического анализа мы определили, что в контексте рынка ВРТ медицинские организации выступают в роли посредников между донорами гамет и бесплодными парами и устанавливают определённые правила игры [Курленкова 2016: 129]. Рассмотрение деятельности медицинских организаций даст нам понимание закономерностей функционирования всего поля вспомогательных репродуктивных технологий, поскольку такие учреждения взаимодействуют с различными акторами и могут сопоставить то, с какими запросами к ним обращаются семьи, и то, какие из этих запросов клиники ВРТ в состоянии удовлетворить.

Эмпирическим объектом нашего исследования выступили представители репродуктивных центров, а также банков репродуктивных тканей, расположенных на территории Москвы. Выбор города обусловлен большим разнообразием центров ВРТ, что позволило нам пообщаться со специалистами разных направлений. Стоит отметить, что на территории Москвы находятся 35 клиник, осуществляющих про-

граммы по лечению бесплодия при помощи донорских гамет, а также Репробанк, специализирующийся на хранении и предоставлении биоматериала.

Предметом исследования стали социальные основания спроса на рынке ВРТ, изучаемые через призму возможностей выбора донора гамет, предоставляемых стороной предложения.

Эмпирическая база исследования

Данная работа была написана в рамках качественной методологии. Это позволило нам приблизиться к пониманию скрытых смыслов и созданию теоретического обоснования функционирования рынка ВРТ, а также выявить некоторые абстрактные понятия и категории в российском поле [Семёнова 1998]. Основной стратегией сбора данных стало полуструктурированное интервью, гибкость которого позволила изучить поле, характеризующееся сложным доступом и специфичным языком, а также сензитивностью, для преодоления которой было необходимо вжиться в контекст акторов и начать говорить на их языке [Романов, Ярская-Смирнова 1998; Полухина 2013]. Такой подход стал наиболее эффективным в связи с малой изученностью рынка ВРТ в России. В качестве метода сбора данных было выбрано проведение полужформализованных интервью с представителями клиник репродуктивных технологий.

В рамках исследования необходимо было изучить конкретную область вспомогательных репродуктивных технологий и проинтервьюировать респондентов, принадлежащих к определённой категории — экспертов в сфере ВРТ в лице сотрудников медицинских учреждений [Чуриков 2007: 102]. Для успешного сбора данных решено использовать неслучайную целевую выборку.

Мы ориентировались на целенаправленный отбор представителей интересующей нас группы людей и применяли такую стратегию целевого отбора, как «снежный ком» с несколькими входными точками в поле. В начале сбора данных мы нашли несколько информантов самостоятельно, ориентируясь на следующие критерии отбора: (1) работа в клиниках ВРТ или Репробанке города Москвы; (2) взаимодействие в процессе работы с пациентами и донорами, поскольку нам важно было отследить несоответствия, проявляющиеся в запросах пациентов и в той информации, которую доноры предоставляют о себе. После мы обратились к методу «снежного кома», используя социальные связи уже найденных нами информантов. В результате нашу базу данных составили 13 полужформализованных интервью.

Полученная в ходе интервью информация была рассмотрена с помощью тематического анализа и открытого кодирования, основанного на наиболее общем списке тем, позволяющем в максимальной степени отразить всю широту собранной информации [Семёнова 1998].

Эмпирические результаты исследования

Согласно последним данным российской статистики относительно обращений к вспомогательным репродуктивным технологиям, на 2018 г. насчитывалось 145 904 начатых цикла с собственными ооцитами, а 12 911 — с донорскими ооцитами [Регистр ВРТ 2018]. При этом и в первом, и во втором случае менее половины циклов оканчиваются родами, в программах же с участием доноров это количество составляет лишь 3042. Можно отметить, что ставки благополучного исхода достаточно высоки, и ответственность всех сторон, участвующих в операциях ВРТ, также велика. Рассмотрим, как формируется ответственность донора в таких условиях.

Запрашиваемая информация о доноре и её проверка

Для начала определим, насколько обширной и содержательной может быть информация о донорах, собираемая клиниками и затем предоставляемая пациентам. Важно проследить, какие требования выстраиваются по отношению к донорам благодаря полученной информации. На данном этапе мы интересовались тем, что включается в анкету донора помимо результатов медицинских обследований. Так, врачи-репродуктологи отмечают предоставление информации о возрасте донора, его росте, весе, цвете волос и глаз, а также об образовании, роде деятельности, привычках и хобби. Информация, не касающаяся внешности донора, помогает пациентам в их выборе, так как для некоторых реципиентов она играет важную роль, в том числе психологическую.

Существует также ряд дополнительных характеристик, расширяющих анкету, наличие которых варьируется от клиники к клинике:

Мы пытаемся расширить базу, вплоть до того, чтобы почерк был, голос, детские фотографии, какие-то другие нюансы (Б. З., врач)¹.

Важность дополнительных характеристик врачи объясняют с психологической точки зрения: «такие мелочи» помогают семье «принять как свой» (Г. А., врач) донорский биоматериал.

Таким образом, клиники ВРТ стремятся собрать как можно больше информации о доноре для того, чтобы показать пациентам, что представляет собой этот человек. Определённые нюансы, как уже говорилось ранее, имеют большое значение для пациентов, предоставляя возможность узнать донора лучше. Также следует отметить склонность врачей к доверию донорам, так как они не требуют подтверждения их социального статуса. Респонденты подчёркивают, что не видят в этом необходимости, так как для них важнее, как донор общается и выстраивает свою речь, нежели то, какой у него уровень образования. Кроме того, врачи утверждают, что донорам нет смысла врать относительно данных критериев. Можно предположить, что тенденция несокрытия донорами информации связана и с осознанием ими того, что основными критериями отбора являются здоровье (физическое и психологическое) и общее положительное впечатление, которое они произведут на врачей. Далее более подробно рассмотрим начальные требования, которые клиники ВРТ выдвигают к донорам, а также возможные причины отказа для участия в донорской программе.

Требования к донорам со стороны клиники.

Возможные причины отказа

Изучив собранные данные, мы пришли к выводу, что требования, предъявляемые клиниками ВРТ к донорам, могут быть сгруппированы в четыре блока:

- медицинские;
- фенотипические;
- социальные;
- психологические.

Главным и чётко выраженным требованием, о котором говорил каждый респондент в первую очередь, является соответствие донора всем стандартам, прописанным в приказе Министерства здравоохранения № 107н [О порядке использования... 2012].

¹ См. более подробные сведения о респондентах в приложении.

Согласно данному приказу, донорами яйцеклеток могут быть лица в возрасте 18–35 лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование. Врачи отмечают важность именно медицинского аспекта:

То, что не фиксировано генетикой, для нас не столь будет иметь значение (М. Т., врач).

Следующим критерием является так называемый *правильный фенотип*. Под ним понимается не отклоняющийся от неких стандартов, среднестатистический внешний вид донора с «*синхронно, пропорционально посаженными глазами*», без «*доминантно какого-то торчащего носа, ушей*» (Н. И., директор по работе с клиентами). Помимо среднестатистических черт лица, важно, чтобы донор не имел «*избыточную массу тела*» (Д. Т., врач) и обладал нормальным «*индексом массы тела — соотношением роста и веса*» (Н. И., директор по работе с клиентами).

Что касается социальных требований, здесь не было замечено никаких явно выраженных критериев относительно образования или же профессии. Важно отметить, что врачи обращают внимание на внешнюю опрятность и поведение донора.

Асоциальных особ я брать, конечно, не могу (Н. И., директор по работе с клиентами).

В данном случае под асоциальным понимается явно отклоняющееся от норм общества поведение. Для врачей важно, чтобы донор не был, допустим, «*бомжикой*» (Н. И., директор по работе с клиентами) или «*психопаткой*» (Г. А., врач).

Значимость поведения донора непосредственно связана с психологическим критерием, который играет важную роль для клиник ВРТ. Было замечено, что основная тенденция в ответах респондентов — «*обязательность, пунктуальность*» (М. К., врач) и «*послушность*» донора, означающие следование предписаниям врача. Обязательным является предъявление донорами справки из «*психоневрологического диспансера о том, что они не наблюдаются у психиатра, у нарколога*» (Ч. А., врач).

Психологические консультации и тестирования, проводимые непосредственно в центрах ВРТ, различаются в зависимости от клиник. В некоторых медицинских учреждениях не предусмотрено наличие штатного психолога, проводящего подобные тесты. Это может объясняться отсутствием таких психических заболеваний, которые доказанно передавались бы через гены, а также тем, что проводимые генетические тестирования тоже позволяют обнаружить какие-либо явные отклонения.

Нам достаточно генетических тестов для того, чтобы определить, что вероятность рождения ребёнка от этого донора какого-то нездорового, да, в любом смысле, будет среднепопуляционная. То есть такая же вероятность, как если пациентка использовала свои родные клетки (Г. А., врач).

Однако существуют клиники, где проведение психологического тестирования является обязательным. Консультация с психологом предусмотрена для того, чтобы определить тип личности донора, а также мотивацию к донорству, как отмечал один из респондентов — Ч. А., врач. Подобное различие относительно наличия или отсутствия психологических тестирований может быть связано с ресурсами медицинского учреждения. Так, консультации предусматриваются, скорее, в «*более крупных банках биологического материала*», где «*идёт массовый отбор доноров*» (Г. А., врач).

Существует ряд причин для отказа донору в участии в программе, основанных на вышеперечисленных критериях и интуиции самих врачей. Разберём наиболее часто встречающиеся в наших интервью примеры.

Самая главная причина отказа связана с медицинскими показателями. Респонденты отмечают, что, если у донора есть какие-либо нарушения здоровья, он не сможет принимать участие в донорской программе. Ещё одна потенциальная причина отказа — возраст донора. Так, несмотря на указанный в приказе максимальный возраст донора 35 лет, информанты утверждают, что они самостоятельно занижают этот порог до 30–32 лет, объясняя это тем, что к 35 годам «качество» гамет значительно снижается.

В 35 лет там есть свои особенности. Это уже считается возрастная девушка, и качество её биоматериала, оно, конечно, намного проигрывает по сравнению с 25-летней девицей (Г. А., врач).

В одной из клиник повышается верхний порог с 18 до 21–22 лет с тем условием, что девушка должна к этому времени уже обязательно родить своих здоровых детей:

Не рожавших мы не берём (Н. И., директор по работе с клиентами).

Таким образом, прослеживается дополнительная обеспокоенность врачей в отношении здоровья доноров и качества биоматериала, выражающаяся в сокращении возрастного диапазона для допуска к программе.

Донору могут отказать в участии в донорской программе из-за наличия вредных привычек. Важное требование — справка о том, что человек не состоит на учёте у психиатра или нарколога. Однако в связи с этим возникают разные вопросы. Например, одна из респонденток задаётся вопросом:

А кто вам скажет, курит она или нет? Пьёт она или нет? (И. Л., врач).

Стоит отметить, что часть респондентов допускают, что доноры могут иногда курить и выпивать по праздникам, однако врачи точно отказывают донорам, курящим «как паровоз», или алкоголикам, которых «сразу видно, по габитусу, сразу видно» (И. Л., врач). Иначе говоря, прослеживается тенденция отказов тем, чьё поведение явно отклоняется от нормы и влияет на здоровье доноров.

Ещё одна причина отказа непосредственно связана с вышеупомянутым в требованиях фенотипом. На основе полученных данных можем сделать вывод о том, что в качестве доноров не берут людей, находящихся на двух противоположных полюсах, но с выраженными доминантными признаками.

(1) Даже если у неё огромные раскосые красивые глаза, её тоже не возьмут, потому что это как доминантный признак может являться очень выделяющимся (Б. З., врач);

(2) Мы её не берём, потому что она фенотипически страшная, то есть у неё кривые ноги, у неё горбатый нос или какие-то... ну... явные некрасивые черты лица (И. Л., врач).

Словом, не красота является главенствующим критерием для отбора, а наличие среднестатистического фенотипа. В качестве причин для отказа упоминаются также явные дефекты внешности: патологии скелета (например, короткопалость) или кожные пигментации (И. Л., врач).

Что касается социальных критериев, то респонденты не выделяли каких-либо явных требований относительно профессии или образования. Одна из информанток отмечает, что существуют профессии, наносящие определённый вред здоровью, в связи с чем люди, занимающиеся данной деятельностью, не могут стать донорами. Так, к подобным профессиям можно отнести работу, предполагающую взаимодействие с различными вредоносными веществами и материалами.

У нас автомехаников нет — это точно, потому что у них вредность, да. Они дышат вот этими маслами всякими там (Г. А., врач).

Среди причин, на основании которых донор может столкнуться с отказом, ярко выделяется нездоровый с психологической точки зрения мотив к донорству, целью которого не является обычная помощь бездетным семьям или же получение вознаграждения. Как отмечает один из информантов, подобные мотивы могут быть выявлены благодаря психологическому тестированию, которое проводится с донорами.

Мы не берём в программы доноров, у которых основной мотив донорства — это оставить после себя как можно больше потомков (Ч. А., врач).

Такая причина отказа связана с тем, что такой донор потенциально опасен «с точки зрения популяционных вещей» (Ч. А., врач), так как от него может быть рождено слишком много детей.

Рассмотрев требования к донорам со стороны клиники, можно заключить, что «качественный» донор сочетает такие черты, как прекрасное здоровье, «качественный овариальный резерв» (Д. Т., врач-репродуктолог), приятный внешний вид, лёгкий характер, правильный подход к процессу и послушность. Признаки, соотносимые с внешностью и личностными характеристиками, формируют вопрос о наличии эстетических предупреждений, а также формы неравенства, появляющейся в отношении доноров.

«Она должна быть кандидатом наук»: требования со стороны пациентов

Перейдём к анализу пожеланий, которые потенциальные родители предъявляют к донорам. Важно отметить, что рассматриваемые ожидания реципиентов мы знаем исключительно со слов врачей. Сначала необходимо определить типы пациентов, обращающихся в центры ВРТ, так как в дальнейшем важно будет понимать различия в требованиях, выдвигаемых определёнными категориями людей.

На основе проведённых интервью можно чётко выделить следующие категории потенциальных родителей:

Семьи, одинокие женщины и две одинокие женщины. По закону они так фигурируют (Ч. А., врач).

Стоит заметить, что одинокая женщина может прийти за донорской спермой, в то время как одинокий мужчина «не может прийти и сказать: “Я хочу взять яйцеклетку, оплодотворить своей спермой и сделать перенос суррогатной маме”» (Б. З., врач). Как отмечают врачи-респонденты, именно одинокие женщины в возрасте являются частыми пациентами клиник (Г. А., врач).

Что касается самих пожеланий к донорам со стороны пациентов, то здесь, как и в случае с требованиями к донорам со стороны медицинских учреждений, критерии выбора делятся на несколько категорий: медицинские, фенотипические, социальные и психологические.

На первый взгляд предъявление каких-либо медицинских требований со стороны пациентов излишне и странно, ведь каждый донор проходит полное обследование и соответствует всем стандартам, прописанным в приказе Министерства здравоохранения. Однако подобные пожелания возникают. Как отмечает один из сотрудников криобанка, «нет полностью здоровых, есть недиагностированные больные» (Ч. А., врач). Есть и доноры с некоторыми наследственными особенностями, не являющимися заболеваниями. К таким особенностям относится, например, непереносимость молока. Однако, как

утверждает врач, некоторые пациенты достаточно остро реагируют на наличие данного признака. Помимо обеспокоенности здоровьем самого донора, пациенты также интересуются здоровьем их родственников.

Существенную роль для пациентов при выборе доноров играют группа крови и фенотип. Данные критерии отмечали важными почти все респонденты, аргументируя выбор пациентов следующими высказываниями.

Чтобы у ребёнка потом не было вопросов (Б. З., врач).

Наравне с группой крови стоит похожесть, как если бы они были, да, свои, родные биологически (Г. А., врач).

В эту категорию «похожесть» входят черты лица, цвет волос и глаз, национальные признаки. При этом наличие фотографий во многом помогает пациентам при выборе. Некоторые пациенты могут руководствоваться только ими, говоря о том, что донор — «копия», «ой, я даже остальное смотреть не буду, я вот этого беру» (Г. А., врач).

Помимо схожей внешности, пациенты обращают большое внимание на весоростовой показатель.

У меня была женщина, которая вот: «Я хочу от 185, и ни сантиметра ниже». Говорит: я люблю высоких и здоровых (Г. А., врач).

Стоит отметить, что иногда встречаются пациенты, которые не собираются скрывать от ребёнка, что он родился благодаря донорским клеткам, поэтому им не важны фенотип и группа крови. При этом сами врачи стараются в данном случае «отговаривать» пациентов «от этого опрометчивого шага, потому что наша задача в том числе защитить ребёнка» (Ч. А., врач). Таким образом, можно проследить явно выраженную обеспокоенность как врачей, так и, в большинстве своём, пациентов схожими фенотипическими данными, которые важны для дальнейшего сокрытия от и общества, и от самого ребёнка его происхождения.

Среди социальных критериев, на которые обращают внимание пациенты, информанты отмечают графу «образование». Однако «семья семье рознь» (Ч. А., врач): для кого-то наличие высшего образования является обязательным, для кого-то важнее, чтобы донор был похожим на пациентов внешне.

Если фотка при этом классная, да, то есть на морду понравился, то на образование уже не смотрят (Г. А., врач).

В отношении тех пациентов, которые предъявляют подобные требования, центр ВРТ оставляет за собой право удовлетворить их запрос на донора с определённым образованием либо нет, что обычно связано с наличием подходящего донора. При этом, когда пациенты предъявляют, по мнению врачей, слишком завышенные требования, сами врачи предостерегают реципиентов.

Если такой человек у нас в базе будет, то у него там не всё в порядке. Ну как это — три образования получил и зарабатывать донорством? (Б. З., врач).

Заметно, что пациентов волнуют социальные критерии:

Хотят интеллектуальную девочку (Б. З., врач);

А она [донор] точно не бомжиха? (И. Н., директор по работе с клиентами).

Клиники не всегда могут удовлетворить подобные запросы на социальный статус, так как часто донорами выступают молодые студенты, ещё даже не окончившие институт.

Как отмечалось выше, запросы к социальному статусу донора пациенты предъявляют не всегда. Эти аспекты личности донора выступают для пациентов неким индикатором, на который они готовы положиться в случае неопределённости при выборе донора по остальным характеристикам. При этом социальные требования могут уступать не только требованиям к фенотипу и здоровью, но также и психологическим критериям. Как отмечают информанты, для людей, обращающихся в клиники ВРТ, большую роль играет сама личность донора. Врачи утверждают, что для кого-то важно, чтобы донор обладал так называемым «характером мамочки» (Б. З., врач) или же просто «хорошим характером» (И. Л., врач).

Необходимо отметить, что в изучаемом поле среди респондентов ходят мифы о том, что личность донора может оказывать влияние на возможность забеременеть, так как эти критерии воздействуют на пациентов с психологической точки:

«Я не забеременею вот от этого, потому что он мне не очень понравился, он не улыбался». И она реально не забеременела (И. Л., врач).

Данный пример ещё раз иллюстрирует и подтверждает важность нюансов, на которые обращают внимание реципиенты при выборе доноров, так как именно они способствуют принятию чужого биоматериала «как своего» (Г. А., врач).

Помимо вышеупомянутых медицинских, фенотипических, социальных и психологических требований со стороны пациентов, врачи-респонденты отмечали также ряд уникальных. К ним могут относиться определённая религия, национальность (М. Т., врач), не было единичным упоминание важности знака Зодиака донора. Одна респондентка, отвечая на вопрос об уникальных требованиях, назвала часть из них «капризными» и сказала, что «как только начинаются такие, пожалуйста, агентства красоты, идите туда» (И. Л., врач).

Что касается «полёта фантазий», как выразилась одна информантка (Г. А., врач) относительно требований к донорам со стороны реципиентов, то здесь выявлены различные подходы в зависимости от типа пациентов. Некоторые респонденты упоминают, что одинокие женщины «предъявляют больше требований к донорам спермы», их «объяснения вот абсолютно нелогичные»: например, им «понравился его голос или ещё что-то» (И. Л., врач), «как будто мужа себе выбирают» (Г. А., врач).

Подобная тенденция может быть связана с тем, что пациентке не нужно ориентироваться на группу крови, фенотип, образование или же профессию своего мужа ввиду его отсутствия. Однако такой сценарий действует, скорее, в том случае, если сама женщина здорова и может иметь детей. В случае если женщина является бесплодной, часто развивается другая ситуация, когда пациентка обращается к донору-родственнику, чтобы сохранить хоть какую-то генетическую связь с ребёнком. Врач отмечает:

Что касается пар, здесь немножко поведение другое (Г. А., врач).

Респондентка утверждает, что в случае с семейными парами соблюдаются исключительно базовые требования: группа крови, цвет глаз и цвет волос, схожие с цветом мужа. При этом отмечается, что семейные пары могут обращать внимание на общее образование супруга.

Он технарь, и я технарь (Г. А., врач).

О, а мы тоже дорожники, у нас тоже там такой вуз (И. Н., директор по работе с клиентами).

Акценты на схожее направление образования пациентов и доноров бывают связаны с психологическим аспектом, позволяющим семьям отнестись к донорскому биоматериалу как к родному.

Врачи также отмечают различие в подходе к выбору доноров в зависимости от возраста пациентов, утверждая, что чем пациенты старше, тем требования выше.

Чем старше, тем мозг засорён собственной генетикой, собственными достижениями. И IQ у донора там должно быть, и три высших образования, и знание трёх иностранных языков (И. Л., врач).

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что для семей являются важными в первую очередь такие критерии, как здоровье донора и его родственников, группа крови, схожий фенотип, а также тип личности и характер донора. Значимыми оказываются и такие социальные критерии, как наличие высшего образования и род деятельности, однако их нельзя поставить наравне со значимостью здоровья и внешних данных. Встречается также ряд уникальных критериев, предъявляемых к донорам со стороны реципиентов. К ним могут относиться национальность, религия и знак Зодиака. Стоит отметить, что «полет фантазий» относительно требований к донорам зависит от типа пациентов: больше требований предъявляют одинокие женщины, а не семейные пары, а также пациенты в возрасте. Можно заключить, что основной, помимо здоровья, акцент при выборе доноров сделан на решении психологической проблемы, связанной с возможностью принять чужой биоматериал как свой, а также на проблеме родства, проявляющейся в стремлении пациентов подобрать доноров, схожих с ними как внешними, так и внутренними качествами.

Донор-родственник

Периодически при проведении процедуры ЭКО с донорским материалом у пациентов встаёт вопрос: может ли родственник выступить в качестве донора? Ответ: да.

На практике это достаточно частая ситуация (И. Л., врач-репродуктолог).

Желание видеть в качестве донора кого-либо из родственников обуславливается стремлением сохранить родословную:

Чтобы генетический материал свой был (Б. З., врач-репродуктолог).

По мнению одного из информантов, особенно часто это наблюдается у одиноких бесплодных женщин, которые пришли за донорской спермой. Они начинают поиски донора яйцеклетки среди родственников:

Им хочется ну хоть что-то своё иметь, родненькое, да, в этом ребёночке (Г. А., врач-репродуктолог).

Поиск донора среди родственников бывает попыткой повлиять на качество биоматериала и (или) получить хоть какие-то гарантии рождения *своего* ребёнка.

Однако выбор родственника в качестве донора может иметь неблагоприятные последствия для пациента. Так, со стороны донора-родственника потенциально возникает «*гиперопека детей*» (Б. З., врач-репродуктолог), что негативно сказывается на отношениях в семье. Именно поэтому некоторые врачи стараются отговорить пациента от выбора родственника в качестве донора.

И мы, врачи, я вам скажу откровенно, мы отговариваем от этого, потому что мы являлись свидетелями всяких очень трагичных событий, и у нас такие «Санты-Барбары» потом из-за этих детей были (Г. А., врач-репродуктолог).

В то же время некоторые врачи являются сторонниками родственных донаций. Однако и они отмечают необходимость наличия между пациентом и донором-родственником «*психологически тонкой связи и комфорта, чтобы всё получилось так, как нужно*» (И. Л., врач-репродуктолог).

Таким образом, концепция донорства гамет родственнику расценивается врачами как спорная. Запрос пациентов видеть своего родственника в качестве донора гамет популярен, но мнение сотрудников центров ВРТ на этот счёт неоднозначно: одни поддерживают пациента в таком решении, другие стремятся отговорить, имея за плечами неприятный опыт.

Отбор доноров в России на фоне теоретической дискуссии

Итак, современные технологии в сфере медицины и развитие ВРТ меняют отношение к традиционно представлявшемуся сакральным процессу рождения ребёнка и придают ему новые смыслы. Во-первых, происходят изменения в процессе зачатия детей, что вызывает сложности у пациентов, принимающих решение об обращении к ЭКО. Во-вторых, рождение ребёнка наделяется стоимостью. Деньги придают характер обезличенности всему, что с ними связано, что нарушает устои в понимании духовного и физического, а также границ между ними [Зиммель 1999]. Во многом данные процессы связаны с медиализацией общества, так как именно из-за развивающейся медицины и констатации проблем репродуктивного здоровья институт медицины вмешивается в человеческие проблемы [Conrad 1992: 214; Бердышева 2012: 72].

Появление донора как одного из агентов на рынке ВРТ меняет и отношение к человеческому телу. Проблематизация данного процесса связана в первую очередь с коммодификацией жизненно важных благ. Донорство гамет всегда оплачивается, а сами биоматериалы приобретают определённые расценки, яйцеклетки женщин и сперма мужчин становятся товаром, который пациенты *покупают* исходя из предложенного им выбора. В данном случае гаметы товаризируются благодаря посреднику (медицинские центры), для которого важно, «*чтобы вот это вознаграждение донора потом окупилось*» (Н. И., директор по работе с клиентами). Изучение требований, предъявляемых к донорам клиниками и самими пациентами, показало, что товаром становится не только биоматериал, но и сам донор. Кроме того, рынок ВРТ по-своему определяет качество этого товара, так прослеживается определённый образ *качественного* донора.

Из-за формирования рынка ВРТ происходит вмешательство института денег в сакральный процесс рождения ребёнка, а одной из главных его составляющих становится денежная оплата каждому донору, исключение составляют лишь доноры-родственники. В ходе исследования выяснилось: сами представители медицинских центров считают, что в любом случае донорство должно оплачиваться; доноры, в свою очередь, не отказываются от вознаграждения, их основную мотивацию врачи охарактеризовали как денежную. Оплата является гарантом того, что донор будет относиться к процессу более серьёзно, что также связано и с пониманием образа *качественного* донора. Данные факты резонируют с некоторыми исследованиями относительно необходимости денежных вознаграждений за донорство.

В частности, Р. Титмусс, изучавший донорство крови, пришёл к выводу, что качество крови как биоматериала снижается, поскольку донорами крови становятся люди с худшим здоровьем, относящиеся к более низким социальным слоям, поэтому маркетизация биоматериала имеет негативные последствия [Titmuss 1970]. Тем не менее результаты нашего исследования подтверждают выводы исследования, в котором утверждается, что вознаграждение имеет положительную сторону, так как влияет на величину предложения [Castro 2003].

Следует обратиться и к точке зрения на донорство как на реципрокный обмен и соответствующее восприятие гамет как даров. О подобном отношении к биоматериалам в современных реалиях говорится и в рамках донорства органов, где дар не является абсолютно чистым. По мнению Ф. Штайнера, в данном случае резонно употребить такие понятия, как «органический» или «организационный» обмен [Штайнер 2014]. Нечто похожее можно встретить и в исследовании рынка гамет у Рене Алмелинг, которая отмечает, что именно донорская яйцеклетка преподносится как «дар», а донорская сперма не приобретает схожего окраса [Almeling 2011]. Исследовательница отмечает, что ценность яйцеклеток намного выше, они близки к «дарам», а не к «товарам», а также подчёркивает стереотипные представления относительно того, какими должны быть донор-мужчина и донор-женщина, что соотносится с культурными установками относительно мужественности и женственности [Almeling 2011]. Результаты, схожие с зарубежными исследованиями, мы видим и в российском поле, за исключением вывода о восприятии яйцеклетки как дара.

Таким образом, проанализировав полученные данные и сопоставив их с теоретической частью нашего исследования, можем подвести основной итог, касающийся степени проблематизации вмешательства медицинских технологий в процесс рождения ребёнка. Подтвердилась значимая роль стигматизации со стороны общества поведения пациентов клиник ВРТ. Ввиду культурного консерватизма, который подразумевает генетический взгляд на родство [Ткач 2013: 65], «*зашоренности*», как выразился один из респондентов (Ч. А., врач), общества, будущие родители стараются подобрать донора, очень похожего на них по фенотипу, чтобы в дальнейшем ни у кого не возникало вопросов о том, что данный ребёнок не родной. Из-за подобного взгляда на родство сам генетический родитель, то есть донор, «*уходит в тень*» [Исупова 2014: 384], анонимизируется, чтобы у пациентов была возможность принять их генетический материал «*как свой*» (Г. А., врач). Одной из причин, почему врачи могут не показывать взрослые фотографии донора, является стремление сделать всё, чтобы пациенты не видели в своём будущем ребёнке чужого человека.

Необходимо отметить определённое противоречие полученных нами результатов и теоретических заключений, приведённых выше в литературном обзоре. Так, ранее мы выяснили, что при использовании донорских гамет большая значимость со стороны будущих родителей придаётся вынашиванию ребёнка, то есть биологическому аспекту, а не генетическому материалу [Ткач 2013: 59]. Однако по результатам интервью мы обнаружили, что в первую очередь пациенты приоритезируют важность гамет.

Кроме того, мы выяснили, что центры ВРТ пытаются минимизировать различные моральные дилеммы, касающиеся донорства гамет. Во-первых, чтобы избежать будущей генетической катастрофы и инцестов [Ророва, Savvina 2018: 313], которые могли бы возникнуть, если биоматериалом одного донора воспользуется большое количество пациентов, а их дети ввиду незнания своего происхождения образуют семью и заведут общих детей, врачи отказывают донорам с нездоровой мотивацией, заключающейся в желании оставить после себя как можно больше потомков, а также ведут специальный учёт семей, воспользовавшихся гаметам определённого донора. Во-вторых, анонимный характер донорства минимизирует риск нарушения первичной идентификации ребёнка с семьёй, которая могла бы возникнуть из-за множественной концепции родства, когда у малыша не совпадают генетический и биологический родители [Высочина 2014: 14]. В результате анонимного донорства ребёнок не знает о своём генетическом родителе и отождествляет его с биологическим или социальным.

Что касается рассмотрения ключевого аспекта нашего исследования — качества донора гамет и, соответственно, качества будущего ребёнка, для чего мы обратились к теме доноров-родственников, то при обзоре литературы выяснилось, что одинокие бесплодные женщины с большей вероятностью стремятся воспользоваться генетическим материалом своей родни [Ткач 2013: 58]. В связи с этим мы отметили определённое противостояние «отличного качества» будущего ребёнка и «родной крови», так как донор-родственник может уступать по некоторым показателям донору из анонимизированной базы. Поставив перед собой задачу понять, действительно ли пациенты в большей степени стремятся обратиться к родственнику за помощью, переместив аспект качества на второй план, мы пришли к неожиданным для нас выводам. Во-первых, несмотря на то что реципиенты часто предлагают в качестве кандидатуры донора своего родственника, большая часть врачей стараются отговаривать своих пациентов от подобного шага ввиду возможных будущих юридических и внутрисемейных проблем. Во-вторых, если всё-таки в качестве донора выступает родственник, пациенты встают не перед выбором «отличное качество или родная кровь», а перед выбором «сохранение здоровья родственника или родная кровь», так как здоровье донора-родственника может подвергаться определённой опасности ввиду, например, его возраста, близкого к границе максимально допустимого для данной процедуры. В связи с этим реципиенту необходимо решить, стоит ли идти на подобные риски ради того, чтобы ребёнок был одной с ним крови; вопрос о важности качества будущего ребёнка в этом случае не ставится.

Перейдём к основному концепту нашей работы — качеству ребёнка на рынке ВРТ. В рамках литературного обзора мы выдвинули предположение, согласно которому россияне с большей вероятностью не готовы к различным генетическим вмешательствам в способности и навыки своих будущих детей, если бы они были возможны благодаря различным биотехнологиям [Войнилов, Полякова 2016: 203]. Таким образом, мы поставили перед собой задачу выяснить, где проводится граница, определяющая качество ребёнка, рождённого с помощью ВРТ. В результате проведённого анализа данных мы пришли к выводам, соотносящимся с вышеуказанным предположением. Так, качество ребёнка в российском поле оказывается связанным не с искусственным увеличением его абсолютного уровня по сравнению с уровнем родителей, а с тем, чтобы избежать каких-либо вопросов со стороны общества. Подобная тенденция проявляется в стремлении семей найти донора с высшим образованием для того, чтобы ребёнок был умным, как и родители. Мы можем провести границу определения качества ребёнка, предположив, что в российском поле распространена стратегия её выделения не на основании «качественный как лучший», а на основании «качественный, как родители».

Выяснив, что пациенты клиник в большинстве своём не стремятся к специальному повышению качества будущих детей, утверждать, что качество не увеличивается в целом, нельзя. Улучшение качества ребёнка происходит, скорее, благодаря клиникам, нежели семьям, так как именно медицинские центры задают определённые рамки в виде таких критериев отбора, как хорошее здоровье донора, отсутствие у него вредных привычек или же принадлежность к профессии, не приносящей вред здоровью. Кроме того, стоит обратить внимание на взаимодействие сотрудников центров ВРТ и доноров. Так, врачи делали акцент на том, что по поведению донора они понимают, что представляет собой человек. Мы можем предположить, что врачи-репродуктологи являются своего рода экспертами по габитусам, так как они способны по практикам и паттернам поведения донора определить его возможную социальную позицию [Бурдьё 2007: 75].

Таким образом, хотя теоретический обзор литературы во многом объясняет полученные результаты, некоторые сделанные нами выводы являются неожиданными, направляют нас на изучение дополнительного материала по теме, а также помогают сделать новые предположения.

Заключение

Подведём основные итоги проведённого исследования. Поставив перед собой ключевой исследовательский вопрос о том, могут ли родители влиять на качество своего будущего ребёнка через выбор качественного донора, мы пришли к выводу, что схема, в которой родителями движет желание улучшить абсолютное качество своих будущих детей, не способна отразить функционирование российского поля ВРТ.

Несмотря на то что в центры ВРТ обращаются люди, самостоятельно платящие определённую сумму денег за данную услугу, они не наделены той властью, которой наделены сами клиники и врачи. Именно медицинские сотрудники выстраивают определённую рамку требований и критериев, выдвигаемых к донорам, и формируют образ качественного донора, обладающего набором лучших характеристик — таких, как здоровье, как физическое, так и психическое, «правильный» фенотип, а также адекватные поведение и характер. Что касается образования или профессии донора, для врачей они не играют особой роли, за исключением тех случаев, когда род занятости наносит вред здоровью донора. Эти выводы помогут построить предположения для потенциальных исследований о наличии неравенства в отношении доноров — таких, как эстетические и расовые, поскольку в ходе отбора доноров медицинские сотрудники обращают пристальное внимание на внешний облик человека.

В свою очередь пациенты, которые приходят в клиники, могут выбирать донора исходя из предлагаемых вариантов. При этом они в большей степени нацелены не на рождение абсолютно качественного ребёнка с наилучшими характеристиками, а на рождение такого же качественного ребёнка, как сами родители. Для родителей является значимым именно то, чтобы их ребёнок был похожим на них внешне и внутренне. При этом редкие, но иногда возникающие случаи, когда пациенты выдвигают пожелания о том, чтобы донор был с другими фенотипическими данными, разрешаются отказом со стороны клиники, либо не способной удовлетворить данные запросы, либо считающей необходимым защитить будущего ребёнка от общества, где действует культурный консерватизм, выражающийся в генетическом взгляде на родство.

Благодаря проведённому исследованию мы можем заключить, что российское поле вспомогательных репродуктивных технологий имеет особый характер. Родители в данном случае стремятся повлиять на качество своего ребёнка, однако без попытки создать наилучшую версию человека, то есть без искусственного повышения его жизненных шансов.

Стоит отметить ряд ограничений нашего вывода на фоне сложившегося дизайна исследования. Во-первых, во время построения теоретической рамки и разработки методологической основы исследования мы опирались преимущественно на зарубежные работы по схожей тематике. Во-вторых, решение взять в качестве основного эмпирического объекта врачей-репродуктологов и иных сотрудников центров ВРТ было связано с их ролью посредника при взаимодействии пациентов и доноров. Однако мы допускаем, что, не являясь прямыми участниками данного взаимодействия, они могли неосознанно искажать информацию в связи с неполным знанием истинной мотивации других участников поля. В-третьих, большая часть врачей, у которых мы брали интервью, специализировались на донорах ооцитов, что также могло оказывать влияние на полноту полученных результатов по данной теме.

Таким образом, можем заключить, что сложности, с которыми мы столкнулись, в определённой степени ставят под сомнение внутреннюю валидность полученных результатов. В связи с этим считаем необходимым изучить в дальнейшем данное эмпирическое поле с точки зрения других акторов, а именно доноров гамет и пациентов клиник ВРТ, и уже с поправкой на российские реалии.

Приложение

Таблица П.1

Список информантов и их основные характеристики

№	Информант	Статус (должность)	Клиника
1	Б. З.	Врач	«АльтраВита»
2	В. Н.	Куратор доноров	«Репрохелп»
3	В. Р.	Врач	«Мать и Дитя». Москва, Ходынское поле
4	Г. А.	Врач	«Мать и дитя». Москва, Лефортово
5	И. Л.	Врач	АРТ-ЭКО
6	И. Н.	Директор по работе с клиентами	GMS ЭКО
7	К. М.	Врач	GMS ЭКО
8	М. Т.	Врач	Репробанк
9	Н. Н.	Врач	Виталис
10	С. Г.	Врач	«Мать и дитя». Москва, Лефортово
11	Т. Д.	Врач	СМ-клиника
12	Ч. А.	Врач	«Мать и Дитя. Тула
13	Ч. А.	Врач	Репробанк

Литература

- Бердышева Е. С. 2012. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии. *Экономическая социология*. 13 (1): 67–85. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-1.html>
- Бурдьё П. 2007. *Социология социального пространства*. Перев. с франц. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Войнилов Ю. Л., Полякова В. В. 2016. Моё тело — моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях. *Социология власти*. 28 (1): 185–207. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2016/425450/>
- Высочина Ю. Л. 2014. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор кризиса идентичности личности. *Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области*. 1 (4, март): 13–17. URL: <https://www.smus74.ru/content/vypusk-1-4>
- Гокова О. В. 2017. Пронаталистская политика с позиции политической социологии. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 6: 140–144. URL: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-номерov>
- Зиммель Г. 1999. Философия денег. В сб.: Филиппов А. Ф. (отв. ред.). *Теория общества*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле; 309–383.
- Исупова О. Г. 2014. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве. *Журнал исследований социальной политики*. 12 (3): 381–396. URL: <https://jsps.hse.ru/issue/view/277>
- Курленкова А. С. 2016. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынкам ооцитов. *Социология власти*. 28 (1): 107–140. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2016/425450/>

- Новицкая Т. Е. 2015. Социально-этические аспекты использования современных вспомогательных репродуктивных технологий. *Вестник Полесского государственного университета. Серия природо-ведческих наук*. 1: 20–24. URL: <https://ojs.polessu.by/BPSUS2/issue/view/78>
- О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению. 2012. *Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218364/>
- Полянй К. 2014. Рынок и природа. В кн.: Полянй К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя; 199–213.
- Полухина Е. В. 2013. *Case-study* как исследовательская стратегия. В сб.: Веретённик Е. В. (отв. ред), Стрекалова Н. Д. (науч. ред.) *Case-study — образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте*. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ; 5–21.
- Регистр ВРТ Российской ассоциации репродукции человека. Отчёт за 2018 год*. 2020. URL: https://rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2018.pdf
- Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. 1998. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии. *Социологический журнал*. 1–2: 145–160. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/issue/view/27>
- Русанова Н. Е. 2013. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы. *Журнал исследований социальной политики*. 11 (1): 69–86. URL: <https://jsps.hse.ru/issue/view/283>
- Семёнова В. В. 1998. *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. Учеб. пособие для студентов вузов. Институт социологии РАН. М.: Добросвет. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1806>
- Ткач О. А. 2013. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях. *Журнал исследований социальной политики*. 11 (1): 49–68. URL: <https://jsps.hse.ru/issue/view/283>
- Чуриков А. 2007. Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях. *Социальная реальность*. 4: 89–109. URL: <https://corp.fom.ru/socreal>
- Штайнер Ф. 2014. «Органический» дарообмен и трансплантация органов, развитие экономической социологии и мораль в мире, управляемая деньгами: интервью с Филиппом Штайнером. Перев. с англ. Е. Назарбаевой. *Экономическая социология*. 15 (1): 11–19. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2014-15-1.html>
- Almeling R. 2007. Selling Genes, Selling Gender: Egg Agencies, Sperm Banks, and the Medical Market in Genetic Material. *American Sociological Review*. 72 (3): 319–340.
- Almeling R. 2011. *Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm*. Oakland, CA: University of California Press.
- Anagnost A. 2004. The Corporeal Politics of Quality (Suzhi). *Public Culture*. 16 (2): 189–208.

- Castro L. D. 2003. Commodification and Exploitation: Arguments in Favour of Compensated Organ Donation. *Journal of Medical Ethics*. 29 (3): 142–146. URL: <https://jme.bmj.com/content/29/3/142>
- Conrad P. 1992. Medicalization and Social Control. *Annual Review of Sociology*. 18: 209–232. URL: <https://www.annualreviews.org/toc/soc/18/1>
- Foucault M. et al. 1988. *Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault*. Amherst, MA: The University of Massachusetts Press.
- Heckman J., Singer B. 2017. Abducting Economics. *American Economic Review*. 107 (5): 298–302. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.p20171118>
- Hirschman E. C. 1991. Babies for Sale: Market Ethics and the New Reproductive Technologies. *The Journal of Consumer Affairs*. 25 (2): 358–390.
- Inhorn M. C., Birenbaum-Carmeli D. 2008. Assisted Reproductive Technologies and Culture Change. *Annual Review of Anthropology*. 37: 177–196. URL: <https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.anthro.37.081407.085230>
- Isupova O. G. 2020. Delegation of Parenthood and Language of Reproduction: Experts and Patients on the Birth of ART-Children. *Population and Economics*. 4 (43): 43–56. URL: <https://populationandconomics.pensoft.net/article/57400/>
- Popova O. V., Savvina O. V. 2018. Ethical Issues of Gamete Donation: Body Commodification and Transformation of Family Relations. *RUDN Journal of Philosophy*. 22 (3): 310–318. URL: <http://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/19328/16150>
- Salter B. 2021. Markets, Cultures, and the Politics of Value: The Case of Assisted Reproductive Technology. *Science, Technology & Human Values*. 20 (10): 1–26. DOI: 10.1177/0162243921991929
- Schurr C. 2018. The Baby Business Booms: Economic Geographies of Assisted Reproduction. *Geography Compass*. 12 (8): e12395. URL: <https://doi.org/10.1111/gec3.12395>
- Temkina A., Zdravomyslova E. 2018. Responsible Motherhood, Practices of Reproductive Choice and Class Construction in Contemporary Russia. In: Attwood I., Schimpfössl E., Yusupova M. (eds) *Gender and Choice after Socialism*. London: Palgrave Macmillan; 161–186. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-73661-7_7
- Titmuss R. M. 1970. *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy*. London: London School of Economics Books.

DEBUT STUDIES

Anastasia Grishanina, Alexandra Narskaya, Polina Smirnova

High-Quality Donor: Criteria for the Selection of Gamete Donors in the Russian Field of Assisted Reproductive Technologies

GRISHANINA, Anastasia — a brand strategist at Getbrand. Address: 5/19 Nizhny Susalny lane, 105064, Moscow, Russian Federation.

Email: gr.anastasiya@yandex.ru

NARSKAYA, Alexandra — recruiter at Yandex. Address: 16 Lev Tolstoy str., 119034, Moscow, Russian Federation.

Email: alexandranar25@gmail.com

SMIRNOVA, Polina — project manager at Yandex. Address: 16 Lev Tolstoy str., 119034, Moscow, Russian Federation.

Email: p_smi@icloud.com

respondents were targeted selection and the snowball method, with the database consisting of fifteen semi-structured interviews.

The analysis revealed that potential parents are included in the ART process as actors whose actions are subordinate to those of medical centers. The image of a “high-quality” donor is formed through the prism of certain requirements put forward to donors by ART centers and then transmitted to parents. In addition, the study found a tendency in the desire of potential parents to influence the “quality” of their child—not in an absolute but a relative sense—to have a child of the same “quality” as themselves.

Keywords: assisted reproductive technologies; commodification of biomaterials; marketization of benefits; gamete donation; quality donor; biomaterial quality; child quality; genetic kinship.

References

Almeling R. (2007) Selling Genes, Selling Gender: Egg Agencies, Sperm Banks, and the Medical Market in Genetic Material. *American Sociological Review*, vol. 72, no 3, pp. 319–340.

Abstract

The emergence of assisted reproductive technologies (ARTs) has been one of the groundbreaking solutions to the problem of infertility, but these technologies involve interference with the natural process of giving birth to a child. In this study, we answer the question of whether we can talk about attempts by parents to influence the “quality” of their child in ART through the mechanism of choosing gamete donors.

The theoretical analysis considers the concept of the “quality” of biomaterial in the context of the commodification of vital goods as well as the problem of kinship associated with the transformation of family relations as a result of the application of ARTs. Foreign studies have confirmed the attempt to influence the “quality” of the child through the choice of donors with certain characteristics. However, in the Russian context of social conservatism, previous studies have found interference in the genetics of a child to be unacceptable.

The aim of this work is to explore how the possibilities of controlling the “quality” of a child are distributed between doctors and infertile couples as well as the hidden social grounds behind the criteria used for choosing a donor. The focus of the study is on the representatives of reproductive centers and sperm and egg banks in Moscow. The strategies for selecting

- Almeling R. (2011) *Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm*, Oakland, CA: Berkeley: University of California Press.
- Anagnost A. (2004) The Corporeal politics of quality (Suzhi). *Public Culture*, vol. 16, no 2, pp. 189–208.
- Berdysheva E. S. (2012) Ot kritiki k analitike: commodifikatsiya zhiznenno vazhnykh blag kak aktual'naya i ssledovatel'skaya problema v novoy ekonomicheskoy sotsiologii [From Criticism to Analytics: Commodification of Vital Goods as a Topical Research Problem in New Economic Sociology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 13, no 1, pp. 67–85. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-1.html> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space] (Translated from French by N. A. Shmatko), Moscow: Institute for Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Castro L. D. (2003) Commodification and Exploitation: Arguments in Favour of Compensated Organ Donation. *Journal of Medical Ethics*, vol. 29, no 3, pp. 142–146. Available at: <https://jme.bmj.com/content/29/3/142> (accessed 1 July 2021).
- Churikov A. (2007) Sluchaynye i nesluchaynye vyborki v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Random and Non-Random Samples in Sociological Research]. *Social Reality = Sotsial'naya real'nost'*, no 4, pp. 89–109. Available at: <https://corp.fom.ru/socreal> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Conrad P. (1992) Medicalization and Social Control. *Annual Review of Sociology*, no 18, pp. 209–232. Available at: <https://www.annualreviews.org/toc/soc/18/1> (accessed 1 July 2021).
- Foucault M., Martin L. H., Gutman H., Hutton P. H. (1988) *Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault*, Amherst, MA: The University of Massachusetts Press.
- Gokova O. V. (2017) Pronatalistskaya politika s pozitsii politicheskoy sotsiologii [Pro-Natalist Politics from the Position of Political Sociology]. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, no 6, pp. 140–144. Available at: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Heckman J., Singer B. (2017) Abducting Economics. *American Economic Review*, vol. 107, no 5, pp. 298–302. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.p20171118> (accessed 1 July 2021).
- Hirschman E. C. (1991) Babies for Sale: Market Ethics and the New Reproductive Technologies. *The Journal of Consumer Affairs*, vol. 25, no 2, pp. 358–390.
- Inhorn M. C., Birenbaum-Carmeli D. (2008) Assisted Reproductive Technologies and Culture Change. *Annual Review of Anthropology*, no 37, pp. 177–196. Available at: <https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.anthro.37.081407.085230> (accessed 1 July 2021).
- Isupova O. G. (2014) Rody kak tsennost' v internet-diskurse subfertil'nykh zhenshchin o donorstve yaytsektok i surrogatnom materinstve [Childbirth as a Value in the Internet Discourse of Subfertile Women about Egg Donation and Surrogacy]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 12, no 3, pp. 381–396. Available at: <https://jsps.hse.ru/issue/view/277> (accessed 1 July 2021) (in Russian).

- Isupova O. G. (2020) Delegation of Parenthood and Language of Reproduction: Experts and Patients on the Birth of ART-Children. *Population and Economics*, vol. 43, no 4, pp. 43–56. Available at: <https://populationandconomics.pensoft.net/article/57400/> (accessed 1 July 2021).
- Kurlenkova A. (2016) Kogda yazyk imeet znachenie: ot donorstva yaytsekletok k rynkam ootsitov [When Language Matters: From Egg Donation to Oocyte Markets]. *Sociology of Power = Sociologiya vlasti*, vol. 28, no 1, pp. 107–140. Available at: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2016/425450/> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Novickaya T. E. (2015) Sotsial'no-eticheskie aspekty ispol'zovaniya sovremennykh vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy [Socio-Ethical Aspects of the Use of Modern Assisted Reproductive Technologies]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya prirodovedcheskih nauk*, no 1, pp. 20–24. Available at: <https://ojs.polessu.by/BPSUS2/issue/view/78> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- O poryadke ispol'zovaniya vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy, protivopokazaniyakh i ogranicheniyakh ikh primeneniyu" [On the Procedure for Using Assisted Reproductive Technologies, Contraindications and Restrictions on Their Use] (2012). *Prikaz Minzdrava Rossii ot 30.08.2012 № 07n* [Order of the Ministry of Health of Russia Dated 30.08.2012 No. 107n]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218364/> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Polanyi K. (2014) Rynok i priroda [Market and Nature]. *Velikaya transformatsiya: politicheskoi ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aletheia, pp. 199–213 (Ch. 14). Available at: <https://fil.wikireading.ru/57807> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Poluhina E. V. (2013) Case-study kak issledovatel'skaya strategiya [Case-Study as a Research Strategy]. *Case-study — obrazovatel'nyy iissledovatel'skiy opyt v mezhdistsiplinarnom kontekste* [Case-Study — Educational and Research Experience in an Interdisciplinary Context] (eds. E. V. Veretyonnik, N. D. Strelakova), St. Petersburg: HSE, pp. 5–21 (in Russian).
- Popova O. V., Savvina O. V. (2018) Ethical Issues of Gamete Donation: Body Commodification and Transformation of Family Relations. *RUDN Journal of Philosophy*, vol. 22, no 3, pp. 310–318. Available at: <http://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/19328/16150> (accessed 1 July 2021).
- RARH (2020) Registr VRT Rossiyskoy assotsiatsii reproduktivnoy cheloveka. Otchetza 2018 god [ART Register of the Russian Association for Human Reproduction. 2018 Annual Report]. Available at: https://rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2018.pdf (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. (1998) "Delat' znakomoe neizvestnym...": etnograficheskiy metod v sotsiologii ["Making the Familiar Unknown ...": An Ethnographic Method in Sociology]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskij Zhurnal*, no 1-2, pp. 145–160. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/issue/view/27> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Rusanova N. E. (2013) Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v Rossii: istoriya, problemy, demograficheskie perspektivy [Assisted Reproductive Technologies in Russia: History, Problems, Demographic Prospects] *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noy politiki*, vol. 11, no 1, pp. 69–86. Available at: <https://jsps.hse.ru/issue/view/283> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Salter B. (2021) Markets, Cultures, and the Politics of Value: The Case of Assisted Reproductive Technology. *Science, Technology & Human Values*, vol. 20, no 10, pp. 1–26. DOI: 10.1177/0162243921991929

- Schurr C. (2018) The Baby Business Booms: Economic Geographies of Assisted Eproduction. *Geography Compass*, vol. 12, no 8, pp. e12395. Available at: <https://doi.org/10.1111/gec3.12395> (accessed 1 July 2021).
- Semenova V. V. (1998) *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu: Ucheb. Posobie dlya studentov vuzov* [Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology: A Study Guide for University Students]. Institute of Sociology RAS], Moscow: Dobrosvet. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1806> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Simmel G. (1999) Filosofiya deneg [Philosophy of Money]. *Teoriya obshchestva* [Society Theory] (ed. A. V. Filippov), Moscow: CANON-Press-C; Kuchkovo Pole, pp. 309–383 (in Russian).
- Steiner Ph. (2014) “Organicheskiy” daroobmen i transplantatsiya organov, razvitie ekonomicheskoy sotsiologii i moral’ v mire, upravlyaemaya den’gami: interv’yu s Philippom Shtaynerom [“Organic” Gift-Giving and Organ Transplantation, the Development of Economic Sociology, and Morality in a Super-Monetized World: An Interview with Philippe Steiner] (Translated from English by E. Nazarbayeva). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 15, no 1, pp. 11–19. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2014-15-1.html> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Temkina A., Zdravomyslova E. (2018) Responsible Motherhood, Practices of Reproductive Choice and Class Construction in Contemporary Russia. *Gender and Choice after Socialism* (eds. I. Attwood, E. Schimpfössl, M. Yusupova). London: Palgrave Macmillan, *Palgrave Macmillan, Cham*, pp. 161–186. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-73661-7_7 (accessed 1 July 2021).
- Titmuss R. M. (1970) *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy*, London: London School of Economics Books.
- Tkach O. A. (2013) “Napolovinu rodnye”? Problematizatsiya rodstva i sem’i v gazetnykh publikatsiyakh o vspomogatel’nykh reproductivnykh tekhnologiyakh [“Half family”? Problematization of Kinship and Family in Print Media Discussing Assisted Reproductive Technologies]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social’noj politiki*, vol. 11, no 1, pp. 49–68. Available at: <https://jsps.hse.ru/issue/view/283> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Vojnilov Yu. L., Polyakova V. V. (2016) Moyo telo — moya krepost’: obshchestvennoe mnenie o biomeditsinskikh tekhnologiyakh [My Body is My Fortress: Public Opinion on Biomedical Technology]. *Sociology of Power = Sociologiya vlasti*, vol. 28, no 1, pp. 185–207. Available at: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2016/425450/> (accessed 1 July 2021) (in Russian).
- Vysochina Yu. L. (2014) Vspomogatel’nye reproductivnye tekhnologii kak factor krizisa identichnosti lichnosti [Assisted Reproductive Technologies as a Factor in the Crisis of Personality Identity]. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti*, no 1 (4, March), pp. 13–17. Available at: <https://www.smus74.ru/content/vypusk-1-4> (accessed 1 July 2021) (in Russian).

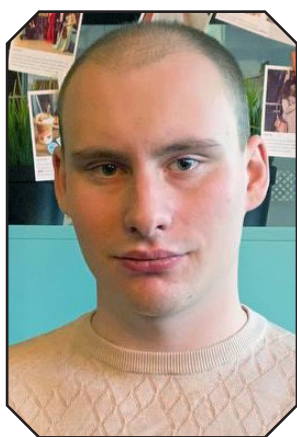
Received: July 9, 2021

Citation: Grishanina A., Narskaya A., Smirnova P. Kachestvennyy donor: kriterii otbora donorov gamet v rossiyskom pole vspomogatel’nykh reproductivnykh tekhnologiy [High-Quality Donor: Criteria for the Selection of Gamete Donors in the Russian Field of Assisted Reproductive Technologies]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 84–108. doi: 10.17323/1726-3247-2021-5-84-108 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Е. С. Макаров, Д. А. Тихомиров

Проблема определения сущности денег в современной экономической социологии: между государством и доверием¹



МАКАРОВ Егор Сергеевич — студент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 28, корп. 1.

Email: eg.makaraz@mail.ru

В фокусе внимания авторов обзора находится дискуссия о сущности денег, одна из центральных в современной социологии денег. Актуальность дискуссии обусловлена недостатками неоклассического анализа денег, рассматриваемого на примере концепции К. Менгера, который не может объяснить ни то, каким образом деньги становятся общераспространёнными, то есть начинают выполнять функцию меры стоимости, ни проблему неопределённости денег, связанную с отсутствием особой информации о денежных транзакциях. Недостаток неоклассического анализа заключается в том, что он рассматривает характеристики конкретных форм денег (money-stuff), в то время как сущностные аспекты денег остаются неисследованными. В обзоре рассматриваются теоретические решения Н. Додда и Дж. Ингэма, актуализирующие данные вопросы, при этом важнейшее внимание уделяется идеям классиков в данной области — работам Дж. М. Кейнса и Г. Зиммеля. Теоретический анализ, затрагивающий проблему сущности денег (а также связанные с ней вопросы информационной неопределённости), можно найти уже в «Философии денег» Г. Зиммеля; у него же есть два потенциальных её решения — с помощью государства или доверия. Дж. Ингэм развивает идею центральной роли государства в создании денег (money as account), а Н. Додд считает, что центральным фактором является доверие к деньгам. У этих авторов мы найдём базовую метафору денег как идеи — процесса, укоренённого в обществе, — в противоположность товарной метафоре денег К. Менгера. Основной тезис обзора заключается в том, что метафора денег как идеи связана с выделением меры стоимости в качестве главной функции денег, в то время как товарной метафоре соответствует выделение функции средства обмена в качестве ключевой. При этом современными теоретиками вводится различие между деньгами как социальными отношениями вообще и конкретными денежными формами. В работе отмечены сходства в теоретических позициях Дж. Ингэма и Н. Додда, а также их различия.

Ключевые слова: социология денег; доверие; государство; проблема неопределённости; финансовое регулирование; неохартализм; Дж. Ингэм; Н. Додд.

¹ Авторы признательны учителям и коллегам из Российского экономического университета (РЭУ) имени Г. В. Плеханова (Москва) Дмитрию Горину и Антонине Пинчук, без которых данный текст вряд ли мог быть написан, коллегам из Европейского университета в Санкт-Петербурге Сергею Машукову и Дмитрию Серебренникову, чьи ценные замечания помогли значительно улучшить работу, а также трём анонимным рецензентам за важные и полезные комментарии, положительно отразившиеся на качестве статьи.



ТИХОМИРОВ Дмитрий Андреевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 28, корп. 1.

Email: dat1983@yandex.ru

Введение

В обзорных работах по социологии денег можно отметить различие двух основных подходов к концептуализации денег [Крупец 2007; Аникаева 2008] — классического, с которым обычно ассоциируют Г. Зиммеля, К. Маркса, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса и др., и современного. Представителями современного подхода являются В. Зелизер, Н. Додд, Дж. Ингэм и др. Данное разделение, насколько известно авторам, впервые встретилось в работе В. Зелизера «Социальное значение денег» [Zelizer 1994], являющейся, пожалуй, одной из самых, если не самой, цитируемых современных работ в области социологии денег.

Основной идеей классиков социологической мысли, с точки зрения В. Зелизера, была интуиция однородности денег. Она отмечает: «Функции и свойства денег [в подходе классиков] описываются исключительно в экономических понятиях. Как совершенно однородный, бесконечно делимый, ликвидный объект, лишённый всякого качества, деньги — это непревзойдённый инструмент рыночного обмена» [Зелизер 2004: 43]. Переняв общую идею классиков политической экономии об универсальности и однородности денежных средств, классики социологической теории конца XIX — начала XX века (и, видимо, вплоть до современных — начиная с 1990-х гг. — работ по социологии денег) описывали деньги в тех же терминах. (При подходе В. Зелизера под атаку попадают, как правило, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Н. Луман, Э. Гидденс.) Да, говорит В. Зелизер, конечно, социологи отмечали символическое значение денег (как это делал, к примеру, Т. Парсонс), однако «даже когда признаётся символическое значение денег, оно либо ограничивается экономической сферой, либо считается чем-то второстепенным» [Зелизер 2004: 43]. Множественность денег (центральная идея В. Зелизера) в таком подходе не концептуализируется. При анализе работ В. Зелизера может возникнуть впечатление, что работы классиков социальной теории если не отвергаются полностью, то явно не имеют особого значения для анализа современных денег в оптике социологии.

Однако в других работах по современной социологии денег мы встретим активное обращение к классикам, а отнюдь не негативное как к продуктивному теоретическому ресурсу. Например, профессор Лондонской школы экономики Н. Додд целую главу своей книги «Социальная жизнь денег» («The Social Life of Money», 2014) посвящает марксистскому анализу денег [Dodd 2014: 49–88], причём не в качестве объекта критики. В этой же работе Додд пишет про теорию Г. Зиммеля: «Это важная и влиятельная теория, к которой мы будем неоднократно возвращаться в этой книге» [Dodd 2014: 27].

Дж. Ингэм, другой видный представитель современной социологии денег, кембриджский профессор, вообще ссылается на «Трактат о деньгах» («A Treatise on Money», 1930) Дж. М. Кейнса: «[В “Трактате о деньгах”] я впервые обнаружил, что части первых двух глав были непреднамеренно, однако совершенно точно “социологическими”» [Ingham 2004: ix].

Таким образом, существуют различные интерпретации классиков. Конечно, зачастую разницу в интерпретациях можно объяснить тем, что авторы, противопоставляя или, наоборот, сближая свою концепцию с идеями классиков, пытались обосновать собственную позицию. Однако проблема заключается не только в этом. Современная социология денег находится на той стадии развития², когда активно разрабатывается её концептуальный аппарат и закладываются основы (в первую очередь на уровне базовой концептуализации) целостного подхода³. Мы предлагаем разобраться в современных теоретических работах по социологии денег. Нас главным образом будут интересовать *основные различия*, которые существуют в данной области, и то, как они связаны между собой. На наш взгляд, следует говорить как минимум о двух взаимосвязанных различиях, которые лежат в основе способов концептуализации денег: (1) различие базовой метафоры [Константиновский, Вахштайн, Куракин 2012], и (2) различие функций денег [Dodd 1994, Ingham 1996]. Также мы покажем, что современные теории денег придерживаются в данном вопросе схожих позиций.

В центре нашего внимания находятся проблема определения сущности денег, а также связанные с ней аспекты информационной неопределённости. С точки зрения Н. Додда, неоклассическая теория не фокусируется (и это является её главным недостатком) на том, «что есть деньги, но теоретики денег обсуждали то, что они делают. Данное убеждение основано, однако, на понимании характеристик конкретных форм денег скорее, чем на сущности денег в целом» [Dodd 1994: xiv]. Слабость неоклассической теории денег, фокусирующейся на конкретных формах денег, заключается в том, что она не может дать четкого различающегося критерия денежного обмена [Dodd 1994]. Анализ денег как товара, являющегося таковым наряду с другими товарами [Menger 1892], приводит к тому, что обмен осуществляется просто с включением ещё одного товара (денег), что делает непонятным отличие денежного обмена от бартерного. Модель товарной теории денег «не обладает сложной социально-экономической структурой; она является простым *бартером* [Курсив наш. — *Е. М., Д. Т.*] с денежной нейтральностью» [Ingham 2000: 17]. Таким образом, товарная теория денег сталкивается со сложностями в объяснении отличия денежной системы от бартерной, так как фокусируется на анализе конкретных денежных форм (у Менгера это драгоценные камни и золото [Menger 1892]) и их функции как средства обмена.

Н. Додд считает, что ключевым аспектом, которым обладает система денежного обмена в отличие от бартерного, является «определённый тип информации <...> который отличает денежные транзакции от других видов обмена» [Dodd 1994: xxiii–xxiv]. Так, по мнению Додда, денежные системы есть «информационные сети» [Dodd 1994: xxiv]. Отсутствие данной информации в обмене, описываемой товарной теорией денег, Додд называет неопределённостью, связанной с отсутствием информации. «В бартерном обмене это будет неопределённость о надёжности и взаимодоверии агентов, совершающих сделку, подлинность (*authenticity*) объекта в обмене или возможность его обмена в будущем» [Dodd 1994: xxv]. Подобные вопросы действительно возникают в исследовании денег, но они связаны

² Речь идёт именно о современной социологии денег, начало которой можно отсчитывать с 1994 г., когда вышли работы «Социальное значение денег» В. Зелизер [Zelizer 1994] и «Социология денег: экономическая теория, разум и современное общество» Н. Додда [Dodd 1994]. Назвать современной её можно, скорее, условно и акцентируя внимание главным образом не на её возрасте, а на различии с классическими представлениями о деньгах в рамках социологической теории, точнее, с их минимальным наличием. Недаром Р. Коллинз писал в рецензии на работу М. Мэйера «Банкиры» («The Bankers») (1976): «Деньги являются, без сомнения, единственной недостаточно исследованной категорией в социологии. Более того, ими, по всей видимости, пренебрегали все социальные науки. Социологи игнорировали их, как если бы они были недостаточно социологичны» [Collins 1979: 190].

³ Об этом могут свидетельствовать названия некоторых статей; например: «Laundering “Money”: On the Need for Conceptual Clarity within the Sociology of Money» («Отмывание денег: в поисках концептуальной ясности в социологии денег») Н. Додда (2005) [Dodd 2005a], «On the Underdevelopment of the ‘Sociology of Money’» («О “недоразвитости” социологии денег») Дж. Ингэма (1998) [Ingham 1998]. Несмотря на то что с момента написания упомянутых работ прошло много времени, дискуссии в области не стихают.

с конкретными денежными формами⁴ и не затрагивают аспектов сущности денег, то есть того, что отличает денежный обмен от других видов обмена. Проще говоря, исследования не дают ответа на вопрос, что есть деньги. Для того чтобы снять данную неопределённость, необходимы информационные аспекты, которые существуют только в денежном обмене (их мы рассмотрим подробнее ниже, при анализе концепции Н. Додда). В данной обзорной работе обсудим подходы к фундаментальной концептуализации денег в теориях Дж. Ингэма и Н. Додда, а также основные различия их подходов к проблеме определения сущности денег.

Мы начнем с товарной теории денег К. Менгера — главного объекта критики современной социологии денег. Отметив основные пункты, согласно которым данная теория «не работает», перейдём к рассмотрению подхода Дж. Ингэма. Н. Додд, соглашаясь с Ингэмом по фундаментальным различиям, критикует его идею ключевой роли государства в процессе социального производства денег. Данную критику мы рассмотрим вместе с основными соображениями Н. Додда о роли доверия в функционировании денежной системы. Затем перейдём к любопытной дискуссии (развернувшейся в основном на страницах журнала «Economy and Society») и проясним различия и сходства в теоретических позициях. В завершение поделимся размышлениями о возможности единого определения денег, опираясь на анализ Н. Додда различия между деньгами (*money*) и валютами (*currency*). На протяжении всей работы акцент делается на роли идей классиков и их различных интерпретациях.

Товарная теория денег К. Менгера и неопределённость конкретных денежных форм

В 1892 г. вышла известная статья основателя австрийской экономической школы К. Менгера, в которой он описал так называемую теорию естественного происхождения денег [Menger 1892]. Статья так и называлась: «О происхождении денег» («On The Origins of Money»). Данная работа является мишенью не только для современной социологии денег, но и для ряда экономистов [Smithin 2000; Гогохия 2016].

Менгер утверждал, что деньги стоят в ряду других товаров. Выделяются они высоким, в пределе — наивысшим, уровнем ликвидности, то есть возможности товара быть реализованным на рынке. Для Менгера товары не могут быть «сопоставлены в определённом отношении обмена» [Menger 1892: 243], так как существуют различные потребительские предпочтения (было бы правильнее сказать «полезности» или «потребительные стоимости»), которыми и обусловлена различная ликвидность. К тому же предпочтения зависят и от типа самих товаров, сезона обмена, характеристик рынка и т. д. Главным является следующий теоретический ход: бартерный обмен товарами сильно невыгоден экономическим агентам. «Даже в относительно простом и часто повторяющемся примере, в котором *A* желает приобрести товар, выпущенный *B*, а *B* желает товар, произведённый *C*, в то время как *C* хочет товар от *A*, даже здесь, в рамках простого бартера, обмен благами с необходимостью будет незавершённым» [Menger 1892: 242]. Проще говоря, издержки обмена слишком высоки, чтобы каждый раз договариваться о средстве обмена.

Нетрудно догадаться о следующем шаге Менгера: для минимизации издержек обмена и необходимы деньги! Для него совершенно очевидно, что должен возникнуть какой-то третий товар, который будет являться *средством обмена* для снижения издержек [Menger 1892: 247]. Этим товаром и являются деньги. Но какой именно предмет может нести функцию денег? Менгер отвечает: драгоценные металлы, что является универсальной характеристикой для разных обществ. Так или иначе, во всех обществах, с точки зрения Менгера, можно отмечать наличие драгоценных металлов в качестве средств обмена [Menger 1892: 252–255]. Итак, мы имеем универсальное средство обмена (деньги в форме дра-

⁴ «Эти вопросы (неопределённости) затрагивают специфические аспекты информации денежных транзакций скорее, чем абстрактных свойств денежных систем: неопределённость, к примеру, относительно будущей траектории (*path*) инфляции, обменный курс между валютами и ставки процента по займам» [Dodd 1994: xxvi].

гоценных металлов), товар, обладающий наивысшей ликвидностью среди других, использование которого значительно упрощает экономические сделки агентам. При этом стоимость денег обусловлена стоимостью того товара, из которого они сделаны.

Возникают два интересных момента. Первый: государство, законы или иные конвенциональные элементы⁵ вторичны по отношению к описанной выше цепочке. Законы, договорённости и прочее для Менгера представляются уже как бы «надстроечными» для процессов обмена. Только после того, как появился товар, наиболее ликвидный, возникает государственное (и иное социальное; для Менгера как для экономиста плохое, а, возможно, даже губительное) вмешательство в регулирование денежного обращения. Именно поэтому его теорию иногда называют естественной теорией происхождения денег.

Второй важный комментарий к теории К. Менгера касается объяснения возникновения денег в качестве *универсального* средства обмена. Экономическая рациональность агентов просто принуждает их реагировать на высокие издержки, поэтому со временем они приходят к необходимости введения денег в качестве универсального средства обмена. «Таким образом, их (денег) функция как товара, на который каждый может обменять рыночные товары, заключается <...> в намерении последующего обмена на товары, более выгодные для человека. Не случайность, не государственное вмешательство, не добровольное соглашение участников торговли, но только индивидуальный, эгоистический интерес обуславливает эту функцию <...>» [Menger 1892: 254]. Или, как пишет Д. Гогохия о теории Менгера: деньги появляются «как результат *свободного осмысленного* [Курсив наш. — Е. М., Д. Т.] выбора хозяйствующих субъектов» [Гогохия 2016: 80]. Иными словами, человеку нужно не просто выйти на рынок с товаром (что само по себе нетривиально), но и *додумать* до необходимости в универсальном средстве обмена. Оставим в стороне оценочные суждения о правдоподобности данного положения, однако попробуем немного развить логику данного аргумента.

Что должен сделать экономический агент, чтобы обеспечить себе обмен с минимальными издержками? Обмен необходимо *организовать*. Представим ситуацию, в которой два человека решили обменяться товарами *A* и *B*. Предположим, что вдвоём они додумались и поняли необходимость в некоем третьем товаре *C* для измерения стоимости своих товаров. Допустим, что у них в кармане оказалось золото в отлитых по весу слитках. Пусть они условились о цене. Но возникает вопрос: где гарантия того, что человек *D* будет использовать золото? Хорошо, с ним можно как-нибудь договориться, но что делать с остальными людьми, пусть даже в небольшом городе? Не исключено, что появится некий «оседлый бандит» [Olson 1993], который сможет обеспечить информацией других людей. Но почему тогда такой «бандит» в теории Менгера не играет важной роли в происхождении денег? Более того, зачем нужна индивидуальная рациональность, если есть «оседлый бандит»? Почему универсальное средство обмена возникает именно в результате индивидуальной рациональности, в то время как «оседлый бандит» является её следствием, а не наоборот?⁶

Уместно отметить, что анализ Менгера не принимает во внимание социальную распространённость тех аспектов информации, которую несут в себе денежные системы в отличие от бартерных. Как указывает Н. Додд, информационных аспектов, отличающих денежный обмен от бартера, можно выделить как минимум пять: (1) единая система меры стоимости; (2) уверенность в возможности использовать деньги в будущем; (3) пространственная распространённость (границы) использования денег; (4) правила договорных отношений; (5) знания о поведении других людей [Dodd 1994: xxiv]. В бартерном

⁵ Здесь Менгер использует слово «конвенциональные» (*conventional*), скорее, как некоторую внешнюю договорённость между людьми, что-то вроде «гражданского состояния» по Гоббсу.

⁶ На самом деле это вопросы социологического характера, поскольку речь идёт о распространении денег среди других людей, об их узнавании золота, например, в качестве денег. В социологии есть теория «органического» происхождения денег профессора К. Десан, см. подробнее: [Desan 2014; 2017].

обмене также присутствует определенная информация, но она связана с личным доверием к тем людям, с которыми конкретно осуществляется обмен. Товарная теория описывает денежные отношения как бартерные, поскольку считает деньги ещё одним товаром, пусть и наиболее ликвидным, однако не может различать (1) данные аспекты информации, характерные для денежного обмена, (2) денежный обмен от других форм обмена, а также не объясняет (3) то, как деньги становятся общераспространёнными. Товарная теория денег, не учитывая перечисленные информационные аспекты, не объясняет *неопределённость*, связанную с отсутствием данной информации в бартерном обмене, точнее, то, *каким образом эта неопределённость снимается* в денежном обмене. Иными словами, перечисленные выше информационные аспекты не определены в бартерном обмене, а товарная теория денег описывает денежный обмен так, как если бы он по своей сути ничем не отличался от бартерного. Для того чтобы понять, как преодолевается неопределённость в денежном обмене, необходимо определение сущности денег как абстрактной (общей) категории. Н. Додд считает, что рассмотренные выше аспекты информации «необходимы для генерирования доверия к *абстрактным характеристикам денег*» [Dodd 1994: xxiv–xxv]. В части, которая посвящена концепции Н. Додда (см. далее), мы подробнее разберём роль упомянутых информационных аспектов и доверия в денежных системах, а пока обратим внимание на два важных момента, связанных с товарной теорией денег, которые помогут нам сфокусироваться на основных различиях в дискуссии о природе денег в современной социологии.

Во-первых, Менгер использует метафору *товара* (оттого у него и товарная теория денег) для описания денег. Иными словами, он просто выделяет некий товар, обладающий наибольшей ликвидностью в качестве такого, который может функционировать как универсальное средство обмена. Таким образом, мы обнаруживаем *первое важное различие* в теории денег, и оно находится на уровне *метафоры*, то есть на уровне *базовой концептуализации* [Black 1954; Константиновский, Вахштайн, Куракин 2012], а потому представляет для нас особый интерес. Метафора товара диктует проиллюстрированную выше логику предельно экономцентричного анализа, где шаг первый — бартерный обмен невозможен из-за высоких издержек; шаг второй — различие переменной «ликвидность» как характеристики товаров; шаг третий — выделение наиболее ликвидного товара. Обязательная предпосылка в этом случае — экономическая рациональность и необходимость обмена (есть ещё несколько не столь важных дополнительных условий). Вторая метафора в теории денег, которая характерна для современной социологии, — метафора *процесса* [Dodd 2017a], эксплицированная в работах Н. Додда. При этом основным теоретическим ресурсом данной метафоры является теория Г. Зиммеля. Важно отметить, что речь идёт о метафорах денег, которые лежат в основе теории денег как *самостоятельных* теорий среднего уровня. (У Н. Додда есть обзор шести метафор денег в социальной теории *вообще*: товар, оброк (*tribute*), квантификация (*quantification*), дар (*mana*), язык и насилие [Dodd 2014: 47].)

Во-вторых, в данном разделе мы акцентируем внимание на двух функциях денег. Выше курсивом выделены функции «*мера стоимости*» и «*средство обмена*». Как писал В. В. Радаев, «деньги — это то, что выполняет функцию денег» [Радаев 2005: 373]. К функциям денег, как правило, относят также возможность быть *средством накопления* и *средством платежа*. Здесь мы обнаруживаем *второе важное различие* в теории денег, уже на функциональном уровне [Dodd 1994: xiv–xix]. Одной из главных проблем теории Менгера, да и товарных «эволюционных» объяснений денег шире (например, у А. Смита), является то, что функция средства обмена представляется в качестве ключевой в объяснении происхождения денег. Деньги возникают именно в процессе упорядочения обмена, считают приверженцы этого подхода, либо вообще «сбрасываются на вертолёт», по известному выражению М. Фридмана [Friedman 1969: 4].

Заметим, что эти два уровня различий связаны: речь идёт о базовом определении денег, которое предопределяет дальнейшее направление анализа. Если в первом случае мы говорили о метафорах, то во втором — о функциях. Возможно, покажется, что это совершенно разные вещи (с аналитической точки

зрения), но в случае такого сложного объекта, как деньги, это не совсем так. Не зря Н. Додд писал по этому поводу следующее: «Очень сложно уйти от [одновременного] осмысления денег как от обозначения предмета, который мы имеем, и действий [которые мы с ними совершаем]» [Dodd 2017a: 291].

Теория Менгера, как и ортодоксальный экономический подход к деньгам, неоднократно критиковалась [Ingham 2000; 2004; Smithin 2000; Зелизер 2004; Гогохия 2016; Dodd 2014]. Однако позиции исследователей, будучи схожими в критическом анализе товарной теории денег, зачастую разнятся по другим вопросам. Критику мы найдём и у Н. Додда, и у Дж. Ингэма. Н. Додд акцентирует внимание на актуальности идей Г. Зиммеля и вслед за ним предлагает анализ денег как идеи, ключевую роль в поддержании которой играет доверие. Дж. Ингэм идёт в направлении кредитной теории денег, а также ключевой роли государства в обеспечении кредита.

«Философия денег» Г. Зиммеля и два потенциальных ответа на вопрос о сущности денег

Кардинально другой взгляд на деньги можно найти уже в начале XX века в работе классика социологии Г. Зиммеля «Философия денег» («The Philosophy of Money»; 1900) [Simmel 2011]. Будучи мастером эссе, Зиммель в данном случае прибегает к необычному для него формату большой книги объёмом около 600 страниц и с целостным теоретическим стержнем, предлагая обширную теорию денег, «абстрактную философскую конструкцию» [Simmel 2011: 55].

Обсуждение идей Г. Зиммеля в анализе денег актуально не только потому, что его соображения представляют собой философский и социологический интерес, но также потому, что являются центральными для нашей работы, задача которой — рассмотреть дискуссию о природе денег между Н. Доддом и Дж. Ингэмом. Именно работа Г. Зиммеля, в особенности её вторая глава — «Философия денег», даёт основания для обнаружения не только общих отправных точек концепций Додда и Ингэма, но и разногласий в вопросе о ключевой характеристике денежных систем — ключевой роли в их функционировании государства (авторитета) или доверия (см., например, работу Н. Додда «О чистом концепте денег Зиммеля: ответ Ингэму» [Dodd 2007], в которой он обозначает разногласия с Дж. Ингэмом в прочтении главы «Философия денег»).

Теория денег Зиммеля начинается с теории стоимости и (или) ценности⁷, которая связана с более глубоким различием субъекта и объекта. По Зиммелю, это различие изначально не заложено в сознании человека и появляется как результат формирования желания (*desire*) о некоей вещи, которое осознаётся в связи с сопротивлением (*resistance*) возможности овладеть ею; именно тогда возникает осознание вещи как чего-то противостоящего субъекту, того, что находится вне его сознания. Сущность ценности заключается в сопротивлении объекта овладению им, а деньги являются *средством измерения* этого сопротивления. Важно, что ценность, будучи субъективной категорией, проецируется субъектом на объект: для Зиммеля объекты изначально нейтральны, поэтому было бы ошибочно в теоретическом плане считать, что объекты обладают ценностью. При этом в практическом смысле ценность воспринимается именно как характеристика объекта. «Объектами сложно овладеть не потому, что они обладают ценностью, но мы называем те объекты ценными, которые противостоят нашему желанию овладеть ими. Когда желание встречает сопротивление, объекты обретают значение, которое

⁷ В английском языке ценность и стоимость часто обозначаются одним словом *value*. К примеру, в предисловии к «Философии денег» Д. Фризби читаем на одной странице [Frisby 2011: 27]: *the labor theory of value* (трудовая теория стоимости Маркса; см.: [Маркс 2018]) и *the subjectivist theory of value* (субъективная теория ценности Зиммеля в переводе А. Ф. Филиппова [Зиммель 2015]). В немецком *der Wert* также означает как стоимость, так и ценность (см. подробнее: [Вебер 2020]). Придерживаясь конвенционального способа употребления, мы далее будем использовать словосочетания «теория ценности», имея в виду Г. Зиммеля, и «теория стоимости», имея в виду К. Маркса, если не указано иное.

не было бы присвоено им без данного желания» [Simmel 2011: 69]. Н. Додд отмечает, что теория Зиммеля даёт возможность интерпретативного понимания денег, которое отличается и от теории денег, представленной у Маркса, фокусирующей внимание на производстве товаров, и от представлений неоклассических экономистов [Dodd 1994].

Первоначально «Философия денег» имела название «Психология денег», на что указывает Д. Фризби, переводчик и исследователь работ Г. Зиммеля [Frisby 2011: xiv]. Действительно, в субъективной теории ценности можно найти психологические факторы: процесс столкновения желания с объектом формируется на уровне индивидуального сознания, как и измерение ценности. Это означает, что деньги играют роль меры стоимости — базовой функции денег для Дж. Ингэма, да и для Н. Додда, пожалуй, — на психологическом уровне. У Зиммеля в *субъективной теории ценности* нет выхода на деньги как единую систему измерений, обеспеченную государством. Это психологический процесс.

Анализ денег с точки зрения социального Зиммель начинает с обмена. Различные субъекты обладают различными объектами, которые имеют разную ценность для них, и это вынуждает перейти к обмену. Означает ли это, что Зиммель повторяет ошибку классиков экономической теории? Отличительной чертой его анализа является включение третьей стороны, «сверхиндивидуальной формы <...> которая может принимать разные вариации: от материальной реальности до простых идей и воображаемых конструктов; от комплексных организаций до индивидуального существования» [Simmel 2011: 184]. И к одной из таких форм относятся деньги: «<...> Деньги принадлежат к категориям утончённых социальных функций. Функция обмена как посредничества между индивидами кристаллизуется в форму денег как независимую структуру. Обмен продуктами труда или другой собственностью очевидно является одной из простейших форм человеческой социализации; в данном смысле “общество” не существовало до актов обмена, напротив, обмен — функция, которая создаёт связь между людьми, то есть формирует общество в смысле простого собрания индивидов. Общество не есть абсолютная целостность, которая должна предшествовать индивидуальным отношениям его членов <...>. Общество — это просто синтез, обозначение тотальности этих специфических интеракций. Любая единичная из этих интеракций, конечно, может прерваться, и общество продолжит существовать, но только если достаточное количество интеракций сохранится. Если все интеракции прекращаются, общество перестаёт существовать» [Simmel 2011: 187].

Онтологически деньги у Зиммеля принадлежат не к категории товаров, как это было у неоклассиков, а к категории социальных «сверхиндивидуальных форм», являются одной из таких форм, ставшей самостоятельной структурой. В этом разительное отличие философии денег Зиммеля от товарной теории денег, хотя он и начинает с обмена между людьми, а деньги рассматривает как средство обмена. Социальная функция денег у Зиммеля — это обмен, однако на «сверхиндивидуальном» уровне. Поставить точку на том, что деньги выполняют лишь функцию обмена, означало бы совершенно неверное понимание позиции Зиммеля и приравнивало бы её к позиции неоклассиков. Зиммель пишет далее: «Абстрактный обмен, в отличие от конкретного реального обмена <...> может возникнуть только при условии, что обмен станет чем-то другим, нежели отдельным (*private*) процессом между двумя людьми, ограниченным индивидуальными действиями. Эта новая и более широкая характеристика обмена возникает, когда ценность обмена для одной стороны не является таковой для другой, но обретает себя через требование на *определение других ценностей* (*claim upon other definite values*); требование (*claim*), реализация которого зависит от экономического *сообщества* как целого, или от *государства*, его репрезентирующего. Когда бартер заменяется денежным обменом, выделяется третий фактор между двумя сторонами: сообщество как целое, обеспечивающее реальную ценность, которой соответствуют деньги» [Simmel 2011: 189].

Иначе говоря, ценность объектов на социальном уровне обретается только через *соотношение с другими ценностями*. И было бы неверно говорить, что главная функция денег — средство обмена: этот обмен невозможен без соотнесения ценности, реализуемой в нём, с другими ценностями, то есть без выполнения функции меры стоимости.

Обратим внимание на важную развилку⁸, выделенную выше курсивом в цитате из Зиммеля и являющуюся важной для дальнейшего обсуждения: это требование (*claim*) единого измерения, через которое деньги обретают свою сущность, может быть выполнено *либо сообществом, либо государством*. Дело в том, что Зиммель предоставляет важную теоретическую базу для понимания сущностных аспектов денег как самостоятельной системы. Его влияние очевидно сказывается на работах как Дж. Ингэма, так и Н. Додда. К примеру, Н. Додд пишет следующее: «Идеи Г. Зиммеля дают важное представление о том, как может развиваться системный подход к изучению денег в социологии» [Dodd 1994: 42]. Особенно важно, что Зиммель считал: деньги обретают свою ценность не из свойств тех предметов, в форме которых они существуют (например, золота), а из социально-психологических характеристик, как мы указали выше. Однако, будучи схожими в вопросе ценности денег и их определении как «требование к обществу» (*claim upon society* [Simmel 2011: 190]⁹), позиции Дж. Ингэма и Н. Додда различаются в отношении той развилки, на которую мы обратили внимание.

В следующих словах Зиммеля также видна эта развилка: «<...> Отношения, которые *владелец* (owner) денег и *продавец* (seller), имеют с *социальной группой*, это требование обслуживания (*claim to a service*) первого и доверие второго тому, что требование будет соблюдено» [Simmel 2011: 190]. Возникает вопрос: кто обеспечивает данное «требование к обществу»? С точки зрения Дж. Ингэма, оно гарантируется государством (или авторитетом), которое выпускает деньги в качестве кредита. Именно государство, как мы увидим из анализа работ Ингэма, может распространить информацию, необходимую для создания денежной системы. Это именно та специфическая информация, отличающая денежную систему от любого другого обмена, согласно Н. Додду. Неопределённость, связанная с отсутствием данной информации, снимается с помощью государства в концепции Дж. Ингэма и с помощью доверия у Н. Додда. Перейдём к поочерёднему обсуждению их позиций.

Решение Дж. Ингэма: государство и кредитная теория денег

Работы британского экономсоциолога Дж. Ингэма вышли чуть позднее книг «Социальное значение денег» В. Зелизера и «Социология денег: экономическая теория, разум и современное общество» Н. Додда. В 1996 г. выходит статья Ингэма «Деньги как социальное отношение» («Money as a Social Relation») [Ingham 1996]; в 2004 г. — его основная книга «Природа денег» («The Nature of Money») [Ingham 2004]. В данной части статьи опишем в общих чертах подход Ингэма, достаточно консистентный, ссылаясь на различные его работы. Последняя часть статьи посвящена дискуссии с Н. Доддом, где будет важен хронологический порядок публикаций.

По мнению Ингэма, «мейнстримный экономический анализ не обладает адекватной *онтологической* [Курсив наш. — Е. М., Д. Т.] теорией денег» [Ingham 1996: 505]. Работы Ингэма содержат критику товарной теории денег; с помощью данной он обосновывает свои основные идеи. Обратим внимание на то, что уже на базовом уровне концептуализации — «онтологической теории» — Ингэм находит «неадекватность» ортодоксального экономического подхода. Какую же онтологию денег предлагает сам Ингэм?

⁸ Эту же развилку описывает С. Г. Фрэнкел как «две философии денег», связывая доверие с Г. Зиммелем, а государство — с Дж. М. Кейнсом [Frankel 1977]. Однако, как видим, у Г. Зиммеля есть оба потенциальных решения.

⁹ Сложное для перевода, но популярное определение Г. Зиммеля.

«Деньги суть социальное отношение», — считает Ингэм [Ingham 1996: 510] и полагает, что все деньги являются кредитом [Ingham 2000], который покоится на социальном фундаменте «обещания в возврате денег» [Ingham 1996: 510]. К данной идее его приводит ряд размышлений.

Неоклассическая товарная теория денег, мы это уже отмечали, не может объяснить, как деньги становятся общераспространёнными. Денежный обмен обязательно включает третью сторону: социальные институты, которые производят «конвенциональный базис» функционирования денег [Ingham 2000: 30]. Из экономической рациональности агентов невозможно вывести универсальность денег: в этом Ингэм видит фундаментальную противоречивость неоклассической модели [Ingham 2000]. Использовать деньги можно, только будучи уверенным в том, что их *вероятно реализовать* в обмене, причём не в настоящий момент, а в будущем. В этом смысле особую роль обретает функция *средства накопления*. В данных положениях прослеживается влияние идей Кейнса: использование денег людьми обусловлено стремлением к снижению неопределённости в будущем, деньги являются «утончённым предметом, соединяющим настоящее и будущее» [Keynes 2008: 269]. «Эффективность денег как средства накопления покоится по большей части на убеждении в определённом порядке действий, основанном, в свою очередь, на вере в то, что *другие продолжат* в будущем принимать деньги» [Ingham 2000: 29]. В данной линии размышления уже прослеживается выход на социологический предмет и проясняется идея денег как социального отношения.

Однако не функция средства накопления является ключевой для Ингэма. Кто обеспечивает надёжность того, что деньги будут использоваться и в будущем? Ответ Ингэма: государство. Его теорию поэтому называют неохартулистукой [Dodd 2014: 106]. Именно государство (не без помощи банков) обеспечивает гарантию функционирования денег, что выражается функцией единиц счёта и (или) меры стоимости. Ингэм использует разные обозначения одной функции по своей сути: *money of account; unit of account; measure of value*. Возможность быть мерой стоимости не является простым следствием функции средства обмена. На более фундаментальном уровне это означает именно использование денег в качестве механизма оценки стоимостей товаров и их сопоставления в единой системе *единиц счёта* (*account* не как расчёт с кем-то, а как «счёт», «считать» что-то). Это важно для Ингэма: условием обмена является необходимость посчитать стоимость товара, для чего необходимы деньги как единицы счёта. Возможность единой системы измерения ценности — это то, что отличает деньги как *товар* в их материальности от денег как *идеи*, то есть средства счёта. (Ингэм заимствует данное различие у Кейнса, но с некоторой модификацией: у Кейнса есть различие на конкретные денежные формы (которые он называет *money*) и деньги как система меры стоимостей (*money of account* в его терминах) [Keynes 2013: 3], в то время как Ингэм употребляет *money-proper* или *money-stuff* [Ingham 2006] в качестве *конкретных форм денег* и *money of account* для обозначения *абстрактной меры стоимости* [Ingham 2012: 124]. Под деньгами в аналитическом смысле имеется в виду именно второе значение в данной схеме¹⁰. Произвести и социально закрепить эту идею способна только внешняя по отношению к участникам обмена организация — третья сторона. «Модель простого бартерного обмена может быть только двусторонней и не способна точно описать какую-либо исторически реальную экономическую систему любой сложности (*complexity*). Многосторонний обмен (*multilateral*) должен включать *деньги* в качестве, как минимум, единиц счёта (*units of account*)» [Ingham 1996: 526]. Денежный обмен всегда многосторонний, так как речь идёт не об обмене между двумя конкретными людьми, но об их отношении к третьей стороне (государству), которая обеспечивает возможность системы, в рамках которой выполняется способ счёта, а уже на этом фундаменте вероятен обмен [Ingham 2012].

¹⁰ Дж. М. Кейнс на первых страницах «Трактата о деньгах» вводит различие между деньгами (*money*) и средством счёта (*money of account*): «Средство счёта (*money of account*) является описанием, или идеей, а деньги суть вещь, соответствующая своему описанию» [Keynes 2013: 3]. Это приводит нас к более серьёзной проблеме единого определения денег [Dodd 2005a]. Однако Н. Додд в статье 2005 г. отмечает, что именно Ингэм предлагает единое определение денег: это закреплённая официально государством валюта, и в этом определении — главная проблема его теории.

Ингэм говорит о двух противоречиях, которые содержатся в неоклассическом анализе денег, — историческом и логическом¹¹ [Ingham 2012: 124]. «Денежная практика берёт своё логическое начало в качестве средства расчёта, и её исторические истоки — в хартальных деньгах, выпущенных ранними империями. Она не является, в противоположность мнению Менгера, естественным продуктом рынка» [Ingham 2000: 27]. Нам нет необходимости углубляться в данную аргументацию, однако следующий абзац разъясняет один важный момент¹².

Товарная теория, выводящая деньги из экономической рациональности агентов, акцентирует внимание на функции универсального средства обмена (мера стоимости в данном случае производна от рациональности агентов), что согласуется с метафорой денег как *товара*. Иными словами, в данной трактовке деньги представляют собой *вещь*. Напротив, акцентируя внимание на функции средства расчёта и средства накопления, Ингэм указывает на то, что деньги — это *кредит*, а более широко — *идея*. Представляется уместным высказать наш основной тезис: *базовая метафора денег как идеи присутствует там, где на первое место ставятся функции средства расчёта и средства накопления*.

Деньги, согласно Ингэму, это кредит, который поддерживается государством путём установления единого средства расчёта. Идея кредита объединяет две важные для Ингэма функции денег — как средства счёта и средства накопления. Государство или банк (важно, что *третья сторона*) обеспечивает систему счёта, в рамках которой выдаётся кредит. В момент выдачи кредита возникает временная перспектива, которая связывает «настоящее и будущее», по Кейнсу, то есть гарантирует функцию средства накопления: так, выдавая кредит, государство закрепляет то, что в будущем данное средство счёта будет также использоваться. Иначе в чём тогда задолжник будет возвращать кредитору долг? Иными словами, благодаря кредиту возможно наличие надёжности и «конвенционального базиса хранения денег» [Ingham 2000: 30]. Но Ингэм делает более радикальный шаг: он заявляет, что *все деньги — это кредит* [Ingham 1996; 2009]. И «примитивные» деньги, и современные деньги подчиняются логике кредита. Схема, описанная выше, релевантна и для примитивных денег: у них тоже есть гарант (*issuer*), который закрепляет их как способ измерения абстрактной (в смысле, противостоящему конкретному) стоимости (ценности). Это есть третья сторона, которая связывает отношения кредитора (*creditor*) и должника (*debtor*), а на более абстрактном уровне превращает двусторонний обмен в многосторонний, являющийся таковым потому, что включает доверие двух сторон обмена не только друг к другу, но ещё и к системе, обеспечивающей возможность и гарантирующей средство счёта, то есть собственно деньги (*money of account*) в смысле Ингэма. Таким образом, помимо межличностного доверия, в многостороннем денежном обмене необходимо *безличное доверие* [Ingham 2000; 2009] к третьей стороне. К данному тезису Ингэм приходит через Зиммеля, цитируя фрагмент из «Философии денег»: «Ключевой момент в анализе взаимодействия двух сторон отдаляет нас от прямого контакта между ними и ведёт в направлении отношений, которые существуют между каждой стороной и <...> экономическим сообществом (*economic community*), принимающим деньги <...> которые представляют собой не более чем требование к обществу» [Ingham 1996: 526]. Для социологического анализа особый интерес представляют процессы конструирования безличного доверия к деньгам с помощью различных социальных механизмов — социальных связей, институционального доверия и т. д. [Макаров 2020].

¹¹ Логическое противоречие связано с тем, что ортодоксальная экономическая теория не может объяснить возникновение единой меры стоимости исходя из того, что деньги появляются как товар, наиболее ликвидный в обмене. Не выдерживает критики и то положение, что определённый товар становится деньгами, потому что он более ликвидный (см.: [Ingham 2004: 49]). С этими размышлениями связана идея о необходимости третьей стороны в гарантировании способа измерения стоимости, её Дж. Ингэм заимствует у представителя классического хартализма Г. Ф. Кнаппа [Knapp 1924].

¹² В связи с этим особенно интересно рассуждение о том, как различные теории денег включались в борьбу за производство денег: сторонники привязки к золотовалютному стандарту разделяли товарную теорию денег; представители кредитной теории настаивали на том, что в золотовалютном стандарте нет необходимости, так как все деньги являются кредитом (см. подробнее: [Ingham 2004: 39–49]).

Следует более подробно остановиться на роли банков и государства, то есть третьей стороны. Центральную роль Ингэм отводит государству, что не раз отмечалось авторами [Гансман 2005: 104; Dodd 2005a: 395]. В концепции Ингэма в социальном производстве денег участвуют три стороны — заёмщики, кредиторы и государство (а также центральный банк как посредник между ними). Вполне ожидаемо, что государство оказывается гарантом валюты¹³: «Марка государства не гарантирует наличие металлического стандарта, но просто обозначает то, что государство будет принимать данные знаки (*tokens*) как платёжные или кредитные средства <...> Металлические монеты были, как и все остальные формы денег, кредитным инструментом, отражающим абстрактную стоимость (*value*) покупательной способности» [Ingham 2004: 46].

Важная роль отводится взаимодействию между сторонами. Заимствуя идею М. Вебера об «экономической борьбе» [Weber 1978: 108; Dodd 2005a: 395], Ингэм акцентирует внимание на социальном производстве денег как кредита в процессе борьбы между группами: «Деньги производятся в процессе борьбы за власть <...> и ценность (*value*) денег является прямым следствием данной борьбы» [Ingham 2004: 78]. Данная борьба определяет тот «формат», в котором функционируют деньги. Ингэм выделяет ещё одну сторону социального производства денег: «технологические средства, доступные для хранения и транспортировки абстрактной стоимости (*abstract value*)» [Ingham 2004: 78]. В этом явно прослеживаются потенциальные концептуализации электронных денег [Ferreira, Perry 2019], пластиковых карт [Guseva, Rona-Tas 2017], криптовалют [Dodd 2017b] и других современных форм денег, которые производятся на основе технологических новаций последних лет.

Итак, резюмируя описание подхода Дж. Ингэма, стоит отметить следующее: (1) разрыв с ортодоксальной экономической теорией денег; (2) утверждение, что все деньги — кредит; (3) главная функция денег — средство счёта (мера стоимости); (4) деньги социально производятся в процессе происходящей между кредиторами, заёмщиками и государством как гарантом финансовой системы борьбы за регулирование размеров долга. При этом государство обеспечивает обещание в возврате денег в будущем, позволяя официально производить кредит и, таким образом, гарантируя использование данных средств в будущем. В такой же логике работает функция средства накопления: она также снижает неопределённость будущего относительно надёжности финансовой системы. Из теории Дж. Ингэма следует, что при переизбытке кредита (точнее сказать, при «закредитованности») повышается уровень инфляции, при большем накоплении — дефляции [Ingham 2004: 83–84]. Следовательно, первое состояние повышает вероятность финансовых кризисов: оно является следствием неустойчивости борьбы за производство кредита. Мировой финансовый кризис 2008 г. стимулировал множество работ по теории денег, одной из которых стала книга «Социальная жизнь денег» Н. Додда [Dodd 2014].

Решение Н. Додда: доверие к денежной системе

«Теория, которую я предлагаю, — писал Дж. М. Кейнс, — имеет дело <...> с экономикой, где деньги — *самостоятельный элемент* [Курсив здесь и далее наш. — Е. М., Д. Т.], они влияют на мотивы и решения людей и, короче говоря, являются действенным фактором экономической ситуации. Ход событий невозможно предсказать как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде, не имея знания о *поведении* денег на различных стадиях» [Keynes 1973: 408]. Напомним, что эти слова принадлежат человеку, спасшему капитализм. Идеи Дж. М. Кейнса оказались очень эффективными и своевременными во время Великой депрессии и помогли выйти из неё.

¹³ Важно обратить внимание на различие слов *currency* и *money*. В русском языке самым близким аналогом данного различия является «валюта — деньги». Затрудняется понимание прежде всего тем фактом, что *currency* может быть переведено как «денежные единицы», но в данном случае Додд имеет в виду именно валюту как государственно закреплённую форму денег. Вопрос об оппозиции денег и валют подробно обсуждается в работе Н. Додда, где он проанализировал позиции основных теоретиков на предмет этого различия [Dodd 2005a]. У Дж. Ингэма, конечно, эти различия объединяются: не бывает негосударственных денег; деньги — это валюта.

В периоды финансовых кризисов отмечается активное обращение к идеям Кейнса [Skidelsky 2009; Розмаинский 2016]. А ведь помимо идей, изложенных в «Общей теории занятости, процента и денег» («General Theory of Employment, Interests and Money»; 1933), Кейнс в «Трактате о деньгах» («A Treatise on Money»; 1930) предложил альтернативный подход к анализу денег, который мы отчасти затронули, обсуждая работы Дж. Ингэма. Связаны ли эти два факта — эффективность идей Кейнса в кризисных ситуациях и предложенная им альтернативная концепция денег, так полюбившаяся Дж. Ингэму? Пока просто обратим внимание на данный вопрос.

Финансовый кризис 2008 г. стимулировал активный интерес социологов и экономистов к проблемам финансового регулирования и природы денег. Одним из результатов этого интереса стала вышедшая в 2014 г. работа «Социальная жизнь денег» Н. Додда [Dodd 2014]. Помимо пересмотра природы денег и интереса к фундаментальному осмыслению данного феномена под влиянием кризисов, Н. Додда и Дж. М. Кейнса объединяет ещё одна интересная теоретическая интуиция — временная перспектива денег. Мы уже отмечали, что Кейнс видел в деньгах как средстве накопления и счёта (меры стоимости) важнейший элемент, связывающий настоящее и будущее [Keynes 2013]. В выпуске кредита гарантировано будущее использование денег (или просто — будущее денег). Н. Додд также рассматривает будущее денег, только в другом ракурсе — решая проблему связи утопических идей и теории денег [Dodd 2014: 316–384; 2017a].

Свою первую работу «Социология денег: экономическая теория, разум и современное общество» («The Sociology of Money: Economics, Reason and Contemporary Society»; 1994) Н. Додд начинает с проблемы демаркации денег: «Простой тест любой дефиниции денег — спросить, помогает ли она различить деньги и неденьги» [Dodd 1994: xiv]. Додд также затрагивает эту проблему в рамках своей дискуссионной работы, посвящённой анализу различных определений денег в современной теории с помощью различения между деньгами (*money*) и валютой (*currency*) [Dodd 2005b]. Ожидаемо, что классический и неоклассический экономический анализ, принимая за базовую точку товарную теорию денег, не проходит предложенный Доддом тест. Невозможно различить деньги и неденьги в данном подходе, так как необъяснённым останется не только то, что в качестве денег используются разные товары, но и почему только некоторые товары начинают совмещать в себе *все функции одновременно* (Н. Додд как пример приводит жителей островов Япа, использовавших камни в качестве средства накопления, однако их тяжёлый вес накладывал явные ограничения обмена с их помощью [Dodd 1994: xvi]).

Н. Додд описывает трудность, с которой сталкивается неоклассический подход к анализу денег в рамках экономической теории, в терминах «неопределённости, связанной с отсутствием информации, формирующей базис принятия решений и позволяет продолжать с уверенностью или, возможно, прекратить экономический обмен» [Dodd 1994: xxv]. Проблема неопределённости, как было отмечено выше, состоит в отсутствии в бартерном обмене определённых информационных аспектов, характерных исключительно для денежных систем; объяснить, как денежные системы приобретают данные сущностные свойства, товарная теория денег не способна. Остановимся подробнее на этой специфической информации, характерной для денежных систем.

Итак, Н. Додд описывает пять типов информационных аспектов, которые делают денежный обмен таковым. «Во-первых, денежные сети (*networks*) должны содержать стандартизованную и позволяющую ей обмениваться с чем угодно в терминах данного порядка систему счёта, в которой каждая денежная форма внутри сети делима (*divisible*)» [Dodd 1994: xxiv]. Данный аспект мы рассмотрели и в разделе о Г. Зиммеле и в части о концепции Дж. Ингэма: для Додда и Ингэма главная функция денег — мера стоимости, в этом заключается основная характеристика денег. «Во-вторых, сеть должна содержать информацию, из которой могут быть выведены ожидания относительно будущего, или, точнее, взаимосвязь денег с непрерывностью во времени» [Dodd 1994: xxiv] (о временной неопределённо-

сти денег мы также уже говорили выше). «В-третьих, денежная сеть должна зависеть от информации, связанной с её пространственными характеристиками¹⁴ <...> В-четвёртых, сеть должна быть основана на юридической информации, обычно в форме правил, касающихся статуса договорных отношений (в рамках данной системы) <...> И последнее: операции внутри сети предполагают знание о поведении и ожиданиях других участников транзакций» [Dodd 1994: xxiv]. Как мы видели, данные аспекты также выделялись Дж. Ингэмом. Главное отличие концепции Н. Додда заключается в следующем утверждении, которое уже цитировалось выше, но теперь отметим другой акцент: «Данные аспекты информации необходимы для генерирования *доверия* [Курсив наш. — *Е. М., Д. Т.*] к абстрактным характеристикам денег» [Dodd 1994: xxiv–xxv]. Именно *доверие* является для Додда тем, что поддерживает существование всех абстрактных характеристик денег.

Проблема неопределённости, связанная с отсутствием информации, как отмечал Т. Парсонс, решается с помощью институционализации социальных взаимодействий [Парсонс 2018]. Но институционализация в данном случае — это не просто установление правил игры, как она зачастую понимается в неoinституциональной экономике (см., например, работу Э. Остром, за которую в 2009 г. была присуждена Нобелевская премия [Остром 2019]). Скорее, подходит определение института, данное М. Дуглас: легитимированная социальная группа [Дуглас 2020: 115]. Иными словами, именно отсылка к социальной группе даёт человеку понимание правил и рождает действия, сообразные им, а также становится фактором безличного доверия к денежной системе, через которую на самом деле группа доверяет каждому пользователю денежной сети. Теперь сравним это соображение со следующим пассажем Зиммеля: «<...> Природа денег <...> заключается в том факте, что деньги есть реификация обмена между людьми» [Simmel 2011: 188]. Становится понятно, что деньги как социальный институт [Ingham 1996] и есть реифицированная и легитимированная социальная группа.

Н. Додд считает, что не всегда «экономическое сообщество» должно быть репрезентировано государством. Необязательно решать проблему неопределённости в её временном аспекте с помощью выдачи кредита со стороны государства: ключевая характеристика денежной системы — это доверие сообществу как идее, то есть безличное доверие. Да и с пространственным аспектом сегодня возникают вопросы: если национальное государство модерна ассоциировалось с жёсткой территорией, в рамках которой циркулировали национальные валюты, то сегодня явно возникают тенденции к размыванию национальных границ, актуализируются идеи множественности сообществ [Вирно 2013], что с точки зрения денежной системы проявляется в создании финансовых систем «локальных сообществ», независимых от регулирования государством (в том числе от криптовалют) [Dodd 2017b].

Итак, ключевым фактором в функционировании денежной системы Н. Додд считает доверие. Причём важно различать «доверие как необходимую характеристику денег в общем и доверие к стабильности и надёжности конкретной формы денег» [Dodd 1994: 140]. Если доверие к конкретной форме денег может и должно ассоциироваться с доверием к конкретным организациям и социальным институтам, регулирующим её распределение [Dodd 2007; Макаров 2020], то на более фундаментальном уровне речь идёт о другом. Н. Додд пишет: «Денежные отношения обладают доверительным (*fiduciary*) компонентом, несводимым к преследованию собственного экономического интереса индивидами и фирмами, к роли государства в выпуске и обеспечении стабильности конкретной формы денег или к нормативным принципам, объединяющим общества, сообщества и социальные группы» [Dodd 1994: 157]. Доверие к деньгам в общем связано с абстрактным желанием обладания ими. «Доверие фундаментально зависит от символических и идеациональных (*ideational*) характеристик денег, которые не проецируются в них как необходимая целостность, но <...> являются неотъемлемой частью их природы как экономическо-го инструмента и основания для желания обладать ими» [Dodd 1994: 162].

¹⁴ В пространственном аспекте финансовых систем эпохи модерна особую роль играют формирование национального воображения [Андерсон 2016] и создание национальных армий [Dodd 1994: 30–36; Тилли 2009].

Идеи Н. Додда актуализируются в связи с распространением денежных систем, не связанных с государственным регулированием. Есть два примера: локальные валюты (торговые системы местного обмена — *local exchange trade system*, LETS) [Dodd 2014: 84–87] и биткоин [Dodd 2017b], в создании которых государство (или авторитет) не играет никакой роли. Ключевая роль в них, действительно, должна быть отдана доверию сообщества к денежной системе, то есть безличному доверию. Фактически вопрос должен быть поставлен следующим образом: может ли возникнуть в сообществе на основе только лишь доверительного компонента, его свободной мобилизации и без участия внешнего авторитета денежная система, которая обладает, по словам Дж. Ингэма, свойством денежности (*moneyness*) [Ingham 2000: 22], а также, согласно Зиммелю, будет соответствовать определению как требования к обществу? Ведь информационные аспекты денежного обмена проще всего распространить централизованной силе, то есть государству.

Как показывают работы Н. Додда, такие системы, как Биткоин и LETS, существуют именно на основе доверия и без участия авторитета¹⁵. Сторонники биткоина считают, что производство денег возможно без участия банков и государства, но только технологии стоит доверить такую серьёзную работу, как производство денег [Dodd 2017b: 5]. Фундаментальное противоречие, которое Н. Додд видит в биткоине, это противоречие между биткоином как *идеологией* и биткоином как *денежной системой* [Dodd 2017b: 3]. С точки зрения идеологии гарантом «требования к обществу» является технология. Однако, с точки зрения Н. Додда, за функционирование Биткоина как денежной системы отвечает именно *доверие* участников сообщества к тому, что *другие будут использовать* биткоин, в том числе «майнить» его для его распространения. Сеть криптовалют держится на *безличном доверии*, без участия авторитета государства и банков.

Таким образом, развилка, которую мы обнаружили в «Философии денег» Г. Зиммеля, содержит два разных ответа на вопрос: «Кто обеспечивает это “требование к обществу”?» [Simmel 2011: 190]. Первый ответ предполагает обязательное наличие государства как гаранта функционирования денег через кредит; второй — доверие к денежной системе как социальному институту, то есть сообществу как идее. Совместимы ли эти ответы? На наш взгляд, это разные концептуализации денег, которые диктуют разные логики в этом вопросе, поэтому на теоретическом уровне не стоит их смешивать, хотя есть соблазн сказать, что оба подхода верны и один без другого невозможен. Можно провести простой тест, который обнаружит, что в концепции Дж. Ингэма деньги не смогут существовать без государственного кредита, тогда как доверие, конечно, важно, но не является необходимым условием. И наоборот, если убрать доверие у Н. Додда, то сразу исчезнут и сами деньги. Не важно, закреплены они государством или нет, но если индивиды не доверяют деньгам, то и сама их сущность (или, как её называет Дж. Ингэм, «денежность» [Ingham 2000: 22]) исчезает. Продемонстрируем логику этих размышлений, обратившись к анализу одной теоретической дискуссии.

Социальная жизнь денег: государство или доверие?

В 2005 г. выходят две статьи Н. Додда, в которых он анализирует разные концептуализации денег с точки зрения различия *money* и *currency*. Одна из них была напечатана в издании «European Journal of Sociology» [Dodd 2005a], другая — в журнале «Economy and Society» [Dodd 2005b]. Во втором из этих журналов завязывается интересная теоретическая дискуссия: на статью Додда отреагировали В. Зелизер [Zelizer 2005] и Дж. Ингэм [Ingham 2006], причём работа Ингэма адресована ещё и К. Лапавитсасу

¹⁵ Существование таких систем способно провоцировать серьёзный конфликт со стороны государства; например, кейс с криптовалютой «колионы» в русском селе Колионово: местный житель создал криптовалюту, к которой привязал всю экономику села. Все расчёты осуществлялись в «колионах», налоги государству не платились. Конечно, это вызвало быструю реакцию со стороны государства: создатель этой системы Михаил Шляпников был привлечён к судебным разбирательствам, а сама данная криптовалюта запрещена на территории России.

[Lapavitsas 2005]. Сам К. Лапавитсас в ответе Н. Додду ссылается на более раннюю дискуссию с В. Зелизер [Fine, Lapavitsas 2000; Zelizer 2000], которая была связана с проблемами теории множественных денег В. Зелизер, поэтому мы оставим её за рамками нашей работы и сосредоточимся на контраргументах, предъявляемых друг другу Дж. Ингэмом и Н. Доддом.

Центральная часть дискуссии между Н. Доддом и Дж. Ингэмом развернулась вокруг евро в качестве валюты, не закреплённой за единым государством. Тут, конечно, справедливо возникают вопросы к концепции Дж. Ингэма. Также появление евро стимулировало более глубокую рефлексию о деньгах, потому что ранее при отсутствии специальных усилий государства по централизации единой валютной системы деньги, как правило, подвергались множественности и дифференциации [Зелизер 2004], но процесс унификации денежной системы при наличии множества национальных государств действительно поставил требующую осмысления проблему перед теоретиками денег.

Н. Додд предлагает анализировать евро (а заодно и критиковать теории Дж. Ингэма, В. Зелизер и К. Харта) в терминах двух различий. Первое из них — уже не раз упоминавшееся выше различие между деньгами (*money*) и валютой (*currency*). Второе — между деньгами в качестве системы измерения, то есть в абстрактном универсальном смысле (*unit of account; money of account*), и формами денежных посредников, или конкретными денежными единицами (*medium*)¹⁶ [Dodd 2005b]. Остановимся пока на первом различии.

Понятно, что сразу под атаку попадает Дж. Ингэм с его идеей государства как третьей стороны в социальном производстве денег и кредита. Для него существует только валюта (*currency*), точнее, любые деньги (*money*) — это валюта (*currency*). Возникает вопрос: а как быть с так называемыми локальными деньгами (LETS, биткоин и другие криптовалюты)? Для Дж. Ингэма это вроде бы не совсем деньги, раз они не регулируются государством. Для Н. Додда это полноценные деньги, поскольку они являются единицами счёта и обладают формой, то есть тем, что он называет посредниками (*medium*), поэтому, с точки зрения Н. Додда, теория Дж. Ингэма не способна объяснить евро: сложно назвать евро не совсем деньгами, но и в логику денег, закреплённых за каким-либо конкретным государством, евро не вписывается.

Различение на деньги и валюты можно понимать как различие на одном уровне, но ровно до следующего пассажа в тексте Додда: «Выпускаемая государством валюта — историческое образование. Напротив, концепт денег включает ранг различных форм денег. Все валюты могут быть классифицированы как деньги, но не все деньги являются валютами» [Dodd 2005b: 563]. Получается, что деньги — более общая категория, обладающая определёнными характеристиками, и в эту категорию входят в том числе и валюты. Этими характеристиками являются *функция единиц счёта* и *формы посредника*. Для Н. Додда деньги — это то, что предлагает свою систему измерения ценностей объектов по Г. Зиммелю, но эта система должна быть оформлена в виде посредников, которые всегда партикулярны и конкретны; система измерения, в свою очередь, всегда абстрактна. Причём посредники не обязательно должны быть в форме физического объекта, но могут быть и в виде кода (биткоин) или цифр на счёте в банке. Главное, чтобы эта форма была понятна и подходила для обмена. Этот анализ Додд выводит из интерпретации работ К. Маркса, о чём более подробно пишет в последующих работах [Dodd 2014: 49–88].

Главный тезис статьи Н. Додда заключается в том, что для современного мира характерны два параллельных процесса: «гомогенизация валют и диверсификация денег» [Dodd 2005b: 559]. Создание евро,

¹⁶ Необходимо сказать несколько слов о переводе ключевых понятий дискуссии. Важным представлялось отразить все терминологические тонкости, сделать это можно было только с постоянными указаниями на оригинальные англоязычные концепты. Поэтому мы, хотя и придерживаемся далее введённых в данном абзаце обозначений, но в особенно важных местах всё-таки приводим в скобках англоязычные понятия, соответствующие русскоязычным.

распространение доллара и вытеснение локальных валют других стран — всё это процессы гомогенизации валют. Диверсификация проявляется в том, что становится всё больше и больше различных систем оценки стоимости (единиц счёта) и форм денежных посредников, которые не связаны с государством (локальные системы торгового обмена, или *Local exchange trading systems* (LETS), криптовалюта, системы обмена бонусов в супермаркете — они тоже для Н. Додда являются тем, что он называет словом «money», поскольку выполняют функцию меры стоимости). Но тогда возникает следующий вопрос: если оппозиция «currency — money» отсылает к разным уровням анализа (деньги включают валюты), то уместно ли говорить о диверсификации валют, как одной из форм денег? Раз диверсификации подвергаются все деньги, то тогда и валюты находятся под влиянием этого процесса. Возникает вопрос: каким образом валюты могут одновременно и гомогенизироваться и диверсифицироваться? Либо стоит говорить ещё о каком-то подмножестве денег, которое входит в категорию денег, но при этом отлично от валют, и именно оно подвергается диверсификации. Иными словами, либо мы теряем деньги как общую категорию, либо не понятно, что именно подвергается диверсификации.

Отмеченное выше противоречие — логическое. Если мы вспомним о различии Дж. Ингэма на деньги как систему измерения (*money of account*) и конкретные денежные формы (*money-stuff*), то можем попробовать воспользоваться альтернативным решением. Попробуем самостоятельно его развить, а затем обратимся к ответной работе Дж. Ингэма. Деньги как абстрактная система измерения соответствуют в представленной выше схеме более общей категории денег у Н. Додда, тому, что он называет словом «money», если мы следуем тому решению, что деньги включают валюты (тогда остаётся вопрос, что именно диверсифицируется). Но в концепции Дж. Ингэма, справедливо указывает Н. Додд, любая абстрактная система измерения является валютой, потому что *только государство* может произвести единую систему оценивания стоимости (ценности) объектов. А конкретных денежных посредников Дж. Ингэм называет *money-stuff*, в то время как Н. Додд — *medium*. У Дж. Ингэма одно различие вместо двух у Н. Додда, так как валюты (*currency*) и деньги (*money*) выполняют роль абстрактной системы измерения стоимостей (*money of account*), а понятие *money-stuff* означает то же, что и *medium* у Додда. Логическая проблема, которая возникает в связи с двойным различием Н. Додда, просто не считается через теоретическую оптику Дж. Ингэма.

Вынося за скобки обвинение Н. Додда в том, что аргументы Ингэма были неправильно поняты [Ingham 2006: 271], содержательно можно выделить следующие моменты в ответе Ингэма: он остаётся на своей позиции; различие на конкретные денежные единицы (*money-stuff*) и систему измерения стоимости (*money of account*) сохраняется, при этом данная система является абстрактной идеей денег как кредита, который должен быть произведён государством. В целом ответ ожидаем: «Государство и выпускаемая им валюта не необходимы для аналитической, или логической, аргументации о первичности денег как меры стоимости; система измерения стоимости (*money of account*) может существовать и благодаря другим авторитетам (*authorities*)» [Ingham 2006: 271]. Аргумент о государстве поэтому следует рассматривать как исторический (см. различие исторических и логических аргументов применительно к деньгам выше, в обсуждении позиции Дж. Ингэма). Надо признать, что Дж. Ингэм немного сдал свои теоретические позиции, так как выходит, что государство является *одной* из возможных организаций (авторитетов, словами Ингэма), которая может произвести деньги в смысле системы измерения стоимости. Но если это так, то неясно, какими именно характеристиками должны обладать подобного рода организации и почему только государства до этого обсуждались Ингэмом [Ingham 2004]. Эксплицировав историчность аргумента, он потерял в теоретическом плане.

Что касается евро, то как мера стоимости он может быть произведён не только конкретным государством, но и в результате договорённости нескольких государств с Европейским банком. Есть более интересный контраргумент: Н. Додд указывает, что евро — «дуальная» денежная система, и это проявлялось в 1999–2002 гг., когда уже существовала единая система меры стоимости (*money of account*), но

при этом в качестве посредников для обмена (*monetary medium*) использовались национальные валюты [Dodd 2005b]. Контраргумент Дж. Ингэма заключается в том, что «любая “гибридная” характеристика евро не может быть основана на различии между двумя свойствами денег [быть системой меры стоимости и конкретным средством обмена], поскольку в этом смысле все современные деньги являются дуальными или гибридными» [Ingham 2006: 274].

В любом случае аргументы Дж. Ингэма выглядят убедительнее (даже с учётом нашего замечания в потере теоретических позиций), чем Н. Додда. Действительно, не только государство, но и другой социальный авторитет может предоставить единую систему меры стоимости (*money of account*). И здесь не стоит вводить различие между более общим понятием «деньги» (*money*) и более узким концептом «валюта» (*currency*), по крайней мере, как лежащее на одном логическом уровне: следует говорить о деньгах — в общем абстрактном смысле — как о системе меры стоимости и (или) единиц счёта (*measure of abstract value; units of account; money of account*), но без оппозиции к валюте (*currency*). Если мы хотим выделить валюту как специфическую систему меры стоимости, которая вводится государством, то можно воспользоваться, к примеру, различием М. Вебера на хартальные и нехартальные деньги [Вебер 2016: 125], при этом помня, что и те и другие являются в первую очередь *системой меры стоимости* (повторим: Г. Зиммель указывал на то, что объект обретает ценность в сопоставлении с другими объектами), но вводятся разными организациями и имеют разное институциональное регулирование. Тогда возникает вопрос: какие организации вводят нехартальные деньги? И что стоит за этим процессом? Какими должны быть действия третьей стороны — социального авторитета — по конструированию единой системы меры стоимости? Насколько известно авторам данного обзора, современная социология денег лишь ищет ответы на эти вопросы.

Ещё одна сторона денег — их конкретное воплощение в виде определённой формы (*money-stuff*, по Дж. Ингэму, или *monetary medium*, по Н. Додду) — является их неотъемлемой частью, однако производной от системы измерения стоимости. На этом уровне действительно можно наблюдать диверсификацию, и именно эти конкретные формы подвергаются процессу «множественности»¹⁷, как сказала бы В. Зелизер. Существует большое количество эмпирических вопросов; например, как через введение новой конкретной формы денег создаётся новая система меры стоимости? Имеет смысл выделить исследования распространения «комплементарных» денежных форм, в которых данные вопросы получают эмпирическое направление [Rysman 2007; Гусева 2013; Meyer, Hudon 2019], поэтому, на наш взгляд, позиция Дж. Ингэма в данном вопросе выглядит убедительнее.

Заключение

После экскурсии в современную социологию денег можно сделать несколько общих выводов. Во-первых, современные авторы (Дж. Ингэм, Н. Додд) сходятся в том, что касается главной функции денег, и считают деньги системой измерения стоимости. Эту идею высказывал ещё Г. Зиммель. Следует отметить, что общим местом является несогласие с товарной теорией денег и её утверждением о возникновении денег в процессе естественного развития рынка как проекции эгоистических интересов рациональных экономических агентов. Данный анализ порождает проблему определения сущности денег как системы, отличной от любой другой обменной системы.

Установить общую систему измерения стоимости (ценности) может только третья сторона. Более того, необходимо решить проблему неопределённости в темпоральном аспекте: согласно современным концепциям, неопределённость снимается с помощью выпуска кредита, так что деньги и есть кредит [Ingham 1996], который укоренён в социальных отношениях [Dodd 1994; 2014]. Кредит, в свою оче-

¹⁷ См. о концепции «множественности»: [Вирно 2013].

редь, связывает настоящее и будущее, согласно Дж. М. Кейнсу: кредитор, выдавая ссуду в виде денег, гарантирует его принятие в будущем, тем самым обеспечивая временную стабильность денежной системы, и создаёт доверие к ней.

Существуют два решения проблемы определения сущности денег: первое принадлежит Дж. Ингэму, второе — Н. Додду. Неохарталистское решение (Ингэм) предполагает, что государство является той самой третьей стороной, выпускающей кредит и вводящей единую систему меры стоимостей. Хотя, как мы видели, Дж. Ингэм отошёл от позиции, согласно которой только лишь государство отвечает за это. Остаётся неясным, какие иные социальные институты могут быть ответственны за введение денежной системы в абстрактном смысле.

Решение Н. Додда предполагает выделение ключевой роли доверия (фидуциарного компонента денежной системы) в снятии неопределённости. Временная перспектива здесь задаётся иначе: не столько через кредит, сколько через накопление денег, что создаёт уверенность в использовании денег в будущем (об уверенности на финансовых рынках см.: [Swedberg 2012]). Должно существовать безличное доверие деньгам как идее, то есть реифицированной социальной группе, спроецированной в сознание индивидов.

При этом оба автора отмечают наличие абстрактного смысла денег, то есть меры стоимости (*money of account*) в противоположность конкретным формам, а именно средствам обмена. Однако решение вопроса о том, что лежит в основании закрепления меры стоимости, различается, как мы указали выше. Также и Н. Додд, и Дж. Ингэм принимают базовую метафору денег как идеи, которая берёт своё начало в работах Г. Зиммеля («Философия денег») и Дж. М. Кейнса («Трактат о деньгах»), что согласуется с выделением функции меры стоимости в качестве главной для функционирования денег. В этом и состоял тезис нашей работы.

За рамками данного обзора осталась интересная дискуссия, связанная с теорией множественных денег В. Зелизер. Эту теорию небезосновательно обвиняют в релятивизации денег относительно социального контекста [Fine, Lapavistas 2000] («доллар доллару рознь» [Зелизер 2004: 35]), а также в отсутствии единого определения денег [Dodd 2005a], что затрудняет методологическую целостность анализа. Но, безусловно, теория В. Зелизер является столь же важной¹⁸, как теории Н. Додда и Дж. Ингэма, хотя и рассматривает деньги с другой позиции. Не затрагивая полное многообразие теорий денег в социологическом анализе (в современной социологии денег следует ещё отметить «органический подход» К. Десан [Desan 2014; 2017; Пашков 2020]), мы попробовали выделить основные идеи и различия в современной теории денег, стараясь при этом проследить их связь с классиками. Надеемся, что данная работа стимулирует интерес к фундаментальной дискуссии о природе денег и её эмпирическим аргументам.

Литература

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Перев. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле.

Аникаева Е. А. 2008. Основные подходы к исследованию денег в социологии. *Экономическая социология*. 9 (1): 114–124. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf#page=114

¹⁸ О её важности говорит выход сборника статей, посвящённых рефлексии над книгой В. Зелизер «Социальное значение денег» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017].

- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. 1: *Социология*. Сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Вебер М. 2020. Теория предельной полезности и «основной психофизический закон». *Социология власти*. 4 : 204-216.
- Вирно П. 2013. *Грамматика множества. К анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гансман Х. 2005. Рецензия на книгу: Ingham G. *The Nature of Money* (2004). *Экономическая социология*. 6 (1): 104–108. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204957/ecsoc_t6_n1.pdf#page=104
- Гогохия Д. Ш. 2016. Теория денег: от К. Менгера до Дж. М. Кейнса. *Вестник ИЭ РАН*. 6: 76–90
- Гусева А. 2013. *Карты в руки. Зарождение рынка банковских карт в постсоветской России*. Пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Дуглас М. 2020. *Как мыслят институты?* М.: Элементарные формы.
- Зелизер В. 2004. *Социальное значение денег. Деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. Перев. с англ. А. В. Смирнова, М. С. Добряковой; под. науч. ред. В. В. Радаева. М.: Дом интеллектуальной книги; Изд. дом ВШЭ.
- Зиммель Г. 2015. Философия денег. Перев. с нем. А. Ф. Филиппов. В кн.: *Избранное. Проблемы социологии*. СПб: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив; 159–208.
- Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. 2012. К анализу дотеоретических оснований социологии образования: экспликация базовых метафор. *Вопросы образования*. 4: 22–39.
- Крупец Я. Н. 2007. *Деньги в современном российском обществе: институциональный аспект*. Автореферат дис. ... кандидата социологических наук. Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Самара: Центр оперативной полиграфии.
- Макаров Е. С. 2020. Социологическая проблема доверия к денежным единицам: институциональный фактор. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 23 (5): 135–154.
- Маркс К. 2018. *Капитал: квинтэссенция всех томов «Капитала» в одной книге*. Перев. с нем. С. Алексеева; сост., предисл. и прилож. Ю. Борхардта. М.: Либроком.
- Остром Э. 2019. *Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности*. М.: ИРИСЭН.
- Пашков С. Г. 2020. «Непростые деньги»: к вопросу об очередном пересмотре природы денег. Рецензия на книгу: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds) 2017. *Money Talks: Explaining How Money Really Works*. Princeton: Princeton University Press. 288 p. *Экономическая социология*. 21 (5): 94–103. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/12/01/1350571844/ecsoc_t21_n5.pdf#page=94
- Парсонс Т. 2018. *Социальная система*. Перев. с англ. под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический проект.
- Радаев В. В. 2005. *Экономическая социология: учеб. пособие для вузов*. М.: Изд. дом ВШЭ.

- Розмаинский И. В. 2016. Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределённости и институтах: пропущенная связь? *Журнал институциональных исследований*. 8 (3): 35–46. URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.035-046>
- Тилли Ч. 2009. *Принуждение, капитал и европейские государства (990-1992)*. М.: Территория будущего.
- Bandelj N., Wherry F., Zelizer V. (eds) 2017. *Money Talks: Explaining How Money Really Works*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Black M. 1954. Metaphor. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 55 (1954-1955): 273–294.
- Collins R. 1979. Review of *The Bankers*, by Martin Mayer. *American Journal of Sociology*. 85 (1): 190–194. DOI: [10.2307/2778077](https://doi.org/10.2307/2778077)
- Desan C. 2014. *Making Money. Coin, Currency, and the Coming of Capitalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Desan C. 2017. The Constitutional Approach to Money: Monetary Design and the Production of the Modern World. In: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds) *Money Talks: Explain How Money Really Works*. Princeton: Princeton University Press; 109–130.
- Dodd N. 1994. *The Sociology of Money: Economics, Reason & Contemporary Society*. Michigan: Continuum.
- Dodd N. 2005a. Laundering “Money”: On the Need for Conceptual Clarity within the Sociology of Money. *European Journal of Sociology*. 46 (3): 387–411. DOI: [10.1017/S0003975605000159](https://doi.org/10.1017/S0003975605000159)
- Dodd N. 2005b. Reinventing Monies in Europe. *Economy and Society*. 34 (4): 558–583. DOI: [10.1080/03085140500277096](https://doi.org/10.1080/03085140500277096)
- Dodd N. 2007. On Simmel’s Pure Concept of Money: A Response to Ingham. *European Journal of Sociology*. 48 (2): 273–294. DOI: [10.1017/S0003975607000379](https://doi.org/10.1017/S0003975607000379)
- Dodd N. 2014. *The Social Life of Money*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Dodd N. 2017a. Utopian Monies: Complementary Currencies, Bitcoin and the Social Life of Money. In: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds) *Money Talks: Explain How Money Really Works*. Princeton: Princeton University Press; 230–248.
- Dodd N. 2017b. The Social Life of Bitcoin. *Theory, Culture & Society*. 35 (3): 35–56. URL: <https://doi.org/10.1177/0263276417746464>
- Ferreira J., Perry M. 2019. From Transactions to Interactions: Social Considerations for Digital Money. In: Lynn T. et al. (eds) *Disrupting Finance. Palgrave Studies in Digital Business & Enabling Technologies*. London: Palgrave Pivot; 121–133. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02330-0_8
- Fine B., Lapavistas C. 2000. Markets and Money in Social Theory: What Role for Economics? *Economy and Society*. 29 (3): 357–382. DOI: [10.1080/0308514005008456](https://doi.org/10.1080/0308514005008456)

- Frankel S. H. 1977. *Two Philosophies of Money: The Conflict of Trust and Authority*. London: Palgrave Macmillan.
- Friedman M. 1969. *The Optimum Quantity of Money and Other Essays*. New York: Macmillan.
- Frisby D. 2011. Introduction to the Translation. In: Simmel G. *The Philosophy of Money*. London: Routledge; 1–50.
- Guseva A., Rona-Tas A. 2017. Money Talks, Plastic Money Tattles: The New Sociability of Money. In: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds) *Money Talks: Explain How Money Really Works*. Princeton; Oxford: Princeton University Press; 201–214.
- Ingham G. 1996. Money is a Social Relation. *Review of Social Economy*. 54 (4): 507–529. DOI: [10.1080/00346769600000031](https://doi.org/10.1080/00346769600000031)
- Ingham G. 1998. On the Underdevelopment of the ‘Sociology of Money’. *Acta Sociologica*. 41 (1): 3–18.
- Ingham G. 2000. ‘Babylonian Madness’: On the Historical and Sociological Origins of Money. In: Smithin J. *What is Money?* London: Routledge; 16–42.
- Ingham G. 2004. *The Nature of Money*. Cambridge: Polity Press.
- Ingham G. 2006. Further Reflections on the Ontology of Money: Responses to Lapavitsas and Dodd. *Economy and Society*. 35 (2): 259–278.
- Ingham G. 2012. Revisiting the Credit Theory of Money and Trust. In: Pixley J. (ed.) *New Perspectives on Emotions in Finance*. London: Routledge; 121–139.
- Keynes J. M. 1973. A Monetary Theory of Production. In: Moggridge D. (ed.) *The Collected Writings of John Maynard Keynes*. Vol. XIII. London: Macmillan; 408–411.
- Keynes J. M. 2008. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Hawthorne: BN Publishing.
- Keynes J. M. 2013. *A Treatise on Money*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Knapp G. F. 1924. *The State Theory of Money*. London: Macmillan.
- Lapavitsas C. 2005. The Social Relations of Money as Universal Equivalent: A Response to Ingham. *Economy and Society*. 34 (3): 389–403. DOI: [10.1080/03085140500112137](https://doi.org/10.1080/03085140500112137)
- Menger K. 1892. On the Origins of Money. *The Economic Journal*. 2 (6): 239–477.
- Meyer C., Hudon M. 2019. Money and the Commons: An Investigation of Complementary Currencies and Their Ethical Implications. *Journal of Business Ethics*. 160 (1): 277–292.
- Olson M. 1993. Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review*. 87 (3): 567–576. DOI: [10.2307/2938736](https://doi.org/10.2307/2938736)
- Rysman M. 2007. Empirical Analysis of Payment Card Usage. *Journal of Industrial Economics*. 55 (1): 1–36. DOI: [10.1111/j.1467-6451.2007.00301.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-6451.2007.00301.x)

- Simmel G. 2011. *The Philosophy of Money*. London: Routledge.
- Skidelsky R. 2009. *Keynes: The Return of the Master*. London: Allen Lane.
- Smithin J. 2000. *What is Money?* London: Routledge.
- Swedberg R. 2012. The Role of Confidence in Finance. In: Knorr Cetina K., Preda A. (eds) *The Oxford Handbook of the Sociology of Finance*. Oxford: Oxford University Press; 529–545.
- Viviana A. Zelizer — Google Scholar. URL: <https://scholar.google.com/citations?hl=en&user=hSTKVUYA AAAJ>
- Weber M. 1978. *Economy and Society*. Berkeley: Berkeley University of California Press.
- Zelizer V. A. 1994. *The Social Meaning of Money*. New York: Basic Books.
- Zelizer V. A. 2000. Fine Tuning the Zelizer View. *Economy and Society*. 29 (3): 383–389. DOI: [10.1080/03085140050084570](https://doi.org/10.1080/03085140050084570)
- Zelizer V. A. 2005. Missing Monies: Comment on Nigel Dodd, ‘Reinventing Monies in Europe’. *Economy and Society*. 34 (4): 584–588. DOI: [10.1080/03085140500277153](https://doi.org/10.1080/03085140500277153)

PROFESSIONAL REVIEWS

Egor Makarov, Dmitry Tikhomirov

The Problem of Defining the Essence of Money in Contemporary Economic Sociology: Between the State and Trust

MAKAROV, Egor — Student, Plekhanov University of Economics, educational program “Sociology”. Address: 28, Bldg. 1, Stremyanny Lane, 117997, Moscow, Russian Federation.

Email: eg.makaraz@mail.ru

TIKHOMIROV, Dmitry — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. Address: 28, Bldg. 1, Stremyanny Lane, 117997, Moscow, Russian Federation.

Email: dat1983@yandex.ru

Abstract

The article considers the problem of defining the essence of money, which is one of the main problems in the contemporary sociology of money. This problem cannot be explained using the neoclassical economic analysis of money, in particular, the evolutionary theory of money by Menger. The main idea of this approach is that the origins of money should be found in the reducing cost of exchange based on the rationality of economic agents. Consequently, the universality of money and its spatial spread have remained unexplained (including temporary uncertainty and the use of money in the future). The paper presents two approaches—by Ingham and Dodd—to defining the essence of money. Considerable attention is paid to classic works in the field written by Simmel and Keynes. From the analysis, we see that the main features distinguishing monetary exchange from other forms of exchange (including barter) can be found in Simmel’s *The Philosophy of Money*. Simmel also provided two solutions on how to define money: the state’s production of credit money or trust in money from society. Ingham developed the first solution and singled out the state’s production of credit (and the creation of money as account). Meanwhile, Dodd insisted on the fiduciary component of the financial system as a crucial element. Both authors used the metaphor of money as an idea or process embedded in social relations, which contrasts the commodity metaphor introduced by Menger. The main assertion of the article is that the metaphor

of money as an idea corresponds to the proposition that the basic function of money is the measure of value (money of account), or store of value, while the neoclassical model suggests that the commodity metaphor of money and its unit of exchange function are crucial. In addition, contemporary theories of money introduce the distinction between money as account (which is more abstract) and particular forms of money (which can be named money stuff). Similarities and contradictions between the two solutions to the problem of uncertainty—by Ingham and Dodd—are also presented in the article.

Keywords: sociology of money; trust; state; problem of uncertainty; financial regulation; neochartalism; J. Ingham; N. Dodd.

Acknowledgements

The authors are grateful to Dmitry Gorin and Antonina Pinchuk (both from Pekhanov Russian University of Economics), Sergei Mashukov and Dmitry Serebrennikov (both from European University at Saint Petersburg) and three anonymous reviewers for their very valuable comments which helped to significantly improve the content of the article.

References

- Anderson B. (2016) *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]*, Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).
- Anikayeva E. A. (2008) Osnovnyye podkhody k issledovaniyu deneg v sotsiologii [Main Approaches to Studies of Finance in Sociology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 9, no 1, pp. 114–124. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf#page=114. (accessed 12 May 2021) (in Russian).
- Bandelj N., Wherry F., Zelizer V. (eds) (2017) *Money Talks: Explaining How Money Really Works*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Black M. (1954) Metaphor. *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 55, no 1954-1955, pp. 273–294.
- Collins R. (1979) Review of *The Bankers*, by Martin Mayer. *American Journal of Sociology*, vol. 85, no 1, pp. 190–194.
- Desan C. (2014) *Making Money. Coin, Currency, and the Coming of Capitalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Desan C. (2017) The Constitutional Approach to Money: Monetary Design and the Production of the Modern World. *Money Talks: Explain How Money Really Works* (eds. N. Bandelj, F. F. Wherry, V. A. Zelizer), Princeton: Princeton University Press, pp. 109–130.
- Dodd N. (1994) *The Sociology of Money: Economics, Reason & Contemporary Society*, Michigan: Continuum.
- Dodd N. (2005a) Laundering “Money”: On the Need for Conceptual Clarity within the Sociology of Money. *European Journal of Sociology*, vol. 46, no 3, pp. 387–411. DOI: [10.1017/S0003975605000159](https://doi.org/10.1017/S0003975605000159)
- Dodd N. (2005b) Reinventing Monies in Europe. *Economy and Society*, vol. 34, no 4, pp. 558–583. DOI: [10.1080/03085140500277096](https://doi.org/10.1080/03085140500277096)
- Dodd N. (2007) On Simmel’s Pure Concept of Money: A Response to Ingham. *European Journal of Sociology*, vol. 48, no 2, pp. 273–294. DOI: [10.1017/S0003975607000379](https://doi.org/10.1017/S0003975607000379)
- Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Dodd N. (2017a) Utopian moneys: Complementary Currencies, Bitcoin and the Social Life of Money. *Money Talks: Explain How Money Really Works* (eds. N. Bandelj, F. F. Wherry, V. A. Zelizer), Princeton: Princeton University Press, pp. 230-248.
- Dodd N. (2017b) The Social Life of Bitcoin. *Theory, Culture & Society*, vol. 35, no 3, pp. 35–56. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263276417746464>
- Douglas M. (2020) *Kak myslyat instituty? [How Institutions Think?]*, Moscow: Elementarnyye formy (in Russian).

- Ferreira J., Perry M. (2019) From Transactions to Interactions: Social Considerations for Digital Money. *Disrupting Finance. Palgrave Studies in Digital Business & Enabling Technologies* (eds. T. Lynn, J. Mooney, P. Rosati, M. Cummins), London: Palgrave Pivot, pp. 121–133. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02330-0_8 (accessed 12 May 2021).
- Fine B., Lapavitsas C. (2000) Markets and Money in Social Theory: What Role for Economics? *Economy and Society*, vol. 29, no 3, pp. 357–382. DOI: [10.1080/0308514005008456](https://doi.org/10.1080/0308514005008456)
- Frankel S. H. (1977) *Two Philosophies of Money: The Conflict of Trust and Authority*, London: Palgrave Macmillan.
- Friedman M. (1969) *The Optimum Quantity of Money and Other Essays*, New York: Macmillan.
- Frisby D. (2004) Introduction to the Translation. *The Philosophy of Money* (G. Simmel), London: Routledge, pp. 1–50.
- Ganßmann H. (2005) Retsenziya na knigu: Ingkhem G. Priroda deneg (2004) [Book review: Ingham G. The Nature of Money (2004)], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 6, no 1, pp. 104–108. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204957/ecsoc_t6_n1.pdf#page=104 (accessed 12 May 2021) (in Russian).
- Gogokhiya D. Sh. (2016) Teoriya deneg: ot K. Mengera do Dzh. M. Keynsa [Theory of Money: from K. Menger o J. M. Keynes]. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences = Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, no 6, pp. 76–90 (in Russian).
- Guseva A. (2013) *Karty v ruki. Zarozhdeniye bankovskikh kart v postsovetskoy Rossii* [Into the Red: The Birth of the Credit Card Market in Postcommunist Russia], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Guseva A., Rona-Tas A. (2017) Money Talks, Plastic Money Tattles: The New Sociability of Money. *Money Talks: Explain How Money Really Works* (eds. N. Bandelj, F. F. Wherry, V. A. Zelizer), Princeton; Oxford: Princeton University Press, pp. 201–214.
- Ingham G. (1996) Money as a Social Relation. *Review of Social Economy*, vol. 54, no 4, pp: 507–529. DOI: [10.1080/00346769600000031](https://doi.org/10.1080/00346769600000031)
- Ingham G. (1998) On the Underdevelopment of the ‘Sociology of Money’. *Acta Sociologica*, vol. 41, no 1, pp. 3–18.
- Ingham G. (2000) ‘Babylonian Madness’: On the Historical and Sociological Origins of Money. *What is Money?* (J. Smithin), London: Routledge, pp. 16–42.
- Ingham G. (2004) *The Nature of Money*, Cambridge: Polity Press.
- Ingham G. (2006) Further Reflections on the Ontology of Money: Responses to Lapavitsas and Dodd. *Economy and Society*, vol. 35, no 2, pp. 259–278.
- Ingham G. (2012) Revisiting the Credit Theory of Money and Trust. *New Perspectives on Emotions in Finance* (ed. J. Pixley), London: Routledge, pp. 121–139.

- Keynes J. M. (1973) A Monetary Theory of Production. *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, vol. XIII (ed. D. Moggridge), London: Macmillan, pp. 408–411.
- Keynes J. M. (2008) *The General Theory of Employment, Interest and Money*, Hawthorne: BN Publishing.
- Keynes J. M. (2013) *A Treatise on Money*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Knapp G. F. (1924) *The State Theory of Money*, London: Macmillan.
- Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. Yu. (2012) K analizu doteoreticheskikh osnov sotsiologii obrazovaniya: eksplikatsiya bazovykh metaphor [Analyzing Pre-Theoretical Foundations in Sociology of Education: Explication of Basic Metaphors]. *Voprosy obrazovaniya Educational Studies*, no 4, pp. 22–39 (in Russian).
- Krupets Ya. N. (2007) *Den 'gi v sovremennom rossiyskom obshchestve: institutsional'nyy aspekt* [Money in the Contemporary Russian Society: An Institutional Aspect], Avtoreferat dis. ... kandidata sotsiologicheskikh nauk. Ros. gos. gumanitarnyy. un-t (RGGU) [PhD Thesis Summary. Thesis for: Candidate of Science in Sociology. Russian State University for the Humanities], Samara: Tsentr operativnoy poligrafii (in Russian).
- Lapavitsas C. (2005) The Social Relations of Money as Universal Equivalent: A RResponse to Ingham. *Economy and Society*, vol. 34, no 3, pp. 389–403. DOI: [10.1080/03085140500112137](https://doi.org/10.1080/03085140500112137)
- Makarov E. S. (2020) Sotsiologicheskaya problema doveriya k denezhnym yedinitam: institutsional'nyy faktor [Sociological Problem of Trust to Money Currencies: An Institutional Factor], *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, vol. 23, no 5, pp. 135–154 (in Russian).
- Marx K. (2018) *Kapital: kvintessentsiya vseh tomov «Kapitala» v odnoy knige* [Capital: The Quintessence of All the Volumes of “Capital” in One Book], Moscow: Librokom (in Russian).
- Menger K. (1892) On the Origins of Money. *The Economic Journal*, vol. 2, no 6, pp. 239–477.
- Meyer C., Hudon M. (2019) Money and the Commons: An Investigation of Complementary Currencies and Their Ethical Implications. *Journal of Business Ethics*, vol. 160, no 5, pp. 277–292.
- Olson M. (1993) Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review*, vol. 87, no 3, pp. 567–576. DOI: [10.2307/2938736](https://doi.org/10.2307/2938736)
- Ostrom E. (2019) *Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action (Political Economy of Institutions and Decisions)], Moscow: IRISEN (in Russian).
- Pashkov S. G. (2020) “Neprostyle den'gi”: k voprosu ob ocherednom peresmotre deneg. Retsenziya na knigu: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds) 2017. Money Talks: Explaining How Money Really Works, Princeton: Princeton University Press. 288 p., [“Difficult Money”: The Question for the Next Revision of the Nature of Money. Book review: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds). (2017). Money Talks: Explaining How Money Really Works, Princeton: Princeton University Press. 288 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 21, no 5, pp. 94–103. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/12/01/1350571844/ecsoc_t21_n5.pdf#page=94 (accessed 12 May 2021) (in Russian).

- Parsons T. (2018) *Sotsial'naya sistema* [The Social System], Moscow: Akademicheskii proyekt (in Russian).
- Rysman M. (2007) Empirical Analysis of Payment Card Usage. *Journal of Industrial Economics*, vol. 55, no 1, pp. 1-36. DOI: [10.1111/j.1467-6451.2007.00301.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-6451.2007.00301.x)
- Radaev V. V. (2005) *Ekonomicheskaya sotsiologiya: ucheb. posobiye dlya vuzov* [Economic Sociology: A Manual for Universities], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Rozmainskiy I. V. (2016) Postkeynsiansy i Duglas Nort o neopredelennosti i institutakh: propushchennaya svyaz'? [The Post Keynesians and Douglas North about Uncertainty and Institutions: The Missing Link?]. *Journal of Institutional Studies = Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, vol. 8, no 3, pp. 35–46 (in Russian).
- Simmel G. (2004) *The Philosophy of Money*, London: Routledge.
- Skidelsky R. (2009) *Keynes: The Return of the Master*, London: Allen Lane.
- Simmel G. (2015) Filosofiya deneg [The Philosophy of Money]. *Izbrannoye. Problemy sotsiologii*, St. Petersburg: Universitetskaya kniga; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 159–208 (in Russian).
- Smithin J. (2000) *What is Money?* London: Routledge.
- Swedberg R. (2012) The Role of Confidence in Finance. *The Oxford Handbook of the Sociology of Finance* (eds. K. Knorr Cetina, A. Preda), Oxford: Oxford University Press, pp. 529–545.
- Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva (990-1992)* [Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990], Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).
- Virno P. (2013) *Grammatika chisla. K analizu form sovremennoy zhizni* [A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life], Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Viviana A. Zelizer — Google Scholar. Available at: <https://scholar.google.com/citations?hl=en&user=hSTKVUYAAAAJ> (accessed 12 May 2021).
- Weber M. (1978) *Economy and Society*, Berkeley: Berkeley University of California Press.
- Weber M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. Sotsiologiya* [Economy and Society, 4 vols, vol. 1: Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Weber M. (2020) Teoriya predel'noy poleznosti i "osnovnoy psikhofizicheskii zakon" [Die Grenznutzlehre und das "psychophysische Grundgesetz"]. *Sociology of Power = Sotsiologiya vlasti*, no 4, pp. 204–216 (in Russian).
- Zelizer V. A. (1994) *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief & Other Currencies*, New York: Basic Books.
- Zelizer V. A. (2000) Fine Tuning the Zelizer View. *Economy and Society*, vol. 29, no 3, pp. 383–389. DOI: [10.1080/03085140050084570](https://doi.org/10.1080/03085140050084570)

Zelizer V. A. (2004) *Sotsial'noye znachenije deneg. Den'gi na bulavki, cheki, posobiya po bednosti i drugiye denezhnyye yedinitiy.* [The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief & Other Currencies]. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Zelizer V. A. (2005) Missing Monies: Comment on Nigel Dodd, 'Reinventing Monies in Europe'. *Economy and Society*, vol. 34, no 4, pp. 584–588. DOI: [10.1080/03085140500277153](https://doi.org/10.1080/03085140500277153)

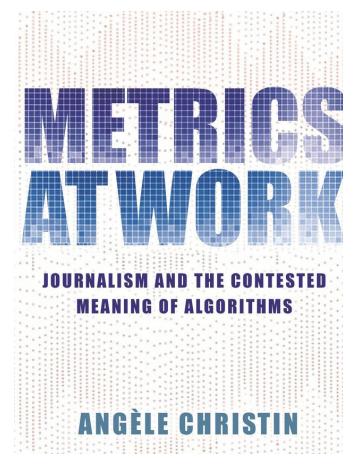
Received: July 22, 2021

Citation: Makarov E., Tikhomirov D. (2021) Problema opredeleniya sushchnosti deneg v sovremennoy ekonomicheskoy sotsiologii: mezhdu gosudarstvom i doveriem [The Problem of Defining the Essence of Money in Contemporary Economic Sociology: Between the State and Trust]. *Journal of Economic Sociology= Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 109–137. doi: [10.17323/1726-3247-2021-5-109-137](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-109-137) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Л. В. Богомазова

Цифровая лихорадка: в поисках баланса между профессиональной и рыночной логиками в веб-журналистике



Рецензия на книгу: Christin A. 2020. *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*. Princeton: Princeton University Press. 256 p.



**БОГОМАЗОВА
Людмила**

Вадимовна — стажёр-исследователь
Лаборатории экономико-социологических исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Адрес: 101000,
Россия, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 20.

Email: lbogomazova@hse.ru

Книга американского социолога французского происхождения Энжел Кристин «Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms» («Метрики на работе: журналистика и спорное значение алгоритмов») посвящена особенностям функционирования веб-изданий в эпоху погони за трафиком. Цель книги — показать, каким образом внедрение алгоритмов в работу медиаорганизаций отражается на профессиональной идентичности журналистов и их рабочих практиках.

В работе используется многоступенчатая теоретическая рамка: автор обращается к концепции полей П. Бурдьё, социологии «градов» Л. Болтански и Л. Тевено, теории институционального изоморфизма П. Димаджо и У. Пауэлла и к другим релевантным подходам новой экономической социологии.

Рецензируемая монография базируется на сравнительном исследовании двух веб-изданий в США и во Франции 2011–2015 гг. Для достижения поставленной цели автор применяет смешанную методологию, в основе которой наблюдение и полуструктурированные интервью с сотрудниками медиаорганизаций.

Опираясь на богатый эмпирический материал, автор книги ставит под сомнение утверждение о том, что метрики способствуют стиранию различий между национальными СМИ стран мира. Хотя рассматриваемые веб-издания сталкиваются со схожими вызовами современной журналистики, они неодинаково на них реагируют. Это объясняется укоренённостью профессиональной деятельности журналистов в институциональном контексте, организационных структурах и профессиональных полях.

В рецензии затрагиваются ключевые сюжеты книги: краткая история становления веб-журналистики в изучаемых странах, отношение онлайн-изданий к метрикам и аудитории, роль независимых профессионалов в производстве новостей.

Ключевые слова: веб-журналистика; профессиональные роли; новые медиа; алгоритмы; метрики; сравнительное исследование; теория полей; этнография.

Введение

Конвергенция СМИ, подразумевающая три вида слияний — технологий, медиа и рынков [Вартанова 1999], способствует радикальной трансформации медиаиндустрии во всём мире. Интегрирующий аспект данного процесса выражается в различных формах взаимодействия традиционных и новых медиа: не имеющие цифрового аналога газеты, телеканалы и радиостанции становятся всё более редким явлением. Технологический прогресс, в свою очередь, вынуждает медиаорганизации подчиняться новым правилам игры, в числе которых повышение объёма новостей и скорости их публикации. Несмотря на то что попытки замещения качества количественными показателями в журналистике имеют долгую историю, лишь в эру всеохватывающей компьютеризации они обретают новую форму. Таким образом, индикатором успешности публикуемого материала в СМИ становятся метрики¹. С внедрением алгоритмов в производство новостей вновь поднимается вопрос о сближении национальных СМИ государств, принадлежащих к разным медиасистемам [Hallin, Mancini 2004]. Впрочем, гомогенизирующая сила веб-аналитики преувеличена, что находит эмпирическое подтверждение в исследовании американского социолога французского происхождения Энжел Кристин.

Энжел Кристин — доцент Департамента коммуникации и Департамента социологии Стэнфордского университета (США). Хотя в рецензируемой книге речь идёт о специфике работы веб-журналистов в условиях экономической и технологической конвергенции, научные интересы автора не ограничиваются новыми медиа. Например, недавняя статья Кристин, написанная в соавторстве, посвящена роли алгоритмов прогнозирования в системе уголовного правосудия США [Brayne, Christin 2021].

«Метрики на работе: журналистика и спорное значение алгоритмов» («Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms») — первая книга Э. Кристин. Её написание заняло восемь лет. В основу книги легло исследование, осуществлённое при подготовке докторской диссертации и проведённое в Департаменте социологии Принстонского университета (США) и Высшей школе социальных наук (Франция). В фокусе внимания автора книги — влияние веб-аналитики на специфику работы и профессиональную идентичность журналистов в США и во Франции. Результаты сравнительного исследования позволяют прийти к столь знакомому экономсоциологам выводу об укоренённости экономического действия в культуре, институтах и властных отношениях.

Новостные интернет-издания в обеих странах сталкиваются с аналогичными вызовами современной журналистики (необходимость повышения трафика и прибыли, ускорение производства контента и др.), однако их реакция на эти трудности неодинакова. По мнению автора рецензируемой книги, всё дело в воспроизводстве культурных различий в деятельности медиаорганизаций, историческом прошлом отрасли и особенностях институционального контекста. Как будет показано далее, эти компоненты во многом сдерживают стирание границ между национальными СМИ стран мира.

Книга состоит из шести глав, которые условно можно разделить на два тематических блока. В первом из них (главы 1, 2) описываются американская и французская модели СМИ и первые годы функционирования «TheNotebook» и «LaPlace». Второй тематический блок (главы 3–6) монографии посвящён эпохе погони за трафиком и путях приспособления к ней изучаемых веб-изданий. Кристин касается

¹ Под веб-метрикой в рецензируемой книге понимаются данные, применимые для анализа использования Интернета и его оптимизации (р. 32). К таковым относится количество просмотренных страниц и уникальных посетителей, среднее время пребывания на сайте. Э. Кристин выделяет также метрики вовлечённости пользователей в социальных сетях (лайки, репосты, комментарии и др.).

различных сюжетов мира веб-журналистики — сосуществования профессиональной и рыночной логик, интерпретации метрик, карьерных перспектив журналистов-фрилансеров.

Вызовы этнографии в цифровую эпоху

Исследование, лёгшее в основу рецензируемой книги, проводилось в 2011–2015 гг. Выбор журналистики обосновывается автором интересом к области, подвергшейся колоссальным организационным и экономическим изменениям в последние десятилетия. Медиаорганизации со снижающимися рекламными доходами, падением тиражей печатных изданий и интереса аудитории идеально подошли в качестве эмпирического объекта. Хотя изначально Кристин планировала остановиться на интервью с французскими журналистами, их шаблонные ответы повлекли за собой необходимость внесения корректировок в инструментарий; потребовалось обращение к этнографическим методам. Кроме того, после регулярных упоминаний информантами нью-йоркского веб-издания в выборку были включены американские представители изучаемой отрасли. Эмпирическим объектом исследования в итоге выступили парижское интернет-издание «LaPlace» и нью-йоркское «TheNotebook». В целях обеспечения анонимности информантов названия медиаорганизаций и имена их сотрудников при описании исследования были изменены.

В исследовании используется смешанная методология. Применение стандартных этнографических методов для изучения профессиональной группы веб-журналистов осложняется в силу специфики их работы преимущественно в онлайн-пространстве. Впрочем, автором книги успешно разрабатывается инструментарий, учитывающий особенности функционирования новых медиа.

Для обозначения тактики в изучении практик работы журналистов Кристин употребляет метафору «муха на экране», подразумевающую минимальную заметность для информанта, с одной стороны, и максимальную близость к его рабочему пространству, с другой. Одновременное соблюдение этих требований обеспечивается методом наблюдения за журналистами в условиях разделения с ними единого рабочего пространства. По истечении часа исследователь фиксирует наблюдаемые факты и перемещается к следующему информанту. Данная стратегия получила название «метод ротации» (*rotation method*) (р. 171). Наблюдение за сотрудниками веб-изданий не ограничивалось рабочим местом: автор сопровождала журналистов на обед и конференции, а в отдельных случаях присутствовала на совещаниях.

В дополнение к полуструктурированным интервью, предоставляющим информацию о различных аспектах работы в веб-издании (о карьерном пути и восприятии аудитории, об отношении с коллегами и др.), Кристин следила за активностью информантов в «Твиттере». Это позволило получить представление о ценностях журналистов, их успехе в профессии, а также зафиксировать границы и отношения между различными изданиями, в том числе благодаря метрикам (подписки, лайки, ретвиты и комментарии).

Наконец, автор книги обращается к анализу количественных данных для выявления возможных расхождений между словами информантов и реальным положением дел в веб-издании. С этой целью были собраны базы с сопоставимыми данными о количестве публикаций и их ключевых показателях (число знаков, авторство, тематика и др.) за 2009–2015 гг.

Таким образом, Э. Кристин провела около 500 часов полевой работы в восьми веб-изданиях анализируемых стран². Было собрано более 100 интервью (45 из них в США и 56 во Франции) с работниками медиаорганизаций — журналистами, редакторами, менеджерами, а также фрилансерами и блогерами.

² В рецензируемую книгу вошло сравнение только двух изданий. Остальные упоминались в монографии эпизодически в контексте сравнения «TheNotebook» и «LaPlace».

Две страны — два пути к веб-журналистике

Восприятие современными медиаорганизациями своей аудитории имеет глубокие исторические корни. Несмотря на то что внедрение веб-аналитики в журналистику — относительно недавний феномен, приблизительное понимание своих читателей существовало у изданий задолго до трансформации медиаиндустрии. В связи с этим рецензируемая книга начинается с повествования о становлении западной журналистики.

Расцвет коммерческой прессы в США пришёлся на 1830-е гг., когда стали распространяться центовые газеты, едва соответствующие высоким стандартам журналистики. Их отличительными особенностями стали сенсации, яркие заголовки и ориентация на массовую аудиторию. Центовые газеты сосуществовали с репортажами представителей движения «разгребателей грязи» (*muckrakers*), то есть группы авторов, специализирующихся на разоблачениях, но, в отличие от них, были далеки от политической повестки. Впоследствии различия между жёлтой прессой и разоблачительной журналистикой стираются, что ведёт к обострению конфликта между двумя парадигмами производства новостей — новостей как историй и новостей как фактов³.

Взросший авторитет журналистики и её профессионализация в первые десятилетия XX века порождают две противоборствующие тенденции — усиление положения второй парадигмы и повышение интереса рекламодателей к прессе. Если при отношении к новостям как к фактам первостепенное значение приобретало мнение профессионального сообщества, то рыночное давление вынуждало ориентироваться на тираж газет.

После Второй мировой войны принципы саморегулирования и свободы журналистики в американских газетах обеспечивались строгим разграничением деятельности редакционного и коммерческого отделов. Препятствием на пути их мирного сотрудничества служило неодинаковое восприятие аудитории. В отличие от работников коммерческого отдела, журналисты не проявляли особого интереса к предпочтениям читателей и при подготовке новостного материала ориентировались в первую очередь на собственный интерес и мнение коллег.

Однако переход к рыночной журналистике (*market-driven journalism*) в США всё же состоялся. Снижение спроса населения на газеты и падение рекламных доходов печатных СМИ в конце XX века послужили стимулом для более детальных маркетинговых исследований, продемонстрировавших интерес читателей к бульварной журналистике. Вместе с пониманием предпочтений аудитории потребовались реорганизация рассматриваемой отрасли в целом, переход в интернет-пространство и разработка новых метрик.

Развитие рынка прессы во Франции стало возможным после принятия Закона о свободе печати (1881 г.). Для конца XIX века были характерны разнообразие печатных изданий и рост числа публицистов. Впрочем, конечной целью этих последних чаще являлось продвижение в литературных и политических кругах, нежели достижение успеха в журналистике. Другими словами, печатные СМИ на протяжении долгого времени служили посредником в публичной коммуникации, и принципиальных различий между журналистами, политическими деятелями и писателями не существовало. Профессионализм журналистского сообщества, таким образом, был невысок. После Первой мировой войны легитимность французской прессы вовсе снижается ввиду вовлечённости сотрудников редакций в громкие коррупционные скандалы.

³ Первая парадигма (новости как истории) исходит из развлекательной функции СМИ. Издания в данном случае сосредоточены на освещении злободневных вопросов в упрощённой форме. Вторая парадигма (новости как факты) базируется на достоверности, беспристрастности и надёжности новостей и, в отличие от лёгкого контента, обращается к малочисленной образованной аудитории.

Во второй половине XX века происходит усиление государственного вмешательства в функционирование французских СМИ⁴. Цель такого вмешательства заключается в максимальном ограждении массмедиа от рыночного влияния. При этом ряду газет по-прежнему удаётся сохранить установку на общественные изменения. Постепенно растёт профессионализация журналистики, способствующая воплощению принципа саморегулирования. В отличие от США, данный принцип проявляется в работе представительных органов, а не в выстраивании границ между редакционным и коммерческим отделами. Хотя сотрудники французских изданий вслед за американскими коллегами сохраняли дистанцию с аудиторией, они по-прежнему были убеждены в гражданской миссии журналистики. Наконец, в 1980-е гг. государственная монополия на СМИ во Франции была ликвидирована, за чем последовал процесс коммерциализации медиа⁵.

«TheNotebook» и «LaPlace»: с чего всё начиналось?

Во второй главе рецензируемой книги читатель погружается в историю создания двух онлайн-изданий и знакомится с их ключевыми фигурами.

Джон — основатель «TheNotebook», американский журналист, телеведущий, автор колонки либеральной газеты. В 1990-е гг. он принимает предложение инвесторов в лице Techcorp и собирает команду профессионалов, готовых работать в неизведанном на тот момент цифровом пространстве. Их привлекают свобода и независимость веб-журналистики, а также возможность экспериментирования с форматами. В то же время дизайн веб-издания разрабатывается с ориентацией на престижные и влиятельные газеты, с которыми планируется конкурировать. Первая попытка налаживания контакта с читателями терпит крах: большое число негативных комментариев вынуждает редакцию ограничить взаимодействие с аудиторией. В результате открывается книжный клуб⁶, ставший визитной карточкой «TheNotebook».

Непредвиденной проблемой американского издания стал также слабый спрос аудитории на платную подписку, доступную по прошествии нескольких лет с запуска сайта. Финансовые трудности приводят к изменению состава работников в результате их добровольного ухода и к покупке издания в 2004 г. крупной медиакомпанией Newspapers Inc.

История «LaPlace» начинается позднее с желания четырёх предприимчивых журналистов повторить успех «TheNotebook» во Франции. Кристин делает вывод о том, что данному веб-изданию присущ подражательный изоморфизм — заимствование наиболее эффективных и устоявшихся организационных форм [DiMaggio, Powell 1991]. Однако, в отличие от нью-йоркского издания «TheNotebook», надежды на крупных инвесторов у основателей «LaPlace» не было: в запуск новостного сайта был вложен преимущественно их собственный капитал. Кроме того, в первые годы журналисты были вынуждены работать за идею, получая за свои труды символическую плату.

Особенностью «LaPlace» стали левая ориентация и принцип включённости аудитории в дискуссию (*participatory approach*): грубые комментарии интернет-пользователей не смогли убедить сотрудников издания отказаться от функционирования в качестве коммуникационной платформы.

⁴ Например, национализация французского радио и телевидения состоялась в 1949 г.

⁵ Как будет показано далее, коммерциализация печатных СМИ во Франции произошла в более ограниченных масштабах по сравнению с США.

⁶ Цель книжного клуба заключалась в налаживании неформального диалога с читателями. Его характерными чертами были спонтанность, остроумие, разговорный стиль.

Погоня за трафиком: сознательный выбор или неизбежность?

В третьей главе рецензируемой книги речь идёт об изменении бизнес-модели в «TheNotebook» и «LaPlace». Начало 2000-х гг. бросает двум рассматриваемым изданиям множество вызовов: обострение конкуренции в связи с постепенным заполнением рыночной ниши, финансовый кризис и необходимость привлечения аудитории с минимальными издержками. Если «TheNotebook» сталкивается с изменением поля [Bourdieu 2005], в результате чего исчезает понимание того, кто является его соперниками — газеты или новостные сайты, то «LaPlace» находится в ещё более затруднительном положении. Экономические трудности вынуждают продать в 2011 г. французское издание медиакомпания Le Groupe Mag.

Решение вышеуказанных проблем видится обоим изданиям в переориентации внимания на количественные показатели. При этом Кристин ближе их трактовка в терминах базарной экономики [Geertz 1978], хотя Ш. Зубофф рассматривает метрики как неотъемлемый атрибут эпохи надзорного капитализма [Zuboff 2019]. Так называемая погоня за кликами исходит из двух ключевых принципов: увеличение (1) скорости и (2) объёма публикуемого материала. Цель достигается путём обращения новостных сайтов к относительно схожим стратегиям, перенятым от наиболее успешных игроков медиарынка. К таковым механизмам повышения конкурентоспособности относятся поисковая оптимизация (*search engine optimization* — SEO), создание подсайтов и сотрудничество с блогерами⁷.

В рассматриваемый период обостряется уже знакомое в журналистской среде напряжение между парадигмами новостей как историй и новостей как фактов. Для их обозначения в эпоху цифровизации автор рецензируемой книги вводит понятие «два режима оценивания»⁸ — редакционный (*editorial*) и основанный на кликах (*click-based mode of evaluation*). Они различаются пониманием журналистики (формат определяется новостью и (или) аудиторией), маркером успеха (одобрение коллег и (или) создание вирусного контента), временными рамками (долгосрочная редакционная стратегия и (или) аналитика в реальном времени) (см. подробнее: р. 72).

Таким образом, несмотря на страновой контекст и специфику организационных культур, различия в стратегиях «TheNotebook» и «LaPlace» остаются незначительными. Впрочем, подобный вывод с трудом можно отнести к отношению изданий к своей аудитории.

Символическая нагруженность метрик

В четвёртой главе автору удаётся показать, что применение схожих практик не всегда свидетельствует о наделении их идентичными смыслами. Кристин утверждает: интерпретация метрик и соответственно аудитории⁹ веб-изданий обусловлена историческим и институциональным контекстами.

Нацеленность новых медиа на повышение трафика вновь способствует усилению интереса к читателям. Впрочем, отношение к ним в изучаемых изданиях существенно различается. В «TheNotebook» цифры пользуются полным доверием руководства. Редакционные и управленческие решения принимают-

⁷ В силу нехватки штатных сотрудников и в целях экономии веб-издания вынуждены использовать услуги независимых авторов — блогеров, фрилансеров.

⁸ Понятие заимствовано автором из экономической теории конвенций. Кристин даёт следующее определение режимам оценивания: «Когнитивные, дискурсивные и практические операции, с помощью которых люди классифицируют и иерархизируют идеи, объекты и практики» (р. 71).

⁹ Для обозначения аудитории в цифровую эпоху Кристин использует понятие «алгоритмическая публика», или «общественность» (*algorithmic publics*), подчёркивая опосредованность аудитории цифровыми платформами и её гражданский потенциал.

ся с учётом метрик, служащих показателем успешности публикуемого материала. Более того, низкий трафик может стать поводом для приостановки освещения новостей определённых рубрик (например, искусства). Понимание аудитории, согласно автору книги, сводится в «TheNotebook» к возможности её коммерциализации. Сами журналисты относятся к аналитическим инструментам (например, «Chartbeat») весьма сдержанно: метрики не являются предметом живых обсуждений на рабочем месте и воспринимаются, скорее, как техническая игра редакторов, реализуемая под давлением медиахолдинга. В данном случае наблюдается строгое разграничение профессиональных ролей руководителей и подчинённых.

Ещё более противоречивое мнение об аналитике сложилось у «LaPlace». Хотя далеко не все редакторы веб-издания признают «магию цифр», аналитика в итоге оказывает ограниченное влияние на принятие решений. В отличие от издания «TheNotebook», менее популярные рубрики в «LaPlace» не попадают под сокращение, что свидетельствует о доминировании редакционного режима оценивания. Французские журналисты демонстрируют гораздо большую эмоциональную вовлечённость в отслеживание метрик по сравнению с американскими коллегами. «Chartbeat» активно используется и обсуждается на рабочем месте, сближая авторов из разных отделов. Строгого разделения труда между редакторами и журналистами не наблюдается: журналисты также заинтересованы в повышении трафика, несмотря на отсутствие дополнительных вознаграждений за это. Если «TheNotebook» сегментирует аудиторию, то «LaPlace» воспринимает её как единую яркую сущность, требующую понимания. Высокий трафик служит показателем того, что авторы добрались до читателей и процесс коммуникации между ними запущен.

В поисках компромисса между скоростью и качеством освещения новостей

В пятой главе Кристин обращается к вопросу сосуществования двух режимов оценивания в профессиональной деятельности журналистов. Он раскрывается через концепцию бюрократической и дисциплинарной власти¹⁰. Автор книги анализирует практики, офисное пространство и веб-сайт издания, способные проиллюстрировать специфику властной структуры изучаемых медиа.

Для «TheNotebook» характерна власть бюрократии, имеющая следующие проявления: во-первых, разграничение зон ответственности между редакторами и журналистами; во-вторых, сочетание «быстрых» (короткие статьи, не проходящие редактуру) и «медленных» (качественные публикации, поддерживающие репутацию издания: исследования, разоблачения и др.) новостей, которые соответствуют двум разным режимам оценивания. Хотя лёгкий для восприятия контент в первую очередь привлекает интернет-пользователей, именно «длинные» новости размещаются на сайте «TheNotebook» на более выгодных местах.

Существующие символические границы находят отражение в рабочей зоне и в статусе занятости журналистов. В офисе «TheNotebook» применяется смешанный тип размещения сотрудников: у редакторов и менеджеров свои кабинеты, в то время как журналисты располагаются в офисах открытого типа (*open space office*). Их рабочие места группируются в зависимости от должностных обязанностей, рубрик и формата новостей, за написание которых они ответственны. Кроме того, авторы «быстрых» новостей находятся в более уязвимом положении по сравнению с их опытными коллегами: как правило, они работают по стандартному рабочему графику и лишены различных льгот.

Конфликт между двумя режимами оценивания разрешается в «LaPlace» с применением дисциплинарной власти. Вместо дистанции между «быстрыми» и «медленными» новостями французское веб-издание предлагает более широкий перечень редакционных форматов. Упомянутые типы новостей

¹⁰ Смежные концепты: бюрократический [Gouldner 1954; Edwards 1979] и нормативный контроль [Etzioni 1961; Kunda 2006]; суверенная и дисциплинарная власть [Foucault 1995].

успешно сосуществуют с записями в блогах (авторы — активисты, эксперты, политики и др.) и со свидетельствами (*testimonies*) интернет-пользователей. Почти четверть всего контента сайта подготовлена непрофессионалами, что объясняется благосклонным отношением «LaPlace» к участию читателей в формировании информационной повестки.

Сглаженная иерархия является ещё одним отличием французского «LaPlace» от американского «TheNotebook». Основа рабочего процесса — гибкость, а не строгое разделение труда. Как журналисты, так и редакторы вовлечены в подготовку новостей. Об отсутствии символических границ свидетельствует и офис, организованный по принципу *open space*. Кристин отмечает, что в «LaPlace» царит атмосфера неформальности и творческого беспорядка, затрудняющая привычный ход полевой работы.

Независимые профессионалы в «TheNotebook» и «LaPlace»

В заключительной — шестой — главе автор затрагивает различные аспекты положения работников нестандартной формы занятости (в первую очередь фрилансеров) в изучаемых веб-изданиях: отношение коллег, систему вознаграждений, карьерные перспективы.

Кристин утверждает, что сложившийся тип власти в организации влияет на оплату труда: в то время как «TheNotebook» присуща стратифицированная система выплат, в «LaPlace» придерживаются уравнительного принципа.

Расценки на услуги журналиста-фрилансера в американском веб-издании претерпевали серьёзные изменения. В первые годы функционирования «TheNotebook» стоимость одной статьи составляла 1200 дол.: издание стремилось закрепиться на рынке и продемонстрировать преимущества перед печатными СМИ. Впоследствии в результате расширения штата сотрудников размер вознаграждения независимых профессионалов сократился до 200 дол. за публикацию. Однако точную цифру назвать весьма затруднительно, потому что оплата среди исполнителей варьируется в зависимости от двух групп факторов: (1) характеристики фрилансера (трудовой стаж, опыт и возраст); (2) характеристики публикуемого материала (качество, затраченное время, метрики). Вопрос осложняется сензитивностью темы для редакторов: размер вознаграждений не подлежит обсуждению, что приводит к разрыву в оплате труда между исполнителями из разных отделов веб-издания.

В «LaPlace» сложилась уравнительная система оплаты труда фрилансеров, которая удачно сочетается со сжатой шкалой ставок заработной платы для штатных работников. Фрилансеры получают 120 евро за статью вне зависимости от различных факторов; публикации блогеров и интернет-пользователей, размещённые на сайте веб-издания, оплате не подлежат.

Автор рецензируемой книги полагает, что система вознаграждений отражает конфликт режимов оценивания, ставя руководство перед выбором между двумя критериями оплаты труда — профессионализмом журналистов (редакционный режим) и высокой вовлечённостью аудитории (режим, основанный на кликах). Во избежание противоречий редакторы обоих веб-изданий нередко прибегают к множественным порядкам обоснования размера оплаты труда или вовсе к тактике замалчивания. Например, в «LaPlace» начисляются выплаты блогерам, создающим привлекающий контент на сайте издания, что противоречит общепринятым правилам издания.

Таким образом, хотя сотрудничество с престижными изданиями не всегда гарантирует фрилансерам достойный уровень оплаты труда, для многих оно является важнейшим этапом построения карьеры журналиста. Цифровые платформы (в первую очередь «Твиттер») играют в этом процессе определяющую роль, позволяя авторам повысить свою узнаваемость в профессиональной среде, приобрести

полезные знакомства и наладить сотрудничество с новыми заказчиками. Кристин пишет, что использование социальных сетей даёт возможность преодолеть противопоставление между автономностью и гетеромностью [Bourdieu 1993] поля в силу того, что метрики одновременно выступают индикатором профессионального признания и рыночного успеха.

Последняя глава монографии завершается сравнением положения фрилансеров в изучаемых странах. Несмотря на существующие стереотипы о независимых профессионалах, в США журналисты-фрилансеры не испытывают безнадежность в отношении своего статуса, в то время как во Франции они чаще указывают на дискриминацию. Кроме того, если американские авторы активно участвуют в продвижении собственного бренда, для французов навязывание своих услуг морально неприемлемо. Таким образом, журналисты-фрилансеры в США и во Франции опираются на разные порядки обоснования ценности, на рыночный и гражданский мир соответственно.

Дискуссия

Книга Э. Кристин была с интересом встречена профессиональным сообществом, о чём свидетельствуют положительные рецензии зарубежных коллег (см., например: [Anderson 2020; Del Nido 2021; Stiglich 2021]). По мнению Криса Андерсона, профессора Школы медиа и коммуникаций Университета Лидса [Anderson 2020], «Метрики на работе...» можно считать второй по значимости этнографией цифровых новостей после работы Пабло Бочковски [Boczkowski 2004]. Рассуждая о научном вкладе рецензируемой монографии, Андерсон помещает её в более широкий исторический контекст. Он подчёркивает, что, в отличие от этнографических исследований в редакциях 1970-х гг., Кристин учитывает в анализе влияние технологий и материальных объектов на журналистскую деятельность. Лукас Стиглич обращает внимание на широту проблематики исследования, на новый подход к рассмотрению того, как технологии формируют организационную динамику, властные отношения, профессиональную идентичность и сами формируются ими [Stiglich 2021].

Более критического взгляда на рассматриваемый труд придерживается Дженни Хартли, доцент Департамента коммуникаций и искусств Университета Роскилле (Дания) [Hartley 2020]. Она отмечает, что между тщательно проработанной теоретической рамкой и насыщенным этнографическим описанием Кристин делает выбор в пользу последнего. Согласно рецензенту, понятие «алгоритмическая публика» и присущее анализируемым веб-изданиям видение аудитории раскрываются весьма поверхностно. В книге также мало говорится о воздействии выявленных различий в понимании метрик на производство новостей. Вопросы к теоретической глубине исследования имеются и у Мэтта Карлсона, доцента Школы журналистики и массовых коммуникаций Университета Миннесоты: «Теоретическая основа в книге гораздо менее развита, она имеет шаткую социологическую опору на работы Фуко, Бурдьё и Вебера и отсылки к новому институционализму с целью понимания полученных результатов» [Carlson 2021: 317].

Заключение

Журналистика стала одной из многочисленных сфер, подвергшихся колоссальной трансформации с переходом из традиционного формата в онлайн. Цифровые вызовы повлекли не только изменение бизнес-модели национальных СМИ, но и отразились на профессиональных ролях журналистов, их положении в обществе. Рецензируемая книга описывает путь двух новостных изданий, демонстрируя все трудности, конфликты и противоречия, с которыми им пришлось столкнуться в процессе освоения интернет-журналистики. Отправляясь в путешествие по обе стороны Атлантики, читатель знакомится со спецификой функционирования медиаорганизаций в США и во Франции¹¹.

¹¹ Как отмечает Кристин, судьбы изучаемых веб-изданий во время длительной полевой работы сложились по-разному: в то время как «TheNotebook» демонстрировало процветание, «LaPlace» вновь было перекуплено у Le Groupe Mag более крупным французским медиа.

Результаты многолетнего исследования Кристин наглядно показывают, что внедрение алгоритмов в журналистскую деятельность способствует скорее поляризации национальных медиа, нежели их конвергенции. Кристин выступает с критикой мифа о стандартизации, аргументируя его несостоятельность укоренённостью сложившейся в стране модели СМИ в институциональном, историческом и культурном контекстах.

Стоит отметить, что автор книги не отрицает присущего изучаемым веб-изданиям подражательного изоморфизма. Хотя «TheNotebook» и «LaPlace» и обращаются к наиболее успешным и эффективным стратегиям, между ними сохраняется множество различий, начиная со способов разрешения конфликта между двумя режимами оценивания и заканчивая системой вознаграждений работников. Это объясняется Кристин воспроизводством властных структур и институтов в деятельности медиаорганизаций.

В целом замысел книги глубоко социологичен. Прорываясь сквозь технологический детерминизм, автор рассматривает метрики в качестве символических объектов, а не как обезличенные и нейтральные показатели, служащие исключительно утилитарным целям. С помощью многочисленных аналитических инструментов («Chartbeat», «Parse.ly», «SocialFlow» и др.) цифровые метрики отражают или апробируют (*appresent*) [Knorr-Cetina, Bruegger 2002] аудиторию в режиме реального времени.

В заключение представляется целесообразным отметить некоторые слабые стороны рецензируемой книги и охарактеризовать отличительные свойства её целевой аудитории. Не возникает сомнения в том, что автором проделана колоссальная исследовательская работа, особенно если учесть более сотни самостоятельно взятых интервью на английском и французском языках. Впрочем, в книге отчётливо прослеживается доминирование интервью и наблюдений при описании полученных результатов и возникает впечатление избыточности эмпирического материала. Кроме того, не совсем очевидно решение автора вынести всю исследовательскую кухню в приложение. Гораздо проще для восприятия было бы знакомство с методологией в отдельной главе монографии. Мы также вынуждены согласиться с замечаниями зарубежных рецензентов о том, что теоретическая основа исследования кажется несколько размытой. Хотя Кристин ссылается на релевантную литературу в области экономической социологии и социологии массовой коммуникации, целостная теоретическая схема для анализа едва ли выстраивается.

Рецензируемая книга будет полезна исследователям, научными интересами которых являются социология рынков, социология массовых коммуникаций и социология труда. С высокой вероятностью эта категория читателей уже знакома с упоминаемыми в книге подходами, и их не затруднит оценка научного вклада рецензируемой книги. В то же время монография не перегружена сложными концептами, что делает её доступной для неподготовленной аудитории. Напротив, многочисленные отрывки из интервью, графики и заметки по результатам наблюдения облегчают читателю восприятие полученных результатов, погружая его в мир веб-журналистики.

Литература

Варганова Е. Л. 1999. К чему ведёт конвергенция СМИ? *Информационное общество*. 5: 11–14.

Anderson C. 2020. Technology, Culture, and Social Control in the Newsroom Revisited. By Angèle Christin, Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms. Princeton, Princeton University Press, 2020. *European Journal of Sociology*. 61 (3): 450–454.

Boczkowski P. J. 2004. *Digitizing the News: Innovation in Online Newspapers*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bourdieu P. 1993. *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*. New York: Columbia University Press.

- Bourdieu P. 2005. The Political Field, the Social Science Field, and the Journalistic Field. In: Benson R., Neveu E. (eds) *Bourdieu and the Journalistic Field*. Cambridge: Polity Press; 29–46.
- Brayne S., Christin A. 2021. Technologies of Crime Prediction: The Reception of Algorithms in Policing and Criminal Courts. *Social Problems*. 68 (3): 608–624. URL: <https://academic.oup.com/socpro/article-abstract/68/3/608/5782114>
- Carlson M. 2021. Book Review: Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms by Angèle Christin. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 98 (1): 315–317.
- Del Nido J. M. 2021. Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms: by Angèle Christin. Princeton: Princeton University Press, 2020. *Journal of Cultural Economy*. 14 (1): 123–125.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. 1991. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. In: Powell W. W., DiMaggio P. J. (eds). *The New Institutionalism in Organizational Studies*. Chicago; London: The University of Chicago Press; 63–82.
- Edwards R. 1979. *Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century*. New York: Basic Book.
- Etzioni A. 1961. *A Comparative Analysis of Complex Organizations on Power, Involvement, and Their Correlates*. New York: Free Press of Glencoe.
- Foucault M. 1995. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage Books.
- Geertz C. 1978. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing. *American Economic Review*. 68 (2): 28–32.
- Gouldner A. W. 1954. *Patterns of Industrial Bureaucracy*. Glencoe: Free Press.
- Hallin D. C., Mancini P. 2004. *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hartley J. M. 2020. Angela Christin: Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms, Princeton, 2020. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 36 (69): 139–142.
- Knorr-Cetina K., Bruegger U. 2002. Inhabiting Technology: The Global Lifeform of Financial Markets. *Current Sociology*. 50 (3): 389–405.
- Kunda G. 2006. *Engineering Culture: Control and Commitment in a High-Tech Corporation*. Rev. ed. Philadelphia: Temple University Press.
- Stiglich L. 2021. Book Review: Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms by Angèle Christin. *LSE Review of Books*. 20 September. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2021/09/20/book-review-metrics-at-work-journalism-and-the-contested-meaning-of-algorithms-by-angele-christin/>
- Zuboff S. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism. The First for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs.

NEW BOOKS

Liudmila Bogomazova

“Digital Rush”: In Search of Balance between Professional and Market Logics in Web Journalism

Book Review: Christin A. (2020) *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*, Princeton: Princeton University Press. 256 p.

BOGOMAZOVA, Liudmila — Abstract

Research Assistant,
Laboratory for Studies in
Economic Sociology, The
National Research University
Higher School of Economics.
Address: 20 Myasnitskaya str.,
101000, Moscow, Russian
Federation.

Email: lbogomazova@hse.ru

A book written by French-born American sociologist Angèle Christin, *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*, is devoted to the specificities of the functioning of publications during the traffic-chase era. The book's main goal is to show how the implementation of algorithms affects the professional identity and working practices of journalists.

The scholar uses a multi-stage theoretical framework as she turns to Bourdieu's concept of field, the sociology of “Worlds” by Boltanski and Thévenot, the theory of institutional isomorphism proposed by DiMaggio and Powell, and other relevant approaches examined in *The New Economic Sociology*.

The book is based on a comparative study of two web publications in the United States and France during the period 2011–2015. The author uses a mixed methodology whose core is comprised of observation and semi-structured interviews with the staff of media organizations.

Referring to the broad empirical material, Christin wonders whether metrics are really able to eradicate distinctions between national mass media in different countries. Although the two web publications face similar challenges in terms of modern journalism, they tackle them in different ways. This is due to the embeddedness of the professional activity of journalists in the institutional context, organizational structures, and professional fields.

The review raises the key issues of the book: a brief history of the formation of web journalism in the United States and France, the media organizations' perception of metrics and audience, and the role of independent professionals in news production.

Keywords: web journalism; professional roles; new media; algorithms; metrics; comparative study; Bourdieu field theory; ethnography.

References

Anderson C. (2020) Technology, Culture, and Social Control in the Newsroom Revisited. By Angèle Christin, *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*. Princeton, Princeton University Press, 2020. *European Journal of Sociology*, vol. 61, no 3, pp. 450–454.

Boczkowski P. J. (2004) *Digitizing the News: Innovation in Online Newspapers*, Cambridge, MA: MIT Press.

- Bourdieu P. (1993) *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*, New York: Columbia University Press.
- Bourdieu P. (2005) The Political Field, the Social Science Field, and the Journalistic Field. *Bourdieu and the Journalistic Field* (eds. R. Benson, E. Neveu), Cambridge: Polity Press, pp. 29–46.
- Brayne S., Christin A. (2021) Technologies of Crime Prediction: The Reception of Algorithms in Policing and Criminal Courts. *Social Problems*, vol. 68, no 3, pp. 608–624. Available at: <https://academic.oup.com/socpro/article-abstract/68/3/608/5782114> (accessed 10 October 2021).
- Carlson M. (2021) Book Review: Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms by Angèle Christin. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, vol. 98, no 1, pp. 315–317.
- Del Nido J. M. (2021) Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms: by Angèle Christin. Princeton: Princeton University Press, 2020. *Journal of Cultural Economy*, vol. 14, no 1, pp. 123–125.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. (1991) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *The New Institutionalism in Organizational Studies* (eds. W. W. Powell, P. J. DiMaggio), Chicago; London: The University of Chicago Press, pp. 63–82.
- Edwards R. (1979) *Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century*, New York: Basic Book.
- Etzioni A. (1961) *A Comparative Analysis of Complex Organizations on Power, Involvement, and Their Correlates*, New York: Free Press of Glencoe.
- Foucault M. (1995) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, New York: Vintage Books.
- Geertz C. (1978) The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing. *American Economic Review*, vol. 68, no 2, pp. 28–32.
- Gouldner A. W. (1954) *Patterns of Industrial Bureaucracy*, Glencoe: Free Press.
- Hallin D. C., Mancini P. (2004) *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hartley J. M. (2020) Angela Christin: Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms, Princeton, 2020. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*, vol. 36, no 69, pp. 139–142.
- Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2002) Inhabiting Technology: The Global Lifeform of Financial Markets. *Current Sociology*, vol. 50, no 3, pp. 389–405.
- Kunda G. (2006) *Engineering Culture: Control and Commitment in a High-Tech Corporation*, Rev. ed., Philadelphia: Temple University Press.
- Stiglich L. (2021) Book Review: Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms by Angèle Christin. *LSE Review of Books*, 20 September. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/lseviewof->

[books/2021/09/20/book-review-metrics-at-work-journalism-and-the-contested-meaning-of-algorithms-by-angele-christin/](#) (accessed 10 October 2021)

Vartanova E. L. (1999) K chemu vedet konvergentsiya SMI? [Where does Media Convergence Lead?] *Information Society = Informatsionnoe obshchestvo*, no 5, pp. 11–14 (in Russian).

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism. The First for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York: Public Affairs.

Received: October 15, 2021

Citation: Bogomazova L. (2021) Tsifrovaya likhoradka: v poiskakh balansa mezhdru professional'noy i rynochnoy logikami v veb-zhurnalistike ["Digital Rush": In Search of Balance between Professional and Market Logics in Web Journalism. Book Review: Christin A. (2020) *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*, Princeton: Princeton University Press. 256 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp.138–151. doi: [10.17323/1726-3247-2021-5-138-151](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-138-151) (in Russian).

NEW TEXTS

Hajnalka Fényes, Márta Mohácsi, Gabriella Pusztai

Types and Predictors of Career Consciousness among Higher Education Students



FÉNYES, Hajnalka—
PhD, habil., Associate
Professor, University of
Debrecen, Faculty of
Humanities, Department
of Sociology and
Social Policy. Address:
1 Egyetem tér, Debrecen
4032 Hungary.

Email: [fenyes.zsuzsanna@arts.unideb.hu](mailto:feny.es.zsuzsanna@arts.unideb.hu)

Abstract

In this study, we examine the higher education career consciousness of students and explore the factors affecting it. To this, we conducted empirical surveys in five Central and Eastern European countries ($N = 2,199$). As the literature contains no universal theory of career consciousness or an accepted measurement scale, we used self-developed indicators. Furthermore, instead of applying a psychological theoretical focus, we concentrated on sociological aspects. The first indicator of career consciousness measured the career-oriented motives of students entering higher education. The second reflected on career-related performance indicators during their studies, while the third and fourth indicated voluntary and paid employment undertaken alongside their studies for career-oriented purposes. Our principal component analysis resulted in two types of career consciousness. The first included career-conscious motives at the point of entry into higher education, and the second comprised career-oriented performance and actions during the course of study. The results of a cluster analysis support the existence of two distinct student groups based on the two types. Our regression analysis also shows that the strength of the two types of career consciousness depends on different background variables. Overall, our results imply that those who have career-conscious motives at entry into higher education do not act in a career-conscious way during their studies and that, conversely, those who act in a career-conscious manner during their studies do not have career-conscious motives concerning their entry into higher education. Furthermore, students' socio-demographic background and training field also variously influence the strength of the two types of career consciousness.

Keywords: career consciousness; higher education students; motivations for further studies; higher education performance; career-oriented paid and voluntary employment; quantitative analysis; Central and Eastern Europe.

Introduction

In the world of postmodern work, the attitude of workers towards their careers has changed [Dahrendorf 1988; Beck 1992]. Stances towards education have therefore also changed, as younger generations not only strive for the acquisition of abstract knowledge but also prefer utilitarian values regarding their future careers. At the same time, universities have also highlighted the importance of improving the employability of their students [Teichler 2011].

In Central and Eastern Europe, students' utilitarian goals in relation to higher education are especially important because of the social and economic disadvantages in the region. This is also supported by a cultural aspect, namely that these societies are dominated by a materialistic value system. Materialism has



MOHÁCSI, Márta—PhD, habil., Assistant Professor, University of Debrecen, Faculty of Humanities, Department of Sociology and Social Policy. Address: 1 Egyetem tér, Debrecen 4032 Hungary.

Email: mohacsi.marta@arts.unideb.hu



PUSZTAI, Gabriella—PhD, habil., DSc, Professor, University of Debrecen, Faculty of Humanities, director of the Institute of Educational Studies and Cultural Management, chief of Doctoral School of Human Sciences Address: 1 Egyetem tér, Debrecen 4032 Hungary.

Email: pusztai.gabriella@arts.unideb.hu

remained a central value even in the post-socialist era, presumably due to the lack of an extended period of welfare society and the fact that post-material values have little social acceptance. The higher education system is also different in this region: intellectual goals in education were more important until the beginning of the millennium, and only after the introduction of the Bologna system has the focus on employability become more pronounced. Overall, the utilitarian approach towards higher education studies among students in the examined region is reflected in the extraordinary importance they attach to building a career.

In this study, we ask three research questions. The first concerns how higher education students' career consciousness can be measured, the second asks what types of career consciousness can be differentiated, and the third regards the effect of our background variables on the different types of career consciousness. Our approach combines rational decision-making theory with sociological aspects. Our four indicators of career consciousness represent rational features, even though we know that non-rational elements exist with regard to career decisions and that they are not necessarily individual choices and may also be influenced by other actors. The sociological aspect of our research is that we also examine how socio-demographic background (the gender, age, and financial, cultural, and social resources of students), as well as certain characteristics of the training received (the country and field of study), affect the strength of this "rational" career consciousness. The other novelty of the study is that we measure not only career-conscious attitudes but also performance and actions undertaken for career-related purposes by the students during their studies.

In the literature, there is no universal theoretical framework on higher education students' career consciousness, and the existing approaches mostly have a psychological focus. Our goal is to develop a middle-range sociological theoretical background (see: [Merton 1968]), which is the guideline for our empirical research. Furthermore, there is no universal measurement scale for career consciousness even in the psychological literature, so we have developed our own measurements relying on the possibilities given in our questionnaire.

We examine career consciousness in general and are not limited by the choice of profession. We distinguish between four indicators of career consciousness. The first is related to the motivations for further studies after secondary education, the second measures higher education students' selected performance indicators, while the third and fourth show the characteristics of and motivations for paid and voluntary student employment, respectively. We consider students to be career conscious at entry if they were strongly motivated in their decision to enter higher education by the prospect of easily finding a well-paying job in a respected profession. Further measurements of career consciousness include certain higher education performance indicators (an intermediate or advanced language certificate obtained during their studies, the possession of a curriculum vitae (CV) in their native language or in a foreign language, participation in a study trip abroad, participation in an academic competition, presentation at a conference). We have selected those performance indicators that are not only necessary for a university career but also demonstrate the existence of skills that are highly valued in the labor market and can be presented in a CV.

We also considered students' voluntary and paid employment for career-oriented purposes as indicators of career consciousness. Career-oriented goals are identified if students have undertaken voluntary or paid work during their studies in a related field and if they were motivated to work by work experience, networking, and professional development opportunities and by being able to present the experience on their CVs.

In line with the four indicators mentioned above, the theoretical part of the article is divided into four sections. First, we briefly review the psychological and sociological models of the career decision-making process. In the second section, we address higher education students' career consciousness based on their motivations for higher education entry. We examine the factors that influence such motivations and the relationship between motivations and human capital theory. The following section explores higher education performance indicators and their determinants, with special regard to performance indicators that may be helpful in terms of future careers. Finally, we review students' motivations for undertaking voluntary and paid employment and the factors that affect such motivations according to the literature, and we also address the impact of student employment on higher education performance and labor market success.

In the empirical section of the study, we first perform principal component and cluster analyses using survey data from five Central and Eastern European countries ($N = 2,199$) to explore the types of career consciousness. In both analyses, the background variables are the four standardized indices of career consciousness. We then examine the effects on the two resulting principal components through linear regression. The explanatory variables are gender, age, cultural and financial background, the place of residence, the country and field of training, and social resources. In the concluding section of this study, we test our hypotheses, formulate our conclusions and policy proposals, and address the limitations of the analysis.

Psychological and Sociological Aspects of the Career Choice

In a narrower sense, career refers to advancement within a workplace, and more broadly, to movement between jobs [Arthur, Khapova, Wilderom 2005]. Individual, so-called protean careers also depend on personal values and the subjective interpretation of success [Hall 1996]. The career choice process is mostly discussed by psychologists. Its defining elements include career maturity and readiness as well as career awareness or consciousness. R. W. Lent, S. D. Brown, G. Hackett [1994] constructed a model of career planning and career choice based on the psychological aspects of such decisions. They established the social cognitive theory of career and academic interest, choice, and performance, and later, Lent and Brown [2013] constructed the social cognitive model of career self-management across the life span. Lent et al. [2016] discussed the application of this model to career exploration and decision-making. They measured the effects of individual psychological factors, such as decisional self-efficacy, coping efficacy, and decisional anxiety on career choice, as well as the effects of social support and outcome expectations. In the psychological literature (see, for example: [Krieshok, Black, McKay 2009]), both rational and intuitive aspects of career choice and career-related decision-making are discussed; furthermore, career maturity and career readiness are also examined [Crites, Savickas 1996]. S. M. Toman and M. L. Savickas [1997] differentiate between two factors of career readiness: attitudes towards career planning and attitudes towards career exploration.

Lent et al. [2017] examined the level of career decidedness among college students and the effects of psychological factors on it. Problems concerning career decisions and career choices among university students are also discussed by T. Adachi [2006]. He focuses on internal psychological constraints, such as career indecision, passivity, underdeveloped self-understanding, or an inadequate understanding of the professional world. Reflecting current economic and social circumstances, students need be able to understand themselves, understand the professional world, and make their own career decisions. According to his conclusion, the goal is to change students' self-efficacy and outcome expectations, which can positively influence their consciousness, attitudes, and decidedness.

Overall, these models address students' career choices and consciousness of career choice but not students' career consciousness in general, which is how we have conceptualized and operationalized the term. Furthermore, they do not examine the effects of gender or social background on these attitudes and focus mostly on attitudes as opposed to career-conscious actions or performance.

In the literature, P. Hodkinson and A. C. Sparkes [1997] discuss the sociological aspects of career decision-making. According to them, policymakers emphasize individual rational choice and individual freedom in decisions, whereas sociologists highlight socially structured or determined career paths. The authors develop a new model of "careership" based on Bourdieu's theories and combine these two approaches. The main point of the model is that career choice is located in people's habitus and is also influenced by other actors (the youth field). Based on their qualitative interview results, career choice is pragmatically and partly rational, and neither technically rational nor irrational, while it also depends on family background. Within the culturally-derived horizons for action, people make pragmatically rational choices at turning points on their career paths. In our paper, we also combine the rational choice model with sociological aspects, as we examine the effect of students' social background on some rational elements of career decision-making process.

Career Consciousness and Motivations for Higher Education Entry

In B. Tuckman's [1974] interpretation, career consciousness means that young people take into account the income and career opportunities available based on a given qualification or degree when deciding about their post-secondary education. In addition, it must be mentioned that young people's career plans after secondary education can also be influenced by their family environment, their financial situation, their peer group, and their secondary school teachers [Kazi, Akhlaq 2017; Nimra, Nawaz, Samiullah 2019].

Based on Tuckman [1974], we connect young people's motivations for higher education entry with the concept of career consciousness. A. L. Pires [2009] distinguishes three types of motivations for further studies. Internal motivations include the belief in knowledge, the joy of learning, new social relationships, and professional motivations, such as career building and skill development. External motivations may include economic considerations (e. g., using social connections obtained at university to get a good job) and external pressure or coercion from family, parents, friends, and the workplace. Finally, derivative motivations aim to avoid boredom and delay the entry into the labor market through higher education. As we have seen, career-building motivations are internal motivations based on Pires [2009], and according to Tuckman [1974], they are also linked to the human capital model (see: [Mincer 1958; Becker 1964; Schultz 1971]) because the wage advantage and the social prestige of the later job are considered when making the decision about higher education. In this study, students who are "career conscious at entry" primarily take into account the prediction of the human capital model (obtaining a well-paying job with a degree, easier job searches, and working in a respected profession) when deciding about higher education entry.

Regarding the background factors that influence career consciousness, M. N. Thompson and L. M. Subich [2006] found that students from favorable social backgrounds are more career conscious in the sense explained above, but H. Conno and G. Britain [2004] showed that career consciousness is also influenced by students' gender and ethnicity. Our previous regression results [Fényes, Mohácsi, Pallay 2021] reveal that graduation commitment during one's studies and career consciousness observed at higher education entry is more common among women, children of highly educated fathers, those from a favorable financial background, those of a rural origin, and students of economics and business, and is less common among students of pedagogy or humanities.

Performance Indicators in Higher Education

As a result of the functional rearrangement of higher education [Moura Castro, Levy 2001], its system of objectives has also diversified, multiplying the previously clear goals. Consequently, the concept of student

performance is not particularly clear in the world of mass higher education. The failure-minimizing approach captures the concept as contrary to students' dropout, failure, lack of success, and disillusionment with academic goals or with the institution. According to the positive approach, the taxonomy of student performance can start within higher education [Pusztai 2015] or rely on external systems of reference. According to the so-called internal indicators of higher education careers, student performance includes successful entry into each level of higher education in accordance with personal career plans, resilience, aspirations for and success in terms of entering the next level, examination results, skill development between entry and graduation, commitment to their studies, and students' learning methods, which meet academic standards [Klein et al. 2005; Tinto 2006; Banta, Pike 2007]. External indicators of student performance include getting employed in the public or private sector, achieving satisfactorily in the workplace, and having work attitudes that are valued by employers [Pusztai 2014]. It is difficult to predict external performance based on student performance during their university years, as it is not possible to know in advance whether students will be employed in the fields of their qualifications, do their jobs well, or meet their employers' expectations.

One-dimensional and multiplex measurements of higher education performance exist. Among one-dimensional approaches, the most frequently used is the classical GPA (grade point average). Its limitation, however, is that its comparability across institutions and disciplines is debatable [McAbee, Oswald 2013]. Some higher education performance measures are based on key competencies formulated as the principles of Programme for International Student Assessment (PISA) measurements. There have been attempts to measure similar competencies in higher education as in secondary schools and to assess the increase in knowledge by comparing the specialized or general competencies of entrants and graduates [Rodgers 2007]. Among the initiatives to assess general skill development, the best known is the CLA (the Collegiate Learning Assessment), which measures critical thinking, analytical reasoning, problem-solving skills, and written communication competencies [Zahner et al. 2016]. There are also field-specific measurements, such as the AHELO (the Assessment of Higher Education Learning Outcomes) for economics and engineering students. However, on closer inspection, the tasks of the CLA, which are used in the general part of the AHELO, also primarily aim to measure business planning ability [Shavelson 2012]. There are many reservations about the content of such assessments because the skills to be measured are always skewed towards one or another field of training. Furthermore, training programs may have divergent goals across regions and countries, and different social groups are likely to produce different test results. Another problem is that performance measurement tools involve a lengthy data acquisition procedure, and data analysis at the individual level is hindered by the fact that different parts of the survey are completed by different students in order to reduce the workload per student [Klein et al. 2007].

Multidimensional student development theories show that performance can be examined from several perspectives and that student development can vary in terms of its degree and pace in each vector [Chickering, Kytle 1999]. These include identity formation, goal orientation, and aspirations for studies and employment, which may also be related to our concept of career consciousness. Astin [1993], who also considers these indicators, views them within an affective category rather than a cognitive one, in a similar way to E. T. Pascarella and P. T. Terenzini [2005].

Instead of a one-dimensional measurement (e. g., GPA), the empirical section of this article employs the concept of multidimensional student performance in the examined region. In our previous research [Fényes 2010, Pusztai 2015], our indicators were organized into three factors: academic performance (publications during university years, participation in conferences, participation in academic competitions, extracurricular activities, study scholarships), international openness (language certificates, study trips), and plans for further studies (another degree or a Ph. D.). In this study, we also include among the performance indicators the possession of a CV in the native language or a foreign one.

As regards students' international openness, spatial mobility has been a key research focus of the literature

since the start of the Bologna process [Pusztai, Szabó 2008]. Everybody understands the value of international study experiences, which broaden prospective graduates' horizons, enrich their academic experience, and increase their innovation and networking skills, because degrees gained abroad and exchange semesters predict better labor market outcomes. Mobility capital [Murphy-Lejeune 2002; Soloviova 2017; Dabney-Fekete, Dusa 2020] includes accumulated resources that promote student mobility. Among these, foreign language skills play a prominent role. In some education systems, language proficiency is measured and certified through language exams organized by institutions or the state, but many international or internationally accredited language certificates are also popular and may even be a prerequisite for entering and completing higher education. In recent decades, foreign language proficiency has also been included in the literature as an independent indicator of academic success [Vinke, Jochems 1993; Dooley, Oliver 2002; Sadeghi et al. 2013].

In addition to obtaining a language certificate during one's university years, the possession of a CV in the native language or in a foreign one is also an important indicator of student performance. In the literature, the preparation of a CV is considered to be a positive experience, as it suggests professional self-knowledge, identity formation, and career consciousness [Skok, Dolinšek 2013]. Because a degree alone does not provide a competitive advantage in terms of mass training, students must fill their CVs with specific evidence of individual competencies, such as participation in study competitions and conferences, which employers are likely to value in a job interview. Overall, language skills, study trips abroad, participation in academic competitions, presentations at conferences, and the preparation of a CV are considered characteristics of consciously developed careers and arguably help future career outcomes, so they are included in the analysis as indicators of career consciousness.

Background factors that influence student performance were also examined in our previous research [Fényes 2010; Pusztai 2015]. Students' complex performance during their university years was increased by a favorable socioeconomic status, and most of all by the mothers' high educational attainment and students' urban origin. As for the effect of demographic variables, women and older students performed better. In our previous study, we compared performance to what was usual in the given discipline, as measured by the average at the faculty, because evaluations may sometimes be incomparable across disciplines, especially in STEM (science, technology, engineering, mathematics) fields but also in medicine and health sciences. We also showed that student performance was encouraged the most by social capital, especially close tutoring and mentoring relationships with faculty, which could override the influence of gender, age, and socioeconomic background. Of the performance indicators, language certificates were more common among women and those in a better financial position, whereas better academic and scientific performance indicators were more common among men [Fényes 2010; Pusztai 2015].

The Career-Building Role of Paid and Voluntary Work in Higher Education

Paid and voluntary work in higher education constitutes an investment in human capital by increasing subsequent productivity and allowing graduates to achieve higher earnings according to human capital theory [Mincer 1958]. In addition, paid and voluntary student employment may be characterized by capital conversion, as explained by P. Bourdieu [1986]. This is because students accumulate knowledge capital (labor market skills, professional knowledge) and social capital during employment, which can later be converted into financial benefits during employment after graduation. In this study, we link higher education students' motivations for employment and the fit between their work and studies to career consciousness during their university years. We consider those who have undertaken paid or voluntary work in a field related to their studies, or who are motivated to work by work experience, networking, and professional development opportunities and the expansion of their CV as career-conscious (in addition to those with the performance indicators discussed in the previous section). In the following, we review the impact of paid and voluntary work on higher education performance and labor market success based on the literature.

Paid work can have a positive effect on higher education performance, but mostly if it is related to the field of study. However, as some researchers point out, employment takes time away from one's studies and may reduce students' integration into campus life (they get to meet fewer peers and instructors), so it could decrease students' academic performance and increase their risk of dropping out [Tinto 1993]. However, according to A. W. Astin [1993], this is rather true for off-campus but not on-campus work. Overall, the impact of work on academic performance and on providing protection against dropping out is inconclusive [Blackwell et al. 2001].

Another theoretical framework of student employment highlights the importance of higher education for increasing students' future employability [Teichler 2011]. As a result of student employment, students' skills improve, and they establish new relationships, which later make it easier for them to get a job and earn more. However, according to P. Róbert and E. Saar [2012], it is employment in a field related to their studies that has a positive effect on their future success in the labor market. A. Baert et al. [2016] show that the positive and negative effects of related and unrelated work cancel each other out, and that student employment has no demonstrable effect on labor market position in the long run. Further empirical results from J. Allen and R. van der Velden [2011] suggest that the work after graduation is likely to fit their studies in terms of specialization and the level of training for graduates who have undertaken related work alongside their studies.

As for students' voluntary work, G. D. Kuh [2009] shows that if volunteering is related to their studies, it increases students' higher education performance and graduation commitment; in other words, such activities protect students from dropping out. We have found similar results in our previous work [Pusztai, Fényes, Markos 2021] using the data from the region that is also examined in this study. Research in the United Kingdom suggests that the positive impact of volunteering on labor market careers is especially pronounced if volunteering is not mandatory (that is, not integrated into the curriculum) or if it is related to the field of study [Hoskins, Leonard, Wilde 2020].

Overall, if paid and voluntary work is related to the students' field of study, it has a positive impact on their studies and future labor market success, so we decided to consider it as a career-consciousness indicator. The other indicators of career consciousness are related to the motives for paid and voluntary work. Research carried out in the region being studied found that a significant proportion of students were motivated to do paid work by the possibility of gaining work experience and not by the chance to earn money in the short term. Work experience-focused motivations were reinforced by a close relationship with parents and friends outside the institution, older age, and participation in self-funded training. Another important result is that if the work is not related to the nature of the studies, motivation can still result from the opportunity to gain work experience. In 2014, 50% of those who were motivated by work experience were employed in their field of study, compared to 40% in 2019 [Fényes 2021; Fényes et al. 2021].

As for voluntary work, the possibility of gaining work experience and establishing relationships was also an important motivation in addition to the chance to acquire knowledge, achieve professional development, and present the experience on one's CV. Besides these, various students were also motivated by the intention to help, which is a traditional motive for volunteering. Career-oriented goals regarding volunteering were stronger among women, those with close relationships with external friends, students in countries outside Hungary, and students in non-STEM¹ programs (e.g., helping professions). Volunteering was more closely related to the field of study among those from unfavorable social backgrounds, those who had intensive contact with faculty, students in Romania, and teacher education students [Fényes, Markos, Mohácsi 2021]. Overall, in relation to students' paid and voluntary work, if the work was related to the field of study and the motives were career-oriented, we considered these indicators as a measurement of students' career consciousness.

¹ In the study, STEM programs refer to the fields of engineering, computer science, and other sciences.

Hypotheses

H 1: Based on our four indicators of career consciousness, we suppose that there are two types of career consciousness and, similarly, two corresponding student groups based on these types. The first incorporates career-conscious motives for entering higher education, which means that the students' main motive is easily finding a high-prestige, well-paying job using their degrees [Tuckman 1974]. The second type features career-conscious actions and performance during higher education studies, which are measured by career-oriented performance indicators and career-oriented paid and voluntary work undertaken during their studies.

We suppose that those who are career conscious when entering higher education do not necessarily display career-conscious performance or actions during their studies. Those who have career-conscious motives to study further do not necessarily make efforts to build their careers later on during their studies. In other words, motives do not turn into actions or performance. On the other hand, we suppose that those who display career-conscious performance or actions during their studies might not have career-conscious motives concerning entering higher education.

H 2: We also suppose, based on our previous research findings in the examined region [Fényes 2010; Pusztai 2015; Fényes, Mohácsi, Pallay 2021; Fényes et al. 2021; Fényes, Markos, Mohácsi 2021], that our examined background variables affect the two types of career consciousness in different ways.

Importantly, these assumptions are only applicable to our indicators of career consciousness.

Database

The database consists of a large-sample student survey² (N = 2,199) conducted in the academic year 2018/19³. The survey was carried out at higher education institutions in Eastern Hungary⁴ and in four other countries⁵ (Slovakia, Romania, Ukraine, Serbia). The Hungarian subsample (N = 1,034) was collected using quota sampling and is representative with respect to the faculty, the field of study, and the type of funding. At institutions outside Hungary, groups of students on university or college courses were selected randomly and surveyed exhaustively (N = 1,165). The sample consists of full-time bachelor's students in their second year and of second- or third-year students from undivided programs that offer a master's degree.

Examined Variables

First, we present the elements of the dependent variables (the four indices for career consciousness; see the descriptive statistics in Table 1). In all cases, standardized indices were generated later. The index for career-conscious motives at entry is the sum of three binary (0 or 1) variables: I applied to higher education to find a well-paying job (the proportion of those who marked this as important or very important is 71.7%), to have a respected profession (76.6%), or because it is easier to get a job with a tertiary degree (80.5%). The Cronbach's alpha value is 0.622.

² The title of the research project was "The Role of Social and Organizational Factors in Student Attrition" in the following PERSIST 2019 database.

³ The data collection was carried out by the CHERD-Hungary research group, and the authors are the members of this group.

⁴ The University of Debrecen, the University of Nyíregyháza, Debrecen Reformed Theological University, Saint Athanasius Greek Catholic Theological College.

⁵ Babeş-Bolyai University (BBTE), Emanuel University of Oradea, Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian College of Higher Education, Constantine the Philosopher University in Nitra, Mukachevo State University, the University of Oradea, Partium Christian University (PKE), Sapientia Hungarian University of Transylvania, J. Selye University, the University of Novi Sad, Uzhhorod National University.

The career-related performance index is made up of the following items: I have taken part in an academic competition (8.9% of the sample has done so), I have made a presentation at a conference (8.7%), I possess an intermediate (46.6%) or advanced (13.1%) language certificate, I possess a CV in my native language (39.2%) or a foreign language (20%), and I went on a study trip abroad during my university years (7.5%). The index is the sum of the seven binary variables. The Cronbach's alpha value is 0.502, which is quite low, implying that the seven performance indicators comprising the index did not act together. Nevertheless, we still combine them into one indicator because not everyone is good at everything, so individual differences can be taken into account by using an index.

The two other indices of career consciousness are related to students' paid and voluntary work undertaken during their studies. The elements of the career-oriented paid employment index are as follows: whether the paid work was related to the field of study (15.7% of the full sample undertook paid work in a related field), whether the possibility of gaining work experience was an important or very important motivation for the paid employment (for 30% of the sample), and whether the chance to establish relationships was an important motivation (for 17% of the sample). The index is the sum of the three dummy variables, and the Cronbach's alpha value is 0.685.

Among those engaged in voluntary work, we distinguished those whose work was related to their fields of study (26.3% of the full sample) as well as those who were motivated by gaining work experience (34.9%), establishing new relationships (33.4%), acquiring knowledge and professional development (35.5%), and presenting the experience on their CVs (19.5%). The career-related voluntary work index is the sum of the five dummy variables, and the Cronbach's alpha value is 0.891.

Table 1

Descriptive Statistics of the Dependent Variables

Index	Mean	Standard Deviation
Career-conscious motives to study further, index (1–3)	2.29	0.96
Career-related performance, index (1–7)	1.44	1.32
Career-oriented paid work, index (1–3)	0.63	0.94
Career-oriented volunteering, index (1–5)	1.5	1.89

In our regression models, the explanatory variables (see the descriptive statistics in Table 2) include gender and age, and we proxy social background using the father's and mother's years of education and four indicators of financial status. A family's financial situation was measured by the possession of durable consumer goods⁶ (objective financial situation index 0–9) and by a relative financial situation indicator, which compares the family's financial situation to those of the student's peers (on a 1–5 scale where 3 is the average situation). To capture a students' individual financial situation objectively, we created a composite index indicating the possession of durable goods⁷ (0–6) and a subjective indicator of an individual's financial situation⁸ that explores whether the student can afford a significant purchase or is unable to cover even basic expenses (1–4). Finally, a variable for the place of residence at the age of 14 (1: urban, 0: rural) is also included. We also in-

⁶ Components of the index: Does the family possess an apartment or house, a five-year-old or younger car, a flat-screen television, a personal computer or laptop with broadband internet access at home, a tablet or e-book reader, mobile internet (on a phone or computer), a dishwasher, an air conditioner, and a smartphone?

⁷ Components of the index: Does the student possess an apartment or house, a car, an above-average smartphone (e. g., an iPhone), an above-average computer or laptop, a tablet or e-book reader, and savings to purchase a house?

⁸ 1: Often I do not have enough money for basic everyday necessities. 2: Sometimes I do not have enough money for everyday expenditures. 3: I have everything I need but cannot afford larger expenditures. 4: I have everything I need and can also afford larger expenditures.

investigate the effect exerted by the country variable and the field of study. Finally, students' social resources are represented by four indices, measuring the frequency of social activities with parents⁹ (6–30), faculty¹⁰ (0–18), fellow students from the same program or institution¹¹ (0–11), and friends outside the institution¹² (0–11).

Table 2

Descriptive Statistics of the Explanatory Variables

Variable	Statistics
Gender (1: male)	30.1% males and 69.9% females
Age	Mean 21.6, standard deviation 1.62
Mother's years of education	Mean 12.7, standard deviation 2.54
Father's years of education	Mean 12.9, standard deviation 2.6
The family's objective financial situation based on the possession of durable consumer goods (index, 0–9)	Mean 6.9, standard deviation 1.63
The family's relative financial situation compared to those of the student's peers (1–5)	Mean 3.3, standard deviation 0.77
The student's objective financial situation based on the possession of durable consumer goods (index, 0–6)	Mean 1.8, standard deviation 1.5
The student's subjective financial situation (1–4)	Mean 3.2, standard deviation 0.62
Place of residence at the age of 14 (1: urban)	62.2% urban, 37.8% rural
Country (dummy variables, ref. Serbia)	Hungary 47.5%, Romania 32%, Ukraine 9.3%, Slovakia 6.4%, Serbia 4.8%
Field of study (dummy variables, ref. other)	Arts and social sciences 21.5%, economics and business 12.7%, computer science, engineering, and sciences 15.9%, previously unclassified teacher education 25.7%, other 24.2%
Index for the relationship with parents	Mean 19.6, standard deviation 3.44
Index for the relationship with faculty	Mean 4.2, standard deviation 4.19
Index for the relationship with university peers	Mean 8.3, standard deviation 2.84
Index for the relationship with external friends	Mean 7.7, standard deviation 3.16

⁹ During the years spent in higher education, have your parents done any of the following activities with you? Have a conversation; ask about your studies and exams; provide financial support; plan activities together; or plan sports activities together (the frequency of the activities is specified on a 1–5 scale, with a Cronbach's alpha of 0.793).

¹⁰ Do you have a professor or lecturer with whom you do any of the following activities? Talk about the curriculum outside lectures; talk about topics not specified in the curriculum; talk about literature or art; talk about questions regarding politics; talk about private matters; talk about plans for the future; maintain regular e-mail conversations; pay special attention to your career; or talk about sport and a healthy lifestyle (1: there is one such professor, 2: there is more than one professor, 0: there is no such professor; with a Cronbach's alpha of 0.879).

¹¹ Do you have a fellow student on the program or at the institution with whom you do the following activities? Talk about academic problems; talk about private matters; spend leisure time together frequently; discuss future plans; visit in the case of illness; borrow textbooks or study materials; talk about scientific questions; talk about culture or questions regarding politics; talk about art; study together; or do sports together (1: there is such a student, 0: there is no such student; with a Cronbach's alpha of 0.842).

¹² Do you have a friend outside the institution with whom you do the following activities? See the list for fellow students (1: there is such a friend, 0: there is no such friend; with a Cronbach's alpha of 0.873).

Methods

We first performed principal component analysis to investigate the types of career consciousness with respect to the four indices mentioned above. We standardized the indices before conducting the analysis. Two types of career consciousness emerged, and we performed cluster analysis to explore whether these two career consciousness types are also characteristic of certain student groups. In addition, we carried out linear regression on both the principal components to examine their determinants.

Results

First, we conducted principal component analysis based on the four dependent variables (standardized indices). Our findings (Table 3) suggest the emergence of two principal components. One reflects career-conscious motives at entry based on the three career-oriented motives for studying further in higher education. The other incorporates career-conscious performance and actions during one's studies, which demonstrated high factor scores (above 0.6) with respect to career-oriented volunteering and paid work as well as career-oriented performance indicators in higher education. The factor weights imply that career consciousness at entry is loosely linked to career-oriented motives for paid employment and that the opposite is true for voluntary employment.

Table 3

Results of the Principal Component Analysis with Respect to the Four Career Consciousness Indices

Index	Career-Conscious Motives at Entry	Career-Conscious Performance and Actions
Career-oriented volunteering (standardized index)	- 0.205	<i>0.690</i>
Career-oriented paid work (standardized index)	0.291	<i>0.629</i>
Career-related performance (standardized index)	0.039	<i>0.642</i>
Career-conscious motives to study further (standardized index)	<i>0.946</i>	- 0.071

Source: Authors' calculations based on the PERSIST 2019 database.

*Total variance explained: 57.78%, missing pairwise, communalities are above 0.4.

** Factor weights, marked in bold and italics if the factor weight is above 0.5.

Second, we also performed cluster analysis based on the four indices, and two groups of students were distinguished. One of the groups, made up of 1,329 students, has above-average career consciousness at entry, which means that they were motivated to enter higher education by high earnings, an easy job search, and a high-prestige profession. The other group, which is a slightly smaller group with 870 students, is characterized by above-average values for the performance index and career-orientated paid and voluntary work. So, the resulting two student groups also differ with respect to the two career consciousness types obtained in the principal component analysis.

The explanatory factors affecting the two principal components were then examined through linear regression (Tables 4 and 5).

Table 4

**Linear Regression Results for Career-Conscious Motives at Entry
(Principal Component) as a Dependent Variable**

Variable	B	Se	Beta	T	Sig.
Gender (1: male)	0.045	0.055	0.022	0.820	0.412
Age	0.016	0.015	0.027	1.023	0.307
Mother's years of education	-0.004	0.011	-0.011	-0.373	0.709
Father's years of education	0.007	0.011	0.018	0.608	0.543
The family's objective financial situation based on the possession of durable consumer goods (index, 0-9)	0.054	0.017	0.090	3.114	0.002
The family's relative financial situation compared to those of the student's peers (1-5)	-0.041	0.036	-0.032	-1.128	0.260
The student's objective financial situation based on the possession of durable consumer goods (index, 0-6)	0.026	0.018	0.040	1.416	0.157
The student's subjective financial situation (1-4)	0.003	0.042	0.002	0.071	0.943
Place of residence at the age of 14 (1: urban)	-0.130	0.051	-0.066	-2.560	0.011
Hungary	0.171	0.079	0.090	2.155	0.031
Romania	-0.022	0.079	-0.010	-0.278	0.781
Ukraine	0.294	0.123	0.072	2.396	0.017
Slovakia	0.297	0.129	0.065	2.293	0.022
Arts and social sciences	-0.043	0.073	-0.018	-0.587	0.558
Business and economics	0.516	0.080	0.183	6.474	0.000
Sciences, computer science, engineering	0.214	0.074	0.083	2.887	0.004
Teacher education	-0.228	0.075	-0.105	-3.043	0.002
Index for the relationship with parents	0.023	0.007	0.080	3.144	0.002
Index for the relationship with faculty	-0.019	0.006	-0.080	-3.081	0.002
Index for the relationship with university peers	0.009	0.010	0.023	0.876	0.381
Index for the relationship with external friends	0.002	0.008	0.005	0.181	0.857

Source: Authors' calculations based on the PERSIST 2019 database.

* Adj. R-squared 0.097.

** Marked in bold and italics if $p \leq 0.05$

According to our findings, career-conscious motives at entry are stronger if a student's family is in a favorable objective financial situation; if students are of rural origin; if they study in Hungary, Ukraine, or Slovakia; if they study economics, business, or a STEM discipline (which in this case includes engineering, computer science, and other sciences); if they are not in teacher training; and finally, if they have a close relationship with parents and a distant one with faculty. The second regression model shows the effects on career-conscious performance and actions during one's studies.

Table 5

**Linear Regression Results for Career-Conscious Performance and Actions
(Principal Component) as a Dependent Variable**

Variable	B	SE	Beta	T	Sig.
Gender (1: male)	-0.128	0.056	- <i>0.061</i>	-2.289	<i>0.022</i>
Age	0.048	0.016	<i>0.081</i>	3.081	<i>0.002</i>
Mother's years of education	0.015	0.011	0.041	1.376	0.169
Father's years of education	0.000	0.011	0.000	0.006	0.996
The family's objective financial situation based on the possession of durable consumer goods (index, 0-9)	0.001	0.018	0.002	0.070	0.945
The family's relative financial situation compared to those of the student's peers (1-5)	0.021	0.037	0.016	0.568	0.570
The student's objective financial situation based on the possession of durable consumer goods (index, 0-6)	0.021	0.019	0.032	1.146	0.252
The student's subjective financial situation (1-4)	-0.010	0.043	-0.006	-0.236	0.813
Place of residence at the age of 14 (1: urban)	0.146	0.052	<i>0.073</i>	2.806	<i>0.005</i>
Hungary	-0.091	0.081	-0.047	-1.115	0.265
Romania	0.009	0.081	0.004	0.114	0.910
Ukraine	-0.290	0.126	- <i>0.070</i>	-2.310	<i>0.021</i>
Slovakia	0.190	0.133	0.041	1.430	0.153
Arts and social sciences	0.167	0.074	<i>0.069</i>	2.236	<i>0.025</i>
Business and economics	0.045	0.082	0.016	0.554	0.580
Sciences, computer science, engineering	-0.085	0.076	-0.032	-1.119	0.264
Teacher education	-0.064	0.077	-0.029	-0.827	0.409
Index for the relationship with parents	-0.004	0.007	-0.012	-0.485	0.628
Index for the relationship with faculty	0.040	0.006	<i>0.165</i>	6.330	<i>0.000</i>
Index for the relationship with university peers	0.018	0.010	0.046	1.750	0.080
Index for the relationship with external friends	0.041	0.009	<i>0.123</i>	4.667	<i>0.000</i>

Source: Authors' calculations based on the PERSIST 2019 database.

*Adj. R-squared 0.091.

** Marked in bold and italics if $p \leq 0.05$

According to our results, career-conscious performance and actions during one's studies are more pronounced among women, older students, urban students, those who study outside Ukraine, students of humanities and social sciences, and those who have a close connection with faculty and friends outside the university.

Discussion and Conclusion

In the theoretical section of this article (including the introduction), we conceptualized and operationalized students' career consciousness. According to our assumption, it is a rational aspect of the career decision-making process. Our study addresses students' career-conscious actions and performance as well as their attitudes or motives. We conceptualize career consciousness in general, and not limited by career choice. We combined rational decision-making theory with sociological aspects during the development of our middle-range theory on career consciousness, which was the guideline for our empirical research. The sociological aspect is that we examine the effect of students' social background (and further explanatory variables) on career consciousness. We supposed, based on P. Bourdieu and J.-C. Passeron [1977], a kind of reproduction of social inequalities in students' career consciousness, as well.

As we have seen in the literature, it is mostly psychologists who analyze students' career choices, but P. Hodgkinson and A. Sparkes [1997] developed a sociological model of career decision-making process. They combine the rational decision-making model with the theories on socially determined career paths. However, these works focus on career choices including consciousness of career choice, and not on career consciousness in general, and therefore differ from how we have conceptualized and operationalized the term. In the empirical section, we used four self-developed indicators of career consciousness, relying on the possibilities given in our questionnaire. The first measured the career-oriented motives of students at entry into higher education, the second reflected career-related performance indicators during their studies, while the third and fourth indicated voluntary and paid employment undertaken alongside their studies for career-oriented purposes.

Our first goal was to distinguish between the types of career consciousness using principal component and cluster analyses. According to the most interesting result of this study, students who have career-conscious motives for entry into higher education do not behave in a career-conscious way during their studies, at least according to the indicators we examined. Conversely, those who act in a career-conscious manner during their studies did not have career-conscious motives before entering higher education. This is confirmed by the results from both the cluster analysis and the principal component analysis, in accordance with our first hypothesis.

The two resulting separate types of career consciousness may be driven by students' special way of living (the so-called campus lifestyle; see: [Bocsi et al. 2019]), whereby students reinterpret their own previous goals, so their career-conscious motives at entry do not turn into career-conscious actions and performance during their studies. This result may also be explained by the reasoning that the central driving force of career consciousness at entry is the desire for social mobility, regarding which higher education provides an instrument, so an instrumental approach to higher education is dominant. However, this extrinsic approach is not enough to support career-conscious actions and performance during the difficult and obstacle-ridden process of higher education studies. Due to their interactions with various institutional partners, students identify with the norms and values of their immediate institutional environment, but intragenerational interaction among students does not become a stimulating force [Pusztai 2014].

Another reason for this result could be that our explanatory variables affect these two types of career consciousness differently, in accordance with our second hypothesis. Utilitarian goals concerning higher education entry are influenced by socio-demographic background factors that are different from those concerning career-conscious actions and performance during one's studies. Moreover, the field of study and the country of training have a different impact on the two types of career consciousness.

As for the demographic variables, the strength of career-conscious motives at entry is similar among men and women, but career-conscious actions and performance are more pronounced among women and older students. Due to gender inequalities in the labor market, women need to do more to get a good job, which is recognized by university students, and that is why women are more likely to engage in career-conscious actions and performance during their studies. The reason for older students doing more regarding their future careers could be simply that they have spent more time in higher education and are closer to graduating and beginning their job search.

Regarding social background, career-conscious motives at entry into higher education are more pronounced if a student's family is in a favorable objective financial situation and if they are of rural origin. Contrary to this, career-conscious actions and performance are more pronounced among urban students. However, considering other indicators, the effect of social background on career consciousness during one's studies was not significant. Overall, a better financial background and an urban origin increase career consciousness, so it is socially determined in a sense (in accordance with Bourdieu). At the same time, students of rural origin also have utilitarian goals when entering higher education, which may be due to their desire for social mobility.

As for the country of training, career-conscious motives at entry are stronger for students in Hungary, Ukraine, and Slovakia than in the other two countries examined (Serbia and Romania). This might be explained by the strength of higher education selection and the varying competitive nature of secondary schools; however, due to the small subsamples, no general conclusions can be drawn. In contrast, career-conscious actions and performance during one's studies are increased if the training takes place outside Ukraine. This might be due to the fact that in Ukraine there are fewer career-oriented paid and voluntary work opportunities than in the other four countries, that international mobility and conference opportunities are also less available within the higher education system there, and that students are less likely to have a language certificate or a foreign-language CV.

Regarding the field of training, career-conscious motives at entry are stronger among students of economics, business, or STEM disciplines (which in this case includes engineering, computer science, and other sciences) and less strong among teacher education students. At the same time, career-conscious actions and performance during one's studies are more likely among students of humanities or social sciences. The reason for this could be that students who decide to study economics, engineering, or computer science in higher education may choose these disciplines based on the associated economic and social advantages and on their desire to easily find a well-paying and prestigious job later. Therefore, their motives regarding entry into higher education are career conscious. However, later, during their studies, they do not feel the need to engage in career-building performance and actions, as their job prospects are relatively good. In contrast, students studying pedagogy, humanities, or social sciences might have different motives concerning their entry into higher education. They do not enter higher education to get a well-paying job in the future or to make their job search easier, but later, during their studies, they realize that they need to behave in a more career-conscious way because their degrees alone do not provide sufficient prestige and wage advantages. Overall, they need to engage in career-oriented performance and actions if they want to find a good job after graduation. The other explanation could be that career-oriented voluntary work is more frequent among students of helping professions than in STEM or business-related fields.

In terms of social resources, career-conscious motives at entry are stronger if students have close relationships with their parents and distant ones with their instructors, while career-conscious actions and performance during their studies are strengthened by close contact with faculty and friends outside the institution. The reason for this could be that for students with close relationships with their parents, the parents' influence on their career choices after secondary school was also more effective, which is why purposeful goals are more pronounced when entering higher education. However, career-conscious performance and actions are more significant later if students have close relationships with faculty, as instructors might assist them in their career-conscious actions and performance. Another reason could be that parents can help their children enter higher education, but when difficulties and overwhelming tasks arise during their studies, parents who are inexperienced in higher education cannot sustain their children's career consciousness. In this case, it is instructors who are able to guide students and maintain their commitment. Finally, the positive impact of external friends outside the institution on career-conscious actions and performance during their studies is observed presumably because students make external friends through career-oriented paid and voluntary work, or because external friends help students find employment. However, our results suggest that strong involvement in the student community does not affect career consciousness.

The policy conclusion of our study is that career-conscious actions and performance should be supported by the institution, primarily by recognizing that instructors have a responsibility in terms of offering career counseling to students and maintaining career consciousness among them. It is also the task of education policy to develop a system of student talent management with grants, awards, recognitions, and scholarships that support students' career consciousness. Although there are similar awards in the examined countries, they are only received by a small selection of students, so they are not suited to functioning as a forward-looking incentive

system. Collaboration between employers and universities is also necessary so that students are always aware of the labor market outcomes of their study programs even when facing difficulties and challenges during their studies.

The limitation of our research is that we have been constrained by the existing data during our measurement of career consciousness, and we have not been able to develop a complex measurement (scale) yet. We note that we have not found an example in the literature of the operationalization of the concept. We are aware that engaging in career-oriented paid and voluntary work depends not only on students' career consciousness but also on the availability of such opportunities in certain disciplines and countries. A further limitation is that our measurements of career consciousness represent the rational aspect of the career decision-making process, and non-rational motives and the effect of other actors on career choice are not discussed. The novelty of our study, however, is that, instead of applying a psychological focus, we have conceptualized and operationalized career consciousness based on a sociological approach and have examined its determinants accordingly.

Acknowledgements

Project no 123847 has been implemented with the support provided from the National Research, Development, and Innovation Fund of Hungary, financed under the K₁₇ funding scheme.

References

- Adachi T. (2006) The Career Consciousness Among Youth and Career Development Support: A Study Focusing on University Students. *Japan Labor Review*, vol. 3, no 2, pp. 28–42.
- Allen J., Velden R. van der (eds.) (2011) *The Flexible Professional in the Knowledge Society: New Challenges for Higher Education*, Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer.
- Arthur M. B., Khapova S. N., Wilderom C. P. (2005) Career Success in a Boundaryless Career World. *Journal of Organizational Behavior*, vol. 26, no 2, pp. 177–202.
- Astin A. W. (1993) *Preventing Students from Dropping Out*, San Francisco: Jossey-Bass.
- Baert A., Rotsaert O., Verhaest D., Omeij E. (2016) Student Employment and Later Labour Market Success: No Evidence for Higher Employment Chances. *Kyklos*, vol. 69, no 3, pp. 401–425.
- Banta T. W., Pike G. R. (2007) Revisiting the Blind Alley of Value-Added. *Assessment Update*, vol. 19, no 1, pp. 1–15.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: SAGE.
- Becker G. S. ([1964] 1994) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education* (3rd ed.), Chicago: University of Chicago Press.
- Blackwell A., Bowes L., Harvey L., Hesketh A., Knight P. T. (2001) Transforming Work Experience in Higher Education. *British Educational Research Journal*, vol. 27, no 3, pp. 269–285.
- Bocsi V., Ceglédi T., Kocsis Zs., Kovács K. E., Kovács K., Müller A. É., Pallay K., Szabó B. É., Szigeti F., Tóth D. A. (2019) The Discovery of the Possible Reasons for Delayed Graduation and Dropout in the

- Light of a Qualitative Research Study. *Journal of Adult Learning, Knowledge and Innovation*, vol. 3, no 1, pp. 27–38.
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (ed. J. G. Richardson), New York: Greenwood Press, pp. 241–258.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1977) *Reproduction in Education, Society and Culture*, New York: SAGE.
- Chickering A. W., Kytle J. (1999) The Collegiate Ideal in the Twenty-First Century. *Reconceptualizing the Collegiate Ideal. New Directions for Post-Secondary Education* (eds. J. D. Toma, A. J. Kezar), vol. 27, no 1, pp. 109–120.
- Connor H., Britain G. (2004) *Why the Difference? A Closer Look at Higher Education Minorityethnic Students and Graduates*. DfES Publications Nottingham. Available at: <http://www.bristol.ac.uk/ethnicity/documents/educationreport.pdf> (accessed 1 April 2020).
- Crites J. O., Savickas M. L. (1996) Revision of the Career Maturity Inventory. *Journal of Career Assessment*, vol. 4, no 2, pp. 131–138.
- Dabney-Fekete I. D., Dusa Á. R. (2020) *Driving Factors Behind University Students' Plans to Study Abroad: An Eastern Hungarian Case Study*. Karlowitz (ed.) 12th International Conference for Theory and Practice in Education, Abstracts, Budapest: Association of Educational Sciences. Available at: https://www.researchgate.net/publication/351441613_Driving_Factors_Behind_University_Students'_Plans_to_Study_Abroad_-_an_Eastern_Hungarian_Case_Study (accessed 15 November 2021).
- Dahrendorf R. (1988) *The Modern Social Conflict*, Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Dooley P., Oliver R. (2002) An Investigation into the Predictive Validity of the IELTS Test as an Indicator of Future Academic Success. *Prospect*, vol. 17, no 1, pp. 36–54.
- Fényes H. (2010) *A nemi sajátosságok különbségének vizsgálata az oktatásban. A nők hátrányainak felszámolódása?* [Gender Differences in Education. Is this the End of Disadvantages of Women?], Debrecen: Debrecen University Press (in Hungarian).
- Fényes H. (2021) Paid Work Alongside Higher Education Studies as an Investment in Human Capital. *Center for Educational Policy Studies (CEPS) Journal*, vol. 11, no 2, pp. 231–250.
- Fényes H., Kocsis Zs., Mohácsi M., Pusztai G. (2021, Forthcoming) Motivations of Paid Work among Higher Education Students and Its Determinants. *Society and Economy*.
- Fényes H., Markos V., Mohácsi M. (2021, Forthcoming) Volunteering among Higher Education Students as Part of Individual Career Management. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*.
- Fényes H., Mohácsi M., Pallay K. (2021) Career Consciousness and Commitment to Graduation among Higher Education Students in Central and Eastern Europe. *Economics and Sociology*, vol. 14, no 1, pp. 61–75.
- Hall D. T. (1996) Protean Careers of the 21st Century. *The Academy of Management Executive*, vol. 10, no 4, pp. 8–16.

- Hodkinson P., Sparkes A. C. (1997) Careership: A Sociological Theory of Career Decision Making. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 18, no 1, pp. 29–44.
- Hoskins B., Leonard P., Wilde R. (2020) How Effective Is Youth Volunteering as an Employment Strategy? A Mixed Methods Study of England. *Sociology*, vol. 54, no 4, pp. 763–781.
- Kazi S. A., Akhlaq A. (2017) Factors Affecting Students' Career Choice. *Journal of Research and Reflections in Education*, vol. 11, no 2, pp. 187–196.
- Klein S., Benjamin R., Shavelson R., Bolus R. (2007) The Collegiate Learning Assessment: Facts and Fantasies. *Evaluation Review*, vol. 31, no 5, pp. 415–429.
- Klein S., Kuh M., Chun L. S., Hamilton R. J., Shavelson R. (2005) An Approach to Measuring Cognitive Outcomes Across Higher Education Institutions. *Journal of Higher Education*, vol. 46, no 3, pp. 251–276.
- Krieshok T. S., Black M. D., McKay R. A. (2009) Career Decision Making: The Limits of Rationality and the Abundance of Non-Conscious Processes. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 75, no 3, pp. 275–290.
- Kuh G. D. (2009) The National Survey of Student Engagement: Conceptual and Empirical Foundations. *New Direction for Institutional Research*, Spring, no 141, pp. 5–20.
- Lent R. W., Brown S. D. (2013) Social Cognitive Model of Career Self-Management: Toward a Unifying View of Adaptive Career Behavior Across the Life Span. *Journal of Counseling Psychology*, vol. 60, no 4, pp. 557–568.
- Lent R. W., Brown S. D., Hackett G. (1994) Toward a Unifying Social Cognitive Theory of Career and Academic Interest, Choice, and Performance. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 45, no 1, pp. 79–122.
- Lent R. W., Ezeofor I., Morrison A. M., Penn L. T., Ireland G. W. (2016) Applying the Social Cognitive Model of Career Self-Management to Career Exploration and Decision-Making. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 93, pp. 47–57.
- Lent R. W., Ireland G. W., Penn L. T., Morris T. R., Sappington R. (2017) Sources of Self-Efficacy and Outcome Expectations for Career Exploration and Decision-Making: A Test of the Social Cognitive Model of Career Self-Management. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 99, pp. 107–117.
- McAbee S. T., Oswald F. L. (2013) The Criterion-Related Validity of Personality Measures for Predicting GPA: A Meta-Analytic Validity Competition. *Psychological Assessment*, vol. 25, no 2, p. 532–544.
- Merton R. (1968) *Social Theory and Social Structure*, New York: The Free Press.
- Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *The Journal of Political Economy*, vol. 66, no 4, pp. 281–302.
- Moura Castro C. de, Levy D. C. (2001) Four Functions of Higher Education. *International Higher Education*, vol. 2, no 23, pp. 5–6.
- Murphy-Lejeune E. (2002) *Student Mobility and Narrative in Europe*, London: Routledge.

- Nimra S., Nawaz A., Samiullah S. (2019) Factors Influencing Career Choices. *IBT Journal of Business Studies*, vol. 15, no 1, pp. 33–46.
- Pascarella E. T., Terenzini P. T. (2005) *How College Affects Students. A Third Decade of Research*, San Francisco: Jossey-Bass.
- Pires A. L. (2009) Higher Education and Adult Motivation towards Lifelong Learning. An Empirical Analysis of University Post-Graduates' Perspectives. *European Journal of Vocational Training*, vol. 46, no 1, pp. 129–150.
- Pusztai G. (2014) The Effects of Institutional Social Capital on Students' Success in Higher Education. *HERJ Hungarian Educational Research Journal*, vol. 4, no 3, pp. 68–83.
- Pusztai G. (2015) Pathways to Success in Higher Education. Rethinking the Social Capital Theory in the Light of Institutional Diversity. *Higher Education Research and Policy (HERP)*, vol. 7, Frankfurt am Main: Peter Lang Edition.
- Pusztai G., Fényes H., Markos V. (2021) The Effect of Volunteering and Voluntary Group Membership on Students' Persistence. *Heliyon* (published online). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07900> (accessed 15 November 2021).
- Pusztai G., Szabó P. C. (2008) The Bologna Process as a Trojan Horse: Restructuring Higher Education in Hungary. *European Education*, vol. 40, no 2, pp. 85–103.
- Róbert P., Saar E. (2012) Learning and Working: The Impact of the 'Double Status Position' on the Labour Market Entry Process of Graduates in CEE Countries. *European Sociological Review*, vol. 28, no 6, pp. 742–754.
- Rodgers T. (2007) Measuring Value Added in Higher Education: A Proposed Methodology for Developing a Performance Indicator Based on the Economic Value Added to Graduates. *Education Economics*, vol. 15, no 1, pp. 55–74.
- Sadeghi B., Kashanian N. M., Maleki A., Haghdoost A. (2013) English Language Proficiency as a Predictor of Academic Achievement among Medical Students in Iran. *Theory & Practice in Language Studies*, vol. 3, no 12, pp. 2315–2321.
- Schultz T. W. (1971) *Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research*, New York: The Free Press.
- Shavelson R. J. (2012) *Assessing College Learning: The Collegiate Learning Assessment*, Paderborn: University of Paderborn.
- Skok M. M., Dolinšek T. (2013) Some Findings on Career Counselling in Higher Education. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*, vol. 7, no 1, pp. 81–94.
- Soloviova A. (2017) Russian Students' Mobility Capital in the Field of University Internationalization. *Higher Education in the High North* (eds. M. Sundet, P. A. Forstorp, A. Örtenblad), Cham, Switzerland: Springer, pp. 241–261.

- Teichler U. (2011) Bologna — Motor or Stumbling Block for the Mobility and Employability of Graduates? *Employability and Mobility of Bachelor Graduates in Europe. Key Results of the Bologna Process* (eds. H. Schomburg, U. Teichler), Boston; Taipei: Sense Publishers Rotterdam, pp. 3–42.
- Thompson M. N., Subich L. M. (2006) The Relation of Social Status to the Career Decision-Making Process. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 69, no 2, pp. 289–301.
- Tinto V. (1993) *Leaving College: Rethinking the Causes and Cures of Student Attrition*, Chicago: University of Chicago Press.
- Tinto V. (2006) Research and Practice of Student Retention: What Next? *Journal of College Student Retention Research, Theory and Practice*, vol. 8, no 1, pp. 1–19.
- Toman S. M., Savickas M. L. (1997) Career Choice Readiness Moderates the Effects of Interest Inventory Interpretation. *Journal of Career Assessment*, vol. 5, no 3, pp. 275–291.
- Tuckman B. (1974) An Age-Graded Model for Career Development Education. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 4, no 2, pp. 193–212.
- Vinke A. A., Jochems W. M. G. (1993) English Proficiency and Academic Success in International Postgraduate Education. *Higher Education*, vol. 26, no 3, pp. 275–285.
- Zahner D., Kornhauser Z., Benjamin R. W., Wolf R., Steedle J. T. (2016) Using the Collegiate Learning Assessment to Address the College to Career Space. *Handbook of Research on Technology Tools for Real-World Skill Development* (eds. Y. Rosen, S. Ferrara, M. Mosharraf), Hershey, PA: IGI Global, pp. 230–260.

Received: September 2, 2021

Citation: Fényes H., Mohácsi M., Pusztai G. (2021) Types and Predictors of Career Consciousness among Higher Education Students. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 152–171. doi: [10.17323/1726-3247-2021-5-152-171](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-152-171) (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 22. № 5.
Ноябрь 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru



**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 22. No 5.
November 2021

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>